

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

2/2010

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издаётся с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АҚЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

О. И. РЯБОВ

На первой стр. обложки: фрагмент картины
М. Акынбекова «В долине Алай-Ку»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны:

62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Мару Байджиеву – 75!

Если бы свыше каждый раз назначался людям тот возраст, который соответствует силе их деяний в данное время, то мы, скорее всего, отмечали бы только полувековой юбилей нашего друга, талантливого писателя, драматурга и переводчика Мара Байджиева. Так мощна, напориста его творческая поступь. Так далеко устремлен его прищуренный, с легкой смешинкой взгляд. В издательствах выходят новые замечательные произведения Байджиева. В театрах идут новые постановки его пьес. По созданным им сценариям снимаются новые фильмы. Статьи Байджиева-публициста постоянно печатают ведущие газеты страны...

А ведь Народный писатель, Заслуженный деятель искусств Республики Мар Байджиев уже давным-давно причислен к

лику классиков кыргызской литературы. Он широко известен как автор повестей «Тропа», «Осенние дожди», «Однажды очень давно», ставших предметом изучения – для студентов, исследования – для ученых. Пьесы «Дуэль», «Праздник в каждом доме», «Древняя сказка» переведены на многие языки, ставились в театрах Союза и зарубежных стран. А такие фильмы по его сценариям, как «Потомок белого барса», «Золотая осень», «Мы – мужчины», вошли в золотой кинофонд страны. Будучи билингом, пишущим на русском и кыргызском языках, он перевел на кыргызский язык пьесы А. Чехова, В. Шекспира и Ж. Кокто. Все это – лишь частица из того, что им сотворено. За его плечами также работа во всесоюзных газетах «Правда», «Известия» и «Литературная газета», выходявших многомиллионными тиражами.

В минувшем году Байджиевым завершен огромный труд – поэтическое переложение на русский язык великого кыргызского эпоса «Манас», которое сам он считает вершиной своего творчества. Ныне Мар погружен в поэтическое переложение второй части эпоса – «Сейтек».

По словам главного байджиеведа страны профессора Георгия Хлыпенко, творчество нашего юбиляра является уникальным достоянием культуры Кыргызстана, приумножать его Мар собирается не один десяток лет.

Полагая, что Байджиев не забронзовеет от свершенного им и написанного о нем, мы желаем ему крепкого здоровья, счастья и способности с улыбкой переносить тяжкое бремя собственного величия!

Редколлегия «ЛК»

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 2/2010

ПРОЗА

- Талип Ибраимов. **Простите меня.** *Повесть* 5
Юрий Барвинок. **Мама.** *Рассказ* 59
Александр Камышев. **Записки кладоискателя.** *Документальный рассказ*..... 74

ПОЭЗИЯ

65 лет ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- Ветераны о войне.* Темиркул Уметалиев. Суюнбай Эралиев 104
Молодые о войне. Кристина Убайдуллаева. Гузель Давлетова 109

- Александр Никитенко. **Уходящая натура** 115
Дмитрий Сагайдак. **Стихи** 124

ПУБЛИЦИСТИКА

- Валерий Сандлер. **Не барин, а просто князь. Все смешалось в доме испанца.** *Беседы* 130

КУЛЬТУРА

- Бахтияр Койчугев. **Искать пути сближения** 148
Камиль Молдосанов. **Опыт дилетанского Хемингуэеведения** ... 171

- Коротко об авторах** 198

ПРОЗА

Талип ИБРАИМОВ

ПРОСТИТЕ МЕНЯ

Повесть

Долина была небольшая, километров семьдесят в длину и двадцать-тридцать в ширину, и именовалась она – Шамалдысай – долина ветров. Горы, закрывая горизонт, опоясывали ее со всех сторон, и необходимо было усилие воображения, чтобы представить, что за ними тоже есть жизнь. На северо-востоке долины между двумя ущельями к округлостям подножья приникло село Каирма, которое, судя по громадам недостроенных зданий на окраине, хотело вырасти в городок. Там когда-то намерились возвести то ли комбинат по обработке урановой руды, то ли по производству полупроводников – никто этого точно не знал: местных в планы не посвящали. Но, похоронив надежды селян на городское благополучие, рухнула империя, стройку забыли, и теперь заброшенные корпуса несостоявшегося комбината, уродуя сельский пейзаж, навевали ностальгию о могуществе большой страны.

Каирму считали баловнем судьбы. Ураганные ветры, которые сеяли трепет по всей долине, пролетали мимо села, почти не задевая его, – так ему повезло с рельефом местности.

После войны чуть выше Каирмы по ущелью открыли урановый рудник и каирмовские продавали шахтерам мясо, яйца, молоко, и, естественно, жили зажиточно, задавая тон в пивных районного центра. Даже когда советская власть канула в прошлое, и жители долины, чтобы не сойти с ума или не сдохнуть от голода, стали разбегаться по всему Земному шару, каирмовские не печалились: разбирали на кирпичи и железки рудник,

обслуживавшие его разного рода мастерские, и продавали в соседние страны.

После того, как разобрали-разнесли рудник, шахтерский поселок при нем, каирмовским тоже пришлось испытать вкус хлеба чужбины. Село с трудом перемогало безвременье, но недавно некий бизнесмен купил недостроенные здания на окраине и одно из них стал приспособлять под консервный завод. Работал пока один цех, но сельчане начали поставлять ягоды, фрукты и ожили, потому что появились надежды на хорошие перемены.

Каирму с остальным миром соединяла единственная дорога, которая, петляя между холмами, выползала к реке и, прильнув к ней, весело убегала вглубь долины.

Сегодня там, где встречаются река и дорога, бизнесмен Актан Маймылов проводил той¹ по случаю открытия консервного завода. Сельчане уже посостязались в вычурности здравниц в честь благодетеля, попили водки, кто сколько хотел, поели доотвала, а недоеденное, чтобы унести домой, сложили в пакетики, и теперь, сытые, довольные, отводили душу, наблюдая за козлодраньем². Они сидели на холмах, на пригорках, а на одной из возвышенностей, как раз посередине этого своеобразного амфитеатра, стоял наскоро сколоченный навес, под которым на скамейке сидели Актан, хозяин тоя, Улан, его правая рука, Роза – то ли секретарь, то ли консультант, Сабыр – аилуправа Каирмы, а на стульях впереди них восседали важные люди, видимо, из района или области.

Всадники были обнажены по пояс, игроки различались по повязкам на голове: одна команда была в желтых, другая – в синих. Игрок в синей повязке на всем скаку, уклоняясь от соперников, выронил тушу козла, резко осадил коня, чтобы исправить свою оплошность, но тушу на лету подхватил одним гибким, вытянутым движением игрок в желтом и помчал к лунке. К нему тотчас, защищая от соперников, пристроились желтые. Синие ринулись в атаку: как птицы они налетали с разных сторон на

¹ Той – празднество, праздник

² Козлодранье – национальная игра, всадники, вырывая друг у друга тушу козла, стремятся забросить ее в специальную лунку.

всадника с тушей, но того оберегали надежно. Но у самой лунки поджидал Бурхан с синей повязкой, мужчина могучего телосложения, который в отличие от всех остальных был уже в возрасте. Бурхан, эффектно ощерившись, с рыком бросился на подлетающих желтых и не дал забросить тушу в лунку. Туша упала на землю. В едином порыве изогнулись к ней всадники, мешая друг другу. Высоко вскидывая головы, храпели кони, вертелись волчком, недоумеая, но послушные воле людей, которые, похоже, во власти азарта потеряли разум. Наконец, из кучи-малы вырвался Бурхан и, высоко подняв над головой тушу, чтобы до нее не дотянулись соперники, ногами, как крыльями, подбивая коня по бокам, рванулся в сторону и кинул свою добычу в лунку.

Рев восторга прокатился по толпе. А Бурхан, величественный и скромный, поскакал аллюром по полю.

- Бур-хан!.. Бурхан! – скандировали люди.

Актан, держа ассигнацию в вытянутой руке, спустился к кромке поля. Бурхан подъехал к Актану, и Актан подsunул ассигнацию под повязку на голове перегнувшегося с седла Бурхана. Подражая Актану, один или два человека проделали то же самое. Бурхан с развевающимися ассигнациями на голове гордо озирает толпу, но остальные ограничились аплодисментами и криками восторга.

На поле между тем борьба разгоралась с новой силой. Туша оказалась у желтых, и Бурхан ринулся на помощь своим, на ходу срывая с головы ассигнации и кладя их в карман брюк.

- Стой! – раздался вопль и кто-то, скатившись кубарем, налетел на Актана. Актан едва не упал, его успел подхватить Улан, а неизвестно откуда появившиеся парни, видимо, телохранители Актана, мигмом подняли налетевшего человека и схватили за руки.

- Ты кто? – спросил мужичка Улан.

- Простите меня... Я вот, - мужичок показал глазами на свою руку, которую держал телохранитель, где была зажата пятисомовка³.

- Обыщите его! – сказал Улан, подозрительно оглядывая спецовку с многочисленными карманами. Телохранители стали прохлопывать мужичка с головы до ног.

- Ой, щекотно! – хохотал он, и это дурацкое поведение вызвало, видимо, еще большее подозрение.

³ Сом – национальная денежная единица.

- Заткнись!.. Не дергайся!.. – сказал телохранитель. - Схлопочешь по шее!..

- Это - бечара⁴. Отпустите его! – подоспел Сабыр и, видя недоумение на лицах Актана и Улана, добавил, - Он наш, айльский. Электрик...

Два подростка подвели к мужичку велосипед, сказали:

- Асан-байке, этот конь для козлодранья не подойдет!

Мужичок, которого отпустили, похлопал по сиденью своего велосипеда:

- Я его откормлю – еще как подойдет!.. – и сам захихикал своей остроте, а потом, видя, что другие не смеются, спохватился, - Ой, простите меня!..

И закрыл ладонью рот.

- Дурачок какой-то, - пробормотал Актан, отходя.

Сабыр слышал слова Актана и уязвился.

- Он – не дурачок, - сказал Сабыр, идя вслед за Актаном, – Золотые руки... Просто, после Афгана он... не такой... как все...

- Я не хотел его обижать, тем более – вас... Просто, вырвалось. Вы уж извините, – сказал Актан и чтобы еще вернее сгладить свою оплошность, спросил: – Так вы говорите, он хороший электрик?

Сабыр вздернул большой палец.

- Это у него возле дома какая-то штучка?

- О, это не штучка!.. Ловчий ветра!.. Когда электричество отключается, а это часто у нас случается, во всем аиле только у него горит свет..

- Самостоятельный источник энергии, – сказал Актан, что-то соображая.

- Ага.

- Почему же он другим такое не сделает?

- Откуда деньги?.. Он эту свою, считай, лет десять из разного металлолома собирал..

- Понятно, – сказал Актан и повернулся к Улану. – Вон того мужичка с велосипедом завтра привезешь ко мне!.. Ладно, я пойду. Время не догонишь, но никто не мешает попытаться это сделать... Идем, Роза!

- А как же банкет? – спросил Сабыр.

- Сами проведете.

- Не по-человечески все получается, – сказал Сабыр, – Вы раздаете народу муку, сахар, проводите эти игры, тои, а сами ни разу перед народом не показались..

- Чтобы показать себя – вот, мол, какой благодетель!? – усмехнулся Актан, – Тьфу!.. Презираю уродов, которые, сделав дел на пять копеек, хотят на сто сомов показаться!.. От меня вот Улан останется. Он тоже не последний человек... Пока!

Актан двинулся в сторону скопления машин, за ним тенью заскользила Роза.

- Какой достойный человек! – тихо восхитился Эсен.

- Ага! – машинально отозвался Улан, который не сводил глаз с поля, где носились всадники, и вдруг заорал, пугая Сабыра: – Давай!.. Держи крепче!..

В сторону лунки, оторвавшись от остальных игроков, скакали, на лету схватываясь за тушу козла, два всадника.

Ночь мохнатой лапой накрыла село, которое, защищаясь, выставило редкие, слабосильные точки света. По улице аила, раскачиваясь, шел Асан, в миру – «Простите меня», который вел свой велосипед, а рядом – Бурхан, ведущий за поводья своего коня. Лаяли собаки, где-то с невыразимой страстью прокричал ишак, только человеческие голоса затаились – айльчане, экономия деньги и силы, ложатся рано.

- Я горжусь тобой!.. До самого смертного часа буду гордиться тобой! – говорил Асан, полный любви и библейского самоотречения, готовый пожертвовать собой не то что за человека, но даже за самую малую букашку.

Бурхан молчал, скромный, как и положено герою, потом не утерпел:

- Это что!.. Ты меня в молодости не видел!

- Почему не видел?! Я все видел!

- Ты не видел, что я тогда выделял!

- Видел!.. Как тебя в пивной били...

- Меня?! – взревел Бурхан.

- Тебя.

⁴ Бечара – бедолага, немощный.

- Врешь!
- Тебя тогда еще в милицию забрали, потому что ты их стал бить...
- А-а, – успокоился Бурхан, невольно приосаниваясь и выпячивая грудь.
- А ты – хвастун! – вдруг остановился Асан.
- Почему это я – хвастун?! – остановился и Бурхан, грозно глядя на своего спутника.
- Потому что тебе за сорок, а ты все как молодой ерепенишься!.. Там состязаются молодые, ловкие, и ты, как пугало, носишься...
- Да я их всех в бараний рог согну!.. Не веришь?!.. Настоящий мужик до ста лет мужик!.. И от него только мужики рождаются. Понял?
Асан промолчал. Бурхан тоже молчал, трепеща ноздрями, возбуждаясь от собственной риторики. Вдруг Асан заплакал.
- Эй, что с тобой?..
- Я плачу...
- Я вижу, что ты плачешь...
- Я горько плачу, я безнадежно плачу, – и, демонстрируя безнадежность, Асан завыл.
- Эй, перестань!.. Аил⁵ разбудишь...
- Пусть все просыпаются!.. Пусть все любят бечарой, не настоящим мужиком!.. У меня одни дочери, а-а!..
- Перестань, я же пошутил...
- Ты правду сказал. Я не дурак, чтобы не понимать шуток!..
- Если захочешь, ты можешь сам родить сына! – вдруг озарило Бурхана.
- Как?! – обрадовался Асан.
- Надо, чтобы в тебя попала молния.
- А как под нее подставиться?
- Действительно, как она в тебя попадет... Бегать туда-сюда ног не хватит... Слушай!.. Надо, чтобы тебя ударило электричество, только чуть-чуть, чтобы не убило, а женские гормоны испепелило...
- Так меня сотни раз ударяло!

⁵ Аил – село, деревня.

- По неосторожности ударяло... По глупости!.. А надо, чтобы с чувством! Чтобы в тот момент, когда тебя ударит, в груди горело великое желание и исторгало из глотки просьбу: – Я хочу сына!..
- Я хочу сына!.. – подпел Бурхану Асан, бросил велосипед и, вынув из сумки когти, одел на ноги и с кошачьей ловкостью полез на столб.
- Главное – с чувством! – крикнул Бурхан.
- Понял! – отозвался сверху Асан.
- Без чувств вселенная мертва, – щегольнул Бурхан и пожалел, что не было свидетелей его озарению.
- Я хочу сына! – загремело с неба, потом что-то треснуло, вспыхнул разряд и – жуткий вопль. Конь вырвал поводья и умчался в ночь.
- Асан! – закричал в ужасе Бурхан. – Асан!..
- О, кокуй, что случилось?! – из ближайших домов начали сбегаться полуодетые люди, кое-кто с фонариками. Бурхан рычал и тянул руку вверх. Вверху на страховочном ремне, безвольно откинув голову, висел Асан.
- Убило! – прорыдал Бурхан, затем, устыдившись своего жалкого крика, перешел на обычный агрессивно-решительный тон: - Лестницу! Живо!..
Подростки убежали в ночь. Женщины глядели в ночное небо, причитали:
- О, Кудай⁶!.. За что?!.. За что ты отнял у нас, горемычных, такого человека...
- О, бечара!.. Как же мы теперь без света будем жить?..
- Лопаты несите!.. Будем оживлять! – распорядился Бурхан.
Между тем принесли лестницу, и Бурхан полез вверх.
- Что делать с лопатами? – прокричал подросток, принесший лопату.
- Копать яму!.. Быстро копать! – проорал сверху Бурхан.
Старики, женщины и подростки в стороне от дороги, где грунт был помягче, стали копать яму.
- А как глубоко? – спросила женщина. Старик пожал плечами.

⁶ О, Кудай – Всевышний, Бог.

- Бурхан-байке!.. Как глубоко копать? – поднял голову подросток.

- Идиоты! – загремело сверху, - Чтобы Асан влезился...

Старики и подростки стали лихорадочно копать в земле, женщина светила фонариком. Показался Бурхан, который осторожно сходил по лестнице, неся Асана. Он положил его на землю, выхватил у кого-то лопату, приговаривая:

- Вы что, для курицы, что ли, копаете?!.. Для человека! – стал яростно удлинять яму, придавая ей форму прямоугольника. Кто-то из подростков приложился ухом к груди Асана, воскликнул:

- Стучит!..

- Дай, я послушаю! – женщина толкнула подростка, опустилась на колени и припала необъятным лицом к груди.

- Ничего не слышно... Фу, как водкой воняет!

- Пульс пощупайте! – блеснул кто-то осведомленностью. – Пульс!.. Да не в штанах пульс, а на руках!..

Разобрали руки, щупая по всему локтевому суставу.

- Стучит!..

- А ну, отойдите, академики! – подошел Бурхан и, подняв Асана, понес к яме. – Помогите!..

Бурхан и подростки бережно опустили Асана в яму. Потом стали закапывать, Бурхан держал его за голову, предупреждая:

- Осторожно...

- О, кокуй, на кого ты нас, горемычных, оставил?! – раздался истошный вопль и, раздвигая людей, показалась Бермет, жена Асана. Увидев закопанного по голову мужа, она царапнула пятерней по своему лицу, и, усевшись у его изголовья, раскачиваясь из стороны в сторону, запричитала:

- На небе миллионы звезд и луна,

На земле тысячи источников света,

Но, если солнце потухнет,

Мир охватит сплошная тьма...

О мое солнце, сгорело ты дотла,

На кого ты меня оставил?

Что станет с аилом без тебя,

Кто нам трансформатор исправит, о кокуй⁸?!..

⁷ Байке – вежливое обращение к мужчине старшему по возрасту.

⁸ Кокуй – возглас удивления, страха, горести.

Плач Бермет прошиб людей: старики насупились, зарыдал Бурхан, женщины подолами вытирали обильные слезы, вздыхая и сморкаясь.

- Бермет!.. Теперь у нас будет сын!! – раздался вдруг ликующий вопль.

Бермет ошарашено оглядела людей, потом увидела сияющую физиономию Асана, который, вытягивая шею, тужился выбраться из-под земли.

- Будь ты проклят! – заорала она и ударила по этой счастливой роже, пнула, но не попала, опрокинувшись на спину.

- Простите меня! – пролепетал Асан.

- Держите ее!.. Она теперь убьет его!

Женщины схватили разъяренную Бермет, которая, вскочив на ноги, ринулась к торчащей над землей голове Асана. Он, защищаясь, закрыл глаза.

Асан по привычке вскочил спозаранок и, скосив взгляд на спящую Бермет, выскользнул из спальни. Смутно припоминая вчерашнюю ночь, он ощущал себя безмерно виноватым. Торопливо, пока жена не проснулась, одел спецовку, подпоясался широким ремнем. Но не успел выскочить из дома. Вышла Бермет и так глянула на мужа, что тот замер, как замороженный. Она, прижав его к стене, прошла мимо, на веранду. Асан, взяв сумку с инструментами, крадучись, приоткрыл комнату девочек. Они спали. Асан знал, что прежде, чем уйти, он должен глянуть на девочек, переполнить сердце нежностью, как машина бензином баки, и – можно жить!..

На веранде его остановила Бермет. Она сидела за низеньким столиком, на котором стояли пиалки⁹, сахарница, на тарелке – лепешка.

- Стой! – сказал она.

Он застыл.

- Садись! – сказала она.

Он сел, не глядя на нее. Она молчала. Он молчал. На газовой плите захлебнулся чайник. Он вскочил было, но она остано-

⁹ Пиалка – сосуд для питья в форме небольшой чаши без ручки.

вила его движением руки, сама выключила газ, заварила чай в фарфоровый чайничек.

- Я пойду? – осмелился Асан.
- Куда на голодный желудок?
- Конечно, – пробормотал Асан, вновь усаживаясь.
- Ты боишься, что я тебе мораль буду читать? – спросила Бермет.

Асан сглотнул слюну, промолчал.

- Не буду. Я устала. Сколько золотых слов на тебя растрчено – и все впустую.

- Нет, я почти все помню.

Бермет налила чай, пододвинула тарелку с лепешкой.

- Ешь!.. Хоть скудно, но свое. А если ты умрешь, не будет и этого...

Бермет сделала выразительную паузу. Асан молчал и ел лепешку.

- Сколько раз говорить тебе: не пей на улице!.. Я лучше сама тебе куплю...

- купишь?! – удивился Асан.

- Ты хочешь, чтобы я купила? – зловеще спросила Бермет.

Асан счел за лучшее отмолчаться.

- А на какие деньги?! – уже завелась Бермет, – Или ты миллионы домой приносишь?!.. Ты же, свинья бесхозная, предпочитаешь, чтобы водкой с тобой расплачивались!.. Чтоб тебе мочой моей захлебнуться!..

- Стоп! – решительно поднялся Асан. – У меня работа опасная, с утра надо нервы беречь!..

Он выскочил во двор и остановился, озирая белый свет.

- Если и сегодня придешь пьяным, собственными руками задушу! – кричала вслед Бермет. – Пусть я загремлю в тюрьму, девочек – в детдом, и сбудется твоя заветная мечта.

Асан стоял на крыльце, и пламенная патетика жены несколько не отравляла его свидание с миром. Выход из тесноты жилища под необъятное небо – это всегда подобно божественному свету пронзало его необъяснимым счастьем, и эти благословенные мгновенья затмевали все его беды, превращая их в ничтожные неудобства. Светило солнце, висели облака, трепетали деревья, вальяжно расхаживали куры, и здесь его умиленный

взгляд, споткнувшись об опоры ветряка, который стоял на бугре у края огорода, озаботился, поднялся до ранга взгляда взрослого человека. Вхолостую, взывая к его совести, крутилось ветроколесо, и понимание этого укора омрачило наслаждение от созерцания стройной прямоугольной опоры, на вершине которой, словно крылья диковинных бабочек, медленно вращались лопасти.

- Любуешься своей игрушкой? – съязвила Бермет, которая вышла вслед за ним.

- Работала же.. – сказал Асан, подхватывая свой велосипед.

- А ты поройся на свалке, может, еще что найдешь, – наигрывая простодушие, посоветовала Бермет.

- Посмотрим, как ты запоешь, когда мне привезут новый генератор!

- Раньше на спинах овец жаворонки гнезда совьют, - сказала Бермет, глядя вслед удаляющемуся на велосипеде мужу.

Асан медленно ехал по улочке айла, скашивая взгляд вверх, к проводам, четкими линиями, прочерчивающими небо. На проводах сидели ласточки, которые, не вынеся бдительного взгляда Асана, взлетели, спеша в пределы недосыгаемости.

- О, кокуй!.. Убьешь! – закричала женщина, которая переходила дорогу и, успев отскочить, упала на обочину.

- Ой! – вскрикнул Асан. – Простите меня!

Бросив велосипед, он кинулся к женщине. Стал ее оцупывать, как маленькую девочку.

- Перестань!.. Что люди скажут?! – колыхнулась прелестянами женщина.

- Не ушиблась?

- Ты что, слепой?

- Прости меня! – потупился Асан.

- Идем, утюг починишь!

- Может, потом... Меня ждут...

- Ага, ищи тебя потом... Подождут, переберутся...

Видя сомнения Асана, не поскупилась на комплимент:

- Да ты мигом сделаешь!.. Такой великий мастер...

Асану стало неудобно, что он вынуждает человека на подобострастие. Взяв сумку с инструментами, он пошел во двор. За ним, ведя велосипед, двинулась женщина, приговаривая:

- Велосипед зачем бросать?.. Мигом по частям разберут... Никто бы, конечно, не тронул, но как приятно быть предусмотрительной.

- Опять любовника привела? – встретил их на веранде мужчины.

- Я вот... уютю, - растерялся Асан.

- Тогда, пожалуйста!.. Только когда появятся уютжата, не забудь про алименты.

Асан рассеянно кивнул и, сев за стол, принялся разбирать уютю. Муж с женой принялись укладывать в коробки абрикосы из горки в углу. Понятно, повезут на консервный завод. Вдруг Асан дико расхохотался.

- Ты что? – удивилась женщина.

- Значит, алименты уютжатам?! – с трудом выговорил Асан и опять захлебнулся в безудержном хохоте. Муж с женой переглянулись и тоже захохотали. Из комнаты высунулась взлохмаченная старуха, прошипела:

- Тише! Детей разбудите!

Наладить уютю, конечно, пустяк, но даже такая малость приводила Асана в доброе расположение духа, и это, пожалуй, было самой лучшей оплатой, тем более что с утра драгоценная женушка уже успела плюнуть в душу. Поэтому он вежливо отказался от двадцатки, которую совала ему женщина. Но она насильно затолкала ассигнацию в задний карман спецовки, приговаривая: «Обижает, обижает!»

Асан ехал и жалел, что не вернул ассигнацию, которая теперь, уличая в алчности, прожигала ему зад. Он налегал на педали, поглядывая на облака, на деревья, надеясь, что вид любимых созданий природы, восстановит ему недавний душевный настрой.

За конторой аилуправы Асан остановился, слез с велосипеда, и, чтобы его любованье не бросалось в глаза, забрался на столб, достал пассатижи и стал якобы крепить изолятор, а сам не спускал глаз с остановки, где среди женщин с ведрами стояла она, Сейил. Его Ангел. Он мог бы смотреть на нее часами и не уставать. Она была словно живым напоминанием другой, возможной жизни, и было бы кощунственно даже предположить, что он имеет на нее какие-то виды. Он просто смотрел на нее и радо-

вался за жизнь, в которой есть такие люди. Она работала где-то в станционном поселке и по утрам уезжала из аила, иногда пропадала, и тогда Асан тосковал и маялся. Обыкновенно она стояла, отстранившись молчанием от других, односложно отвечала, если к ней обращались, почти не смеялась – он ни разу не видел, чтоб она хохотала, лишь изредка, если рядом умирали от смеха, улыбка, словно солнечный блик, пробежала по ее лицу.

Урча, подъехал автобус. Асан видел, как она, плавно изогнувшись, одним длинным движением поднялась в автобус, прошла по салону и спряталась в угол на заднем сиденье. Потом автобус уехал. Осталось такое чувство, будто автобус увез ее навсегда, обрекая аил жить без души. Асан вздохнул, сел на велосипед и поехал в сторону гор.

Сейил с бабушкой, кривобокой старухой, которая почти не выходила за двор, уже больше двух лет жили в Каирме, но толком о них никто ничего не знал. Они почти не общались с соседями, на расспросы отвечали односложно и неохотно. «Совсем обрусели, забыли народные обычаи», – решили сельчане и оставили их в покое. Они переехали из рудничного поселка, где в основном жили русские, которые после смерти советской власти уехали к себе, а редкие киргизы рассеялись кто куда.

Асан выехал за аил и, свернув с дороги, поехал по тропе, которая, извиваясь, поднималась в горы. Запахи разнотравья, голос воды, ветерок ласковый, как щенок, и главное – никого! – не надо ни перед кем виноватиться. Асан, напрягаясь, налегал на педали, он был счастлив – что может быть лучше мгновений, когда ты с миром один на один?! Он любил одиночество и скрывал это, опасаясь осуждения и насмешек. Мог часами лежать где-нибудь в ложбине, спрятавшись от людей, смотреть на небо и млеть от самодостаточности, превращаясь в траву или дерево. Превратиться в цветок он не решался, понимая, что этого не заслуживает. А сейчас разлеживаться было некогда: его ждали старатели.

У берега речки, там, где вчера было многолюдье, было пустынно, только в отдалении двигался всадник. То рысью, то

галопом, раздавалось ликующее рычание – это был, разумеется, неповторимый Бурхан. Увидев Асана, Бурхан помчался наперерез.

- Живой?! – захохотал он еще издали.

Асан остановился, сполз с сиденья на ноги.

- Живой, целый, как конфетка! – хохотал Бурхан. – Теперь ты настоящий мужик!.. Жми на секс – и будет сын!..

Асан стоял, смущенно улыбаясь, и не мог не любоваться напористой жизнерадостностью Бурхана.

- Ты наврал или вычитал? – решился, наконец, спросить.

- О чем ты?

- Ну... о том, что сын родится...

- Друг называется!.. Когда это я врал?.. У меня фантазии нету, у меня все по науке!.. Вот попробуй!.. Лизни!..

Бурхан провел рукой по мокрому крупу коня и протянул ладонь к лицу Асана. Тот покорно лизнул.

- Солёный?

- Солёноватый, – неуверенно сказал Асан.

- Значит, еще не готов к скачке. Надо гонять до тех пор, пока пот станет безвкусным. Понял?

Асан, подчиняясь напору, кивнул, но взгляд его был непонимающим, поэтому Бурхан решил снизить до объяснения:

- Через пару недель в Оше аламан-байга¹⁰, первый приз – легковушка. Считай, что она у меня в кармане. Понял?

Асан пожал плечами.

- Эх, Асан, хороший ты человек, но тупой!..

- Прости меня... Но я, в самом деле, не пойму: уже вот лет десять грозишься машиной, а я у тебя во дворе ни одной не видел...

- Ух, ты же сволочь! Не такой уж тупой!.. – захохотал Бурхан, потом посерьезнел, вздохнул. – Эх, если бы я сам был жокеем!.. Куда мне со ста килограммами, а пацаны, то елозят в седле, то дают волю коню, одним словом не понимают коня – вот и уплывают из рук главные призы... Эх, что и говорить!.. Но на этот раз приз будет мой!.. Вот увидишь!

- Дай бог! – вздохнул Асан.

- Слушай! Почему ты стал такой? – спросил вдруг Бурхан, словно впервые увидев, он приглядывался к Асану.

- Какой?

- Забитый!.. Раньше ты же крутой был... Тебя на войне так напугали?

Асан, не отвечая, подлачился к сиденью.

- Ты что, обиделся?

- Я себя испугался, – сказал Асан, отъезжая.

А вот и распадок, где скалистые берега широко расступались, обнажив на обозрение неисчислимое множество камней, среди которых, ужавшись, петляла речка. Здесь горбатились старатели. Скала зияла темными проемами шурфов. Около одного из проемов стоял движок, лежал моток кабеля, а из зева разверстой земли поднимались парни с ведрами в руках и, косолапая, шли к речке. Там стояли лотки, и другие парни промывали принесенный грунт.

- Зачем звали? – спросил Асан.

- Идемте к шефу! – сказал парень и пошел с ведрами к речке.

- Давай помогу! – сказал Асан, перехватывая одно ведро у парня.

И тотчас скособочился, чуть не упал. Парень мельком улыбнулся и, подхватив ведро, которое уронил Асан, двинулся дальше.

У речки возле лотка колдовали трое с грабарками в руках. Кидали, трясли, поливали, напряженно всматриваясь, затем с разочарованием отбрасывали песок и камни. Горки завалов тянулись вдоль берега.

Асан стоял, наблюдая. Его всегда привлекали работающие люди. Он мог часами созерцать чужую работу, чтобы понять ее смысл, насладиться логикой движения к этому смыслу. Он понимал, что золото – деньги, может быть, большие деньги, и такая конечная цель этой адской работы не грела ему душу.

Он стоял и жалел этих худых, жилистых парней.

- Извините, – наконец, подошел шеф. – Я хотел хоть одной золотинкой разжиться прямо на ваших глазах и подарить вам. Но вы – невезучий человек...

¹⁰ Аламан-байга - скачки

- Ага, невезучий, – охотно согласился Асан.
- Сможете отремонтировать движок?
- Надо глянуть.
- Идемте, разберемся!
- Они пошли к шурфу.
- Байке, оплата потом... Сейчас у нас туго с деньгами...
- Какой разговор.
- Вы не бойтесь, мы обязательно заплатим.
- Я испугаюсь, если вы на самом деле вдруг заплатите.
- Они глянули друг на друга и расхохотались.

Солнце уже начинало сползать с зенита, когда Асан закончил свое долгое колдованье над движком. Он с наслаждением прислушивался к его тарахтению, включал и выключал и ни на что другое не обращал внимания. А тем временем со стороны дороги скатились несколько парней и без долгих предисловий наезжали на старателей.

- Что-то давно не отмечаетесь! – сказал Улан.
- Пустые мы, – сказал шеф. – Рады бы отметить, да нечем...
- Посмотрим! – сказал Улан и сделал знак своим парням.
- Те стали шустро ворошить нехитрый скарб старателей, потом обыскивать их. Старатели покорно поднимали руки, позволяли выворачивать свои карманы.
- Выключи! – заорал Улан на Асана.
- Асан выключил движок и с недоумением смотрел на то, как одни люди обыскивают других.
- Обыщите его! – приказал Улан, указывая на Асана.
- Он – не наш. Он – электрик из Каирмы, – сказал шеф, и поскольку Улан смотрел на него с недоверием, объяснил. – Он движок ремонтировал.
- А-а! – осенило Улана. – А мы его полдня ищем!.. Иди сюда!.. Поедешь с нами!..
- Двое парней подхватили Асана под локти, и они пошли вверх по склону.
- Куда вы меня тащите? – опомнился он.
- Не бойся!.. Есть работенка для тебя...

- А зачем тащить?.. Я сам пойду.
- Иди!
- Асана отпустили.
- Я без велосипеда не пойду! – спохватился он, оглядываясь.
- Зачем тебе велосипед? Увезем-привезем, а велосипед потом заберешь, – сказал Улан.
- Я без велосипеда никуда не пойду! – сказал Асан и невозмутимо встретил гневный взгляд Улана. Улан неплохо разбирался в людях и знал, что случаются ситуации, когда и к ничтожествам вдруг ни с того, ни с сего накатывает характер, и тогда их легче убить, чем сломить.
- Заберите велосипед! – приказал он, и один парень тотчас ринулся вниз.

Асан не стал спрашивать о предстоящей работе. Раз позвали – значит справится. Он привык не загадывать на будущее, зная, что особых перемен не стоит ждать, и что бы там не случилось, как-нибудь, выкарабкается, сделает.

Его привезли к окраине села, где среди заброшенного недостроя примостился консервный заводик. Провели по узкому, длинному коридору к комнате, где висел электросчетчик. На прямоугольном столе лежали мотки с проводами и устройство, приспособленное для отматывания показаний счетчика в сторону убывания.

- Тебе знакома эта «механика»? – спросил Улан.
- Да, – Асан увел взгляд в окно.
- Действуй!
- Нет.
- Перестань ломаться!.. В жизни не поверю, что ты не воровал электричество. Мы хорошо заплатим..
- Простите меня, Вы люди богатые – можете заплатить и по счетчику, – Асан направился к двери.
- Стой!.. Не хочешь – не надо! Жрать хочешь? Проводите его!
- Большая комната, куда привели Асана, была обставлена с претензией на непринужденный изыск богатых людей. За столом

сидел длинноволосый парень и ел. На столе мясные закуски, вазы с фруктами, конфетами, бутылки с водкой и вином.

- Ешь, пей, поправляйся! – сказал провожатый и ушел.

Асан, косясь на длинноволосого, налил себе водки, выпил и стал обстоятельно закусывать. Потянулся к вазе с конфетами и, взяв горсть конфет, положил в карман – для дочерей. Длинноволосый презрительно усмехнулся. Вошел Улан в сопровождении охранника.

- Ставь! – сказал он.

Охранник вставил кассету в видеомэгнитофон, нажал на пульт.

На экране показалась комната с пышной двуспальной кроватью, с амурчиками на стенах. Вошли Улан и молоденькая девушка. Он стал немедля раздеваться. Она озиралась и, похоже, не знала как себя вести.

- Раздевайся! – приказал он.

- Сразу?.. Я не могу так... Может, поговорим сначала?

- О чем?

- Хоть о чем?.. Хотя бы о фильмах...

- Порнографических?..

- Я их не видела...

- Тогда о чем с тобой говорить?.. Ну ладно, не дуйся!.. У тебя много было до меня?

- Разве об этом спрашивают? – сказала девушка, потом, нехотя, потянулась, чтобы снять платье. – Выключи свет!

Темнота. Слышны только всхлипы, пристанывания.

- Ты как снимал, кретин?! – вскочил Улан.

- Свет ты сам вырубил, – меланхолично сказал длинноволосый. – Я здесь не при чем...

- Свет совестливый, – вырвалось у Асана.

- Философы, твою мать! А у тебя есть совесть? – презрительно ощерился Улан.

Асан промолчал. Стараясь, чтобы никто не заметил, вытащил из кармана конфеты и положил их на стол.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату ворвался разъяренный Актан с устройством для воровства электроэнергии и мотком проводов в руках, которые с яростью швырнул в Улана, но промазал. Улан застыл по стойке «смирно».

- Ты чего делаешь, шакал?! – проорал Актан. – Нашел, где экономить! Совесть надо иметь!.. Если мы не будем платить за энергию, то он или он будет платить! – Актан ткнул в Асана, длинноволосого и еще куда-то в сторону. – Или эти бедные женщины будут платить?!

За окном две женщины несли пустые ящики.

Актан был актер в душе и с удовольствием входил в роль, даже, если перед ним были один или два зрителя.

- Полстраны в поисках хлеба насущного мотаются по миру!.. Глянь на айлы!.. Как в годы войны – одни старики и женщины!.. Мужики все на заработках в России, Казахстане, Америке, Турции, Корее, – где только бедолага кыргыз не горбатится, а ты, шакал, энергию у полудохлого государства ворует?!.. Для чего мы совершали Мартовскую Революцию¹¹?! Чтобы продолжать грабей и беспредел?

- Простите, шеф, проявил несознательность, – сказал Улан, виновато потупившись. Актан, играя свою роль, мерил комнату шагами. Стояла напряженная тишина, когда каждый спешил замкнуться в свою скорлупу. Асан, имевший слабость умиляться до слез правдивому слову или доброму поступку, был потрясен до глубины души. Он вмиг очаровался Актаном и хотел рассказать о том, что Улан и его ребята потрошили старателей, но постеснялся наушничать.

- Шеф?! Позвольте обратиться! – осмелился Улан.

- Да!..

- Я привел мастера. Вот он.

Асан невольно встал, преданно глядя на Актана.

- Вот с этого и надо было начинать! – вдруг широко улыбнулся Актан, пожимая руку Асана, глядя ему прямо в глаза. – Очень приятно. Для меня большая честь!.. Садитесь, пожалуйста...

- Это для меня ... честь, – пробормотал Асан, потерявшись. – Простите меня...

- Вы все свободны, мне нужно поговорить с человеком, – сказал Актан и сел напротив Асана. У Асана, не привыкшего к такому отношению к своей персоне, слегка кружилась голова.

- Я видел ветряк возле вашего дома... Сколько киловатт он вырабатывает?

¹¹ В марте 2005 года был изгнан Президент Кыргызстана.

- Нисколько, – смутился Асан, и, поймав недоуменный взгляд Актана, пояснил, – не работает. Сгорело. Все из металлолома я собрал. Друг обещал новый генератор.

- Привезет?

- Не знаю. Раньше слов на ветер не бросал вроде...

- И сколько киловатт он даст?

- Два-три... На хозяйство вот так хватит!..

- У меня-то хозяйство побольше, – усмехнулся Актан, вздохнул. – Черт знает что творится!.. С каждым днем энергия все дороже... Скоро и производить станет невыгодно.

- Простите меня, а я знаю, что делать! – чуть не ликуя, сказал Асан, боясь поверить, что приближается звездный час.

- Вы?! – не удержался от улыбки Актан: уж больно забавно выглядел этот мужичок с детским восторгом на лице.

- В аиле ветры слабые, а иногда и вовсе безветрие, – торопясь, что его не дослушают, заговорил Асан, как всегда чрезмерно жестикулируя. – А вот здесь, неподалеку, у входа в ущелье постоянные ветра, то сильные, то слабые. Надо несколько ветряков, только не такие, как у меня, а с горизонтальными лопастями – у них КПД больше... И энергию хоть попой ешь!.. Ой, простите меня, выскочило невзначай некультурное слово. Будь оно проклято!.. Я хотел сказать, что энергии каскада ветряков хватит на всю нашу долину.

- Хорошая сказка, – сказал Актан, хотя слушал Асана внимательно и что-то в уме прикидывал.

- У меня есть расчеты, чертежи! – Асан не терял надежды заинтересовать этого доброжелательного человека своими идеями.

- Расчеты? А вы их кому-нибудь показывали?..

- Пытался, – сник Асан. – Я же, простите меня, производжу впечатление дурака... Никто не воспринимает всерьез...

- Почему? Я, например, очень даже серьезно...

- Тогда возьмите мои расчеты! Хотите, я сейчас слетаю!.. – вскочил Асан и бросился к двери.

- Стойте!.. Чудак человек. Я обязательно возьму Ваши расчеты. Только потом... Я Вас довезу до дома и возьму. Не возражаете?

- Нет! – Асан для вящей убедительности мотнул головой.

Актана забавлял этот мужичок, почти слабоумный, но он знал из опыта истории, что в мозгах именно таких блаженных прячутся истины, недоступные для людей здравого ума.

Сотворив благожелательное лицо, он сказал Асану:

- Я только гляну на ваши чертежи... Кое-что в чертежах я соображаю. Или вы мне не верите?

- Верю, – пробормотал Асан, оглушенный перспективой воплотить свою давнишнюю мечту. Он даже поморгал глазами, чтобы убедиться, что все это происходит наяву.

- А сейчас вот какое дело, – прервал блаженную эйфорию Асана Актан. – Вы видите вон то здание?

Он кивнул в окно, за которым над недостроенным заводским корпусом натягивали полиэтиленовые полотна, придавая зданию форму шатра.

- Так вот – это будет театр древнего искусства. Для местной детворы, ну и, иногда, для гостей. Так вот, нужно коммутировать электричество, поставить прожектора, разные там световые эффекты... Сможете?

- Я все могу! – сказал Асан, потом смутился. – Простите меня, что похвастался... Но я думаю, смогу.

- Идемте, глянем! Посоображаем, – встал Актан, заговорщицки глядя на Асана.

Любопытное зрелище – рождение нового дня в Каирме. Как только из-за небрежных зигзагов вершин выполз грузный диск солнца, вся противоположная сторона гор засияла, запереливалась, и все это сверкающее разноцветье плавно, не ускоряясь, сползло вниз, в котловину, где темнело село, хотя кое-где, куда удалось пробиться лучам солнца, то пронзительно зеленели тополя, то красно-коричнево лоснилась дорога, то вспыхивала белым пламенем стена какого-либо дома.

Из-за гор, словно кузнечик, выпрыгнул вертолет, покружил над котловиной, видимо, высматривая место, куда приземлиться, и, увеличиваясь в объемах, стал опускаться к поселку.

А в комнате, прилегающей к веранде, Бермет купала Асана в огромном корыте. Она сегодня добрая, с удовольствием заботится о муже.

- Вставай!.. Попу потру! – сказала она.

- Стыдно!

- Меня что ли стесняешься?! – засмеялась она. – Девочки не скоро придут..

- Смеешься? – удивился Асан.

- А ты думал, что я не умею смеяться?! – спросила Бермет и засмеялась еще звонче.

- Как хорошо ты смеешься! А я уже почти забыл...

- Принесил бы каждый день, как вчера, я бы без усталости все тридцать два или тридцать три зуба показывала!

Со вчерашнего дня в душе Бермет – праздник. Жаль, конечно, что соседи не видели, не слышали, да бог с ними – она не такая, чтобы каждым своим пуком выхваляться. Главное, она сама вчера вечером встречала этого бизнесмена, хозяйина консервного завода, который привез ее мужа, мяса, сладостей, сидел за достарханом и, читая закорючки мужа на обратных сторонах разных плакатов, задавал какие-то вопросы. Сидел не пять минут, не десять, а больше часа, если не все два часа – кто же считает счастливое время? И она, Бермет, сама заметила – не слепая ведь, нитку в ушко иголки с первого раза до сих пор попадает – как в глазах бизнесмена, иногда мелькали искры удивления и даже восхищения, которые, правда, он немедленно гасил. А мужу что, он, как всегда, нес что-то малопонятное, размахивая руками, да так размахался, что опрокинул пиалу с бульоном на гостя, и тот захохотал, хотя, конечно, мало приятного в том, что облили горячим бульоном и испачкали дорогой, наверное, костюм. Да и зла и обиды, видно, этот благородный человек не затаил, потому что, уезжая, оставил сто долларов девочкам, чтобы они подготовились к школе. Теперь у Бермет одной головной болью меньше.

Вспомнив благословенные минуты вчерашнего вечера, Бермет взволновалась и принялась ласково тереть спину мужа мыльной мочалкой.

Вдруг в дверь ткнулись, потом постучали, громко, торопливо.

- Кто там? – спросила Бермет.

- Асан-байке дома? – раздался детский голосок.

- Зачем он тебе?

- К нему генерал прилетел!

- Какой генерал?

- С вертолета. Зовут Асана-байке.

- Я сейчас приду! – закричал Асан, и голый заметался по комнате, торопливо одеваясь.

На одном из серпантинов поселка располагалась вертолетная площадка. Раньше в Каирму довольно часто прилетали вертолеты, в последние годы они почти не появлялись, поэтому вокруг вертолета собралась толпа детишек, да несколько пожилых людей, живущих поблизости. Вертолет не заглушил мотора, на малых оборотах вращались винты, чуть поодаль стоял генерал в полевой форме и разговаривал с женщиной, видимо, учительницей или местной активисткой. Отступив от них, стояли военные помладше чином, рядом с двумя ящиками.

- Извините, – говорил генерал. – У нас срочная работа...

- Все любят говорить о патриотизме, – несколько обиженно говорила женщина. – А как до дела дойдет – так сразу срочная работа!.. Вас знают, как героя Афгана, представляете, какой был бы эффект, если бы дети непосредственно от Вас услышали бы о подвигах во имя Родины...

- Извините! – перебил генерал. – Я уже должен быть в зоне обзора... Передайте, пожалуйста, Асану вон те два ящика и большой привет от...

- Я знаю от кого... Вас вся страна знает...

- Извините! До свидания!.. – генерал двинулся было в сторону вертолета, но тут дети наперебой закричали:

- А вот и «Простите меня»!

- Простите меня!..

Из-за пригорка показался Асан, который с трудом преодолевал подъем серпантина. Генерал побежал навстречу Асану. Они обнялись. Асан прослезился.

- Значит так, – торопился генерал. – Вон там твой генератор и подарки твоим девочкам...

- Генератор, – заулыбался Асан.
- Я опаздываю... Засекли подозрительных людей..
- Ладно, пока! Спасибо, что ты есть...

Генерал, уже было собравшийся отойти, повернулся и обнял Асана. – И тебе спасибо, что ты есть! Пока!

Пробегая мимо учительницы, генерал кинул на ходу, кивнув в сторону Асана:

- Вот кто – настоящий герой!.. А Вы все героев на стороне ищите...

Военные скоро скрылись в утробе вертолета, загудел мотор, замельтешили винты.

- Что же Вы скрывали? – учительница подошла к Асану. – Теперь я от Вас не отстану. Все, все расскажите о подвигах во имя чести Родины...

- Простите меня... Это не та война, которая приносит честь, – сказал Асан, не отрывая взгляда от вертолета, который уходил в небо.

Общеизвестно, трезвость уплотняет график жизни, и, если раньше Асана не оставалось на себя, то теперь избыток свободного времени вынудил оглянуться на собственное хозяйство.

Сегодня – безветрие, замерли лопасти ветроколеса, напротив которого был прикреплен шкив. Через него продета веревка, один конец которой змеился в траве, другой висел, не доставая верхушек трав. Асан, неся в сумке генератор, по узенькой тропе на краю огорода приближался к опоре ветряка. За ним цепочкой шли дочери: Асыл – 12 лет и Назик – 9 лет. Назик, чтобы быть рядом с отцом, хотела обойти Асыл, но та остановила ее, оттолкнув назад:

- Куда?!.. Зачем топчешь?.. Или ты сажала?!
- Сажала! – буркнула Назик, однако отступила.
- Скажите, пожалуйста!.. Я что-то не припомню... По-моему, ты играла, пока мы с матерью здесь надрывались...
- Я не играла!..
- Может, ты и не дышала? – Асыл с язвительной улыбкой оглянулась на насупившуюся Назик.

- Девочки, кончайте взаимные претензии!.. Не дай Бог, война начнется, придется в ООН за помощью обращаться, – сказал Асан, кладя на землю сумку и, подтянув веревку, стал привязывать ее к ручкам сумки. Мельком погладил по головке Назик.

- Зря ты на нее клеветничать. Она – сажала...
- Ну да!.. Показалась, а потом побежала играть...
- Таких подробностей не помню. Помню – она работала как герой труда, верно?.. – отец мигнул Назик.
- Ой, папа!.. Всегда ты так!.. Не понимаешь, что портишь свою дочь...
- Тебя же я не испортил.
- Я – другое дело.

Асан, закончив привязывать, выпрямился, оглядел девочек.

- Ну да, ты же у нас замечательная. Такая же, как мама. Поэтому мы с Назик смертельно боимся вас. Верно? – Асан прижал к себе Назик.

- О, Господи!.. Как ты балуешь! – Асыл, как прокурор, смотрела на отца и сестру.
- Я боюсь! – Асан присел, неуклюже прячась за Назик.
- Я тоже боюсь! – Назик обежала отца, прячась за него. Отец и дочь толкались, выдвигая друг друга перед Асыл, и заразительно смеялись.

- Несчастные!.. Работа же стоит! – Асыл пыталась быть неумолимо деловитой, но не выдержала – улыбнулась.
- А она не такая страшная! – пропел Асан.
- А она просто Ангел! – подпела Назик.
- Вы не представляете, как я ее люблю! – вздымая руки, пел Асан.

- Я представляю, потому что тоже без ума от нее! – тоже вздымая руки, пела Назик. Потом они налетели на Асыл и стали ее тискать и щекотать до тех пор, пока она не расхохоталась.

- Непримиимые враги после долгого хохота заключили мир! – сказал отец, торжественно взметнув руку. – А теперь пора поднимать разрушенное хозяйство. Значит, так: тянем отсюда, а сумка поднимается оттуда!.. Все понятно?!.. Начали!..

- Пап?.. – сказала Назик, - Откровенно говоря, я не поняла, как получается ток. Статоры, роторы, терромагнитный сердечник... – ну и что?

- Не ферромагнитный, а ферромагнитный, – поправила Асыл.
- Сама ты хоть поняла?! – вспыхнула Назик.
- Мы в школе проходили. И ты пройдешь... Если хочешь, я тебе потом объясню, – миролюбиво сказала Асыл.

- Ай, доченьки, помогайте! – Асан потянул за веревку, сумка с генератором медленно поползла вверх. Девочки пристроились к отцу.

- Осторожно!.. Без рывков, а то веревка соскочит с канавки... Молодцы!.. Что бы я делал без вас, золотые мои! – Асан, конечно, сам бы легко управился, но как можно отказаться от радости видеть рядом эти создания, преисполненных горделивым сознанием своей незаменимой помощи отцу.

Сумка двигалась вверх, а Асан следил за ней, меняя руки, чтобы перехватывать веревку, рассказывал:

- Ротор, золотце мое, это жизнь, которая непрерывно вращается, а сердечник – это сердце, которое чувствует эту жизнь, и это чувство приказывает рукам – статорам, и руки делают дело – дают ток... Ну, как, здорово я объяснил?

Асан сам радовался своей находчивости.

- Получается, что главное – это сердце? – спросила Назик.

Асан, видя, что сумка поднялась до уровня платформы ниже ветроколеса, стал привязывать конец веревки к опоре, чтобы зафиксировать сумку. Потом выпрямился и сказал: – Наверное, главное – это жизнь... Впрочем, я не уверен. Как ты думаешь? – повернулся он к Асыл.

- Без ротора нет вращения, а без статоров и сердечника вращайся себе на здоровье – нет перехода в иное качество... Наверное – все главное.

- Я тоже так думала!.. Только ты первая сказала, – сказала Назик.

Асыл, глядя на Назик, недобро усмехнулась, и отец заторопился, упреждая перепалку: – Какие вы обе умницы!.. И в кого вы такие?.. Наверное, в маму.

- Асыл в маму, а я в тебя, – сказала Назик.

- Между прочим, у меня глаза папины, – сказала Асыл.

- Зато я такая же глупая, как папа! – сказала Назик и, сообразив, что сказала, расхохоталась. Асан и Асыл тоже засмеялись.

- Спасибо, мои золотые, за помощь бедной стране! – галантно поклонился Асан дочерям. – Теперь я сам управлюсь...

- Ур-ра! – заорала Назик и опрометью побежала к дому.

- Папа! Может, тебе понадобится моя помощь? – спросила Асыл и необыкновенно серьезно глянула на отца. У Асана сердце захолонуло от нежности. Он прокашлялся, подавляя спазму, подступившую к горлу.

- Я же наверх полезу... А там я сам...

- Жалеть не будешь?

- Если заплачу – услышишь...

- Ладно, пока!..

Она пошла по тропинке. Отец стоял и смотрел, как она удалялась, как степенная взрослая походка вдруг в какой-то миг перешла в безудержный бег. Асан стоял, смотрел и был счастлив.

Откровенно говоря, Улану надоела эта глушь, и даже «баксы», что капали ему на счета, уже не радовали. Слишком малая плата за прозябание, когда где-то там, в столице, хлещет жизнь. Вот и сегодня они объехали все окрестные горы и теперь подкатили к тому, что раньше было рудничным поселком. Дома разобрали, растащили, оставив только фундамент, то там, то здесь торчали бесформенные глыбы бетона. Пейзаж как после бомбардировки.

Актан и Улан, оставив джип у заросшей дороги, пошли между развалинами. Актан возбужден, оглядывая развалины. Улан, который шел за ним, невесел, подавлен.

- Все это наше! – Актан, остановившись, сделал широкий жест рукой.

- Поздравляю, – бросил Улан.

- Ты как будто иронизируешь?

- Шеф, я разве могу себе позволить! – сказал Улан, не поднимая головы.

- Вот, сволочь, еще издевается! – захохотал Актан.

- А что мне остается делать, когда шеф покупает хвостохранилище с радиоактивными отходами, заброшенные рудники?

- Если государство не в состоянии заботиться о здоровье людей, то почему я не могу взять эту заботу на себя?.. Все, что я делаю, единственно из патриотических чувств, из любви к народу.

Улан расхохотался, как бешеный. Он видел, что шеф недоволен тем, что ему не подыграли, но ничего не мог с собой поделаться – смех душил его.

- А я ведь могу и обидеться, – ледяным голосом сказал Актан.

Улан поперхнулся, замолк, с какой-то неуловимой ненавистью глянул на Актана и вдруг взорвался.

- Надоело!.. Все!.. Я уезжаю!.. Делай, что хочешь!.. Хочешь – убей, в тюрьму посади! Все!

Улан повернулся и пошел.

- Эй! Что с тобой? – успел схватить его за руку Актан.

- Пусти! Достал меня!.. Ухожу от тебя...

- Да ты что, всерьез?!..

- Я разве позволю себе шутить при вашем величестве!

- Ладно, уходи! – Актан разжал пальцы. – Уходи!.. Не заплачем, не зарыдаем. И убивать тебя не буду. Все-таки друзья с самого детства... Живи.

Улан протянул ключи от машины.

- Машину я тебе дарю. Чтоб ты не скрипел зубами, вспоминая меня... Я пешком дойду, – Актан надменно выпрямился.

Улан повернулся и пошел к джипу.

- Улан! – окликнул Актан.

Улан остановился.

- Может, больше никогда не увидимся. Давай хоть пожмем друг другу руки на прощание. Я тебе ничего плохого не сделал...

Улан двинулся к Актану. Чувствуется, что он рад тому, что его окликнули, но не подает виду. Пожал Актану руку и неожиданно обнял, шмыгнув носом.

- Ну, ну... Не хватало только драматических сцен на фоне... разрухи, – сказал Актан, но тоже обнял Улана.

- Думаешь, не обидно?! – отстранившись, горячо заговорил Улан. – Ты делаешь idiotские приобретения, а я не пойму – или ты с ума сошел, или я? Ладно, при людях меня за дурачка держишь – я привык. Но зачем, когда мы вот так одни, за дурака держать?

- Прости, привычка, – фыркнул Актан.

- Вот, гад! – засмеялся Улан.

- Ладно, поясняю вкратце. Все это я купил за бесценок. Радуются, что нашли дурачка-патриота... Хвостохранилище я оформил как обычные гектары, под них получил кредит... И на этот кредит будем приводить его в порядок. Кроме того, я как неистовый защитник природы на это же хвостохранилище получил грант... Так что мы здесь ничего не потеряли, только выиграли...

- А это зачем? – Улан показал на развалины.

- А это – наше будущее. Мой отец, КГБист, отвечал за урановое хозяйство. Союз рассыпался, секреты уплыли в Москву и никто не знает, что вот эти рудники – законсервированные. Запасы здесь – несметные. Просто, когда в Казахстане и Прибайкалье нашли легкодоступные залежи урана, переключились туда – там и с транспортом легче. А сейчас – везде запасы на исходе... Куда все бросятся?.. Сообразил?..

Улан угрюмо кивнул головой.

- Не слышу воплей восторга? – сказал Актан.

- Радуюсь... Но сейчас у нас проблемы – ходячих замели...

- Что же ты молчал? – вскричал Актан.

- Да ты же соловьем заливался – влезть некуда, – сказал Улан, но, видя, что Актан переменялся в лице, поспешил добавить: – Они – холостые. Поняв, что вертолет их заметил, они увели след.

- Товар?

- В тайнике...

- Слава богу! – облегченно вздохнул Актан.

- А ребята?

- Вытащим!.. Вот что, я поеду, а ты здесь не очень разоряйся. И кончай рекет-мекет и прочие бандитские замашки... Приучай себя к поведению порядочного бизнесмена...

Как всегда, отвернувшись к стене, спала Бермет. Рядом, изогнувшись вопросительным знаком, храпел Асан. Вдруг он дико закричал и бросился, спотыкаясь и падая, из комнаты.

- Асан! – вскочила Бермет и побежала за мужем.

Она нашла мужа на веранде. Он сидел, забившись в угол, обняв колени руками, и смотрел пустыми глазами прямо перед собой.

Он не глянул в ее сторону, когда она включила свет.

Она стояла и смотрела на мужа. Асан не обращал на нее внимания. Бермет вздохнула, спросила: – Опять война?

Он не отвечал.

- Господи, что мне с тобой делать? – тихо, с отчаянием сказала Бермет и ее лицо исказила мука.

Она подошла к мужу и тронула его за плечо. Он не реагировал.

- Будь проклята эта война! – пробормотала Бермет и ушла в комнату. Асан сидел, не меняя позы, словно неодушевленный предмет. Тишина. Было такое впечатление, будто веранда, отъединившись от всего мира, повисла в пустоте между небом и землей.

Вернулась Бермет, неся в руках бутылку водки и стакан:

- Асан!.. Выпей, пожалуйста!

Он равнодушно выпил. Она сидела рядом и с бесконечной жалостью глядела на мужа, наблюдая, как жизнь медленно возвращается в застывшее, как маска, лицо. Потом она положила голову мужа к себе на колени, прошептала: – Закрой глаза!

Он покорно закрыл глаза. Потом открыл, сказал:

- Интересно, а голову можно заменить?

- О чем ты?

- Меняют почки, сердце, а голову меняют?

- Мне другой головы не надо... Закрой глаза и спи!..

Она обняла его и вполголоса стала напевать колыбельную.

- Ночь пасется, как верблюд, не спеша.

На гребнях своих время уносит река.

А жизнь радуется, зная наперед:

День завтрашний все печали унесет.

Алдей, алдей-ай!

Моя опора засыпай!..

А еще Асан обожал озирать мир с высоты. Как птица. Может быть, это профессиональная привычка. На сколько вышек, столбов он взбирался – не сосчитать. Закончив крепить генератор на вал, он выпрямился, огляделся – и усталости как не бывало. Даже отсюда, с небольшой высоты ветроколеса, мир был огромен – не вместить его в сердце, прекрасен – не наглядеться глазами.

Вон, на бугре, собравшись в круг, сидят старики и травят байки или ругают правительство, неподалеку от них дети гоняют мяч, по улице неспешно идут девочки-подростки, изо всех сил изображая взрослых. Хорошо! В такие минуты Асан понимал Бога. Вот здесь он гавкается с женой, терпит унижения, презрительное снисхождение от всех остальных, и жизнь ему противна до тошноты. А сверху ведь и другое видишь – и успокаивается смятенная душа. Наверное, то же испытывает и бог, поэтому и не вмешивается в людские дела.

Он вынул из кармана пачку, вытянул сигарету и, пошарив по карманам, нашел спички, закурил. Жадно затянувшись сигаретой, проследил за стружкой дыма, зажмурился от полноты чувств и вообразил себя богом. Войдя в роль, зорко глянул на свои владения. Увидел, как по полю, прямо как в кино, бежала девушка, за ней парень. Потом она упала в высокую траву. Он упал то ли на нее, то ли рядом. Уточнять Асан постеснялся, увидя взгляд. И сразу же в глаза бросился воробей, который раз за разом неутомимо запрыгивал на воробьиху. Асан снова отвернулся и увидел почти под носом как трепетали стрекозы, спаявшись в сладостном порыве.

Асан застонал от невыносимого стыда за этот греховный мир и закрыл глаза. И сразу – ночь, темень без конца и края, без звезд, без луны. И, наверное, без надежд. Нет, не пойдет! Лучше открыть глаза и увидеть мир, каким бы он не был, а темнота и в гробу надоест!..

Асан открыл глаза и встрепенулся: какой чудесный и сладкий мир!.. И в унисон своему счастливому ощущению увидел вдали своего Ангела. Надо же, открыл глаза и увидел ее!.. Нет, все-таки он – счастливый человек!.. Она, видимо, сошла с авто-

буса и шла по улице, кособочась от тяжелого пакета. Но даже эта неестественная осанка не убавляла ее божественной стати. Она скрылась за деревьями, Асан, ища ее, вдруг увидел Бурхана. Бурхан разогнался и ударил головой дерево. Потом упал, поднялся, отошел, побежал – и опять боднул дерево. Досматривать, что будет дальше, Асан был не в состоянии. Он заперевалил ногами, спеша к земле.

Когда Асан въехал во двор Бурхана, тот с окровавленной головой сидел на сере¹² рядом с ящиком водки и встретил Асана долгим трагическим взглядом.

- Что с тобой?! – соскочил с велосипеда Асан и бросился к нему.

Бурхан всхлипнул и детским движением вытер тыльной стороной ладони лицо.

- Да паду я жертвой за тебя, за каждую твою слезинку я душу отдаю! – запричитал Асан словами женского утешения – что поделаешь, это было то, что первым подвернулось в памяти.

Бурхан попытался еще раз всхлипнуть, но не получилось.

- Давай, я перевяжу! – потянулся Асан, чтобы пощупать голову Бурхана. Тот увел голову:

- Не надо!.. На, читай! Вот здесь читай!

Бурхан протянул листочек бумаги. Асан, слегка отстранив лист, чтобы лучше видеть, принялся читать, шевеля губами.

- Вслух читай!.. Пусть пронзают меня пики ее жестоких слов!..

- ...На детей я буду присылать, не беспокойся. Умоляю – дай развод!.. Сотвори хоть раз в жизни доброе дело для меня!.. Я буду благодарить тебя и в этой, и в другой жизни...

- Дай сюда! – Бурхан вырвал листок, смял и выбросил. – Блядь! Благодарить меня, оказывается, будет!.. Тварь!.. Я, оказывается, ни одного доброго дела для нее не сделал! А кто, спрашивается, кто ее днем и ночью трахал?!.. Кто?!..

Глядя на Асана, Бурхан поднял руки к небесам.

- Ты... о ком говоришь? – спросил Асан, не веря своей догадке.

- О ком? О ком!.. О жене моей, Каличе!.. Ты что, не допер?!..

- Какие дети тогда?..

- Да о дураках моих великовозрастных!..

- Так ты же говорил, что они в Америке с матерью...

- Кто их в Америку пустит?!.. В российской тюрьме они загорают! В зоне!.. Тварь!.. О детях она заботится! А меня, значит, кинула!

- Калича – очень хороший человек, – твердо сказал Асан.

- Чем же она хорошая? – зловеще прищурился Бурхан.

- Всем. Она же всю семью тянула, а ты... ты всю жизнь потомка Манаса из себя корчил.

- Что ты сказал?

- Что слышал...

- Как ты смеешь своим грязным ртом Манаса касаться? Ты – не патриот, ты предатель! Убить тебя мало..

- Убей, если тебе станет легче.

Асан, замирая от своей смелости и сам себе удивляясь, с достоинством встретил грозный взгляд Бурхана и его занесенную над головой руку с бутылкой водки.

- Дай ей развод! – сказал Асан и зажмурился в ожидании удара.

- Чего зажмурился, трус несчастный? – Бурхан плавным движением, будто лебедь голову, опустил занесенную руку с бутылкой водки и налил в стакан, выпил залпом. – Не дам я развода.

- Найдешь другую. Ты же настоящий мужик.

- Я-то найду, а она, сука, пусть помучается...

- Не знал, что ты такое ничтожество, – сказал Асан.

Представив себе, как будет мучиться Калича там, в далекой Америке, он всхлипнул и, чтобы этот жалкий Бурхан не видел его слез, поспешил уйти со двора.

- Стой! – проорал Бурхан.

- Да пошел ты!

- Стой!.. Если ты выпьешь со мной, может, я передумаю!..

Асан повернулся и подошел к сере, не поднимая головы. Бурхан смотрел презрительно.

- Голову хоть подними!

Асан поднял взгляд, в его глазах стояли слезы.

- Ну, а ты-то чего плачешь, несчастная твоя душа?

- Не знаю.

¹² Сере – помост под навесом.

Бурхан вздохнул, медленно налил водки и два стакана. Один стакан протянул Асану:

- Давай, выпьем за мою карьеру!
- За какую карьеру? – удивился Асан.
- Увидишь скоро!.. Ты еще восхитишься мной... Ха-ха-ха!

Бурхан, довольный тем, что удачно выпутался из ситуации, может быть, безвыходной ситуации, когда он мог враз потерять и жену и друга, хохотал, как сумасшедший.

- Дай Бог тебе здоровья, Калича! – сказал Асан. – Живи и радуйся, не забывай нас!..

Он глянул на небо, словно Калича расположилась там, рядом с Богом, и с радостью выпил.

- Слушай, господин «Простите меня», скажите мне, пожалуйста, почему ты стал такой? – спросил Бурхан, облекая язвительность в, как ему казалось, изысканную вежливость.

- Не надоело долдонить одно и то же? – добродушно отозвался Асан. На душе было легко от того, что так удачно повернулось с Каличой, хмель, не мешкая, ударил в голову – от этого стало еще лучше, и ему хотелось, чтобы Бурхана отпустило горе, хотя не знал, как ему помочь и не представлял себе, как можно выдюжить, если тебя бросает жена. Горе, великое горе, а он не то, чтоб сопереживать, а чуть ли не радуется. Ему было стыдно за каменное свое сердце, и он решил быть предельно чутким к Бурхану, не лезть в спор, что бы он ни говорил.

- А почему я не могу задать этот вопрос, если ты на него не ответил?.. Ну почему, почему ты стал мешком пришибленным, дурак дурачком? Мне обидно, понимаешь, обидно за тебя... Ты же был каратист-таратист и все прочее – все тебя боялись. Ты был сильный!

- Слабые... ближе к совести...

- Дурак! Какая может быть совесть, если все, кому не лень, вытирают об тебя ноги?.. Кто, кроме меня, скажет тебе правду?.. Остальные так и норовят захомутать тебя, да еще потом надсмеяться. Или не так? Так!.. Сволочи! Давить их надо, а – не «простите меня»... Ну, ладно, не обижайся, давай выпьем за тебя! Хоть ты и дурак дурачком, а никто, кроме тебя, не пришел подержать меня в эту трагическую минуту... Спасибо...

Бурхан выпил и засопел, но слезы не шли. Мотнул головой: - Пей! – приказал он.

Асан выпил, довольный, что Бурхан увел разговор и не стал его донимать расспросами о прошлом.

- Вот ты говоришь – совесть, – неожиданно оживился Бурхан. – Знаешь, когда она у меня появляется?.. Когда я добыю, доканаю, сломаю! Вот это – совесть мужчины! А все остальное – от слабодушия! Понял? Раз понял, так давай выпьем за настоящую совесть! Бери, бери стакан! И не вздумай хитрить!.. За совесть!

Видимо, здесь когда-то предполагалось обустроить большой заводской цех, куда могли запросто въезжать машины. Сейчас он стоял наподобие шатра, накрытый полиэтиленовыми полотнами, сквозь которые разными оттенками просвечивало небо. Стены тоже были скрыты разноцветными полотнами, кое-где проглядывала кирпичная кладка. Несколько человек на помосте у левой стены полукружьями крепили незамысловатые кресла. В центре помещения находился аккуратный круг, присыпанный песком, размером не меньше арены цирка.

По внешней стороне круга, на некотором расстоянии друг от друга стояли столбы, соединенные проводами, на которых висели гирлянды лампочек. На одном из столбов на когтях стоял Асан и крепил второй ряд гирлянды.

У дальнего входа показались Актан с телохранителями, Улан и Роза.

- Медленно шевелитесь, – сказал Актан, оглядывая зал.

- Как можем, – отозвался Улан.

- А это что? – ткнул в сторону кирпичной кладки Актан.

- Там будет пейзаж, – сказал Улан.

- Где пейзаж?

- Будет...

- Тварь! Я вот приглашаю для съемок, интервью, а ты?!..

- Картина еще не высохла! – сказал Улан.

- Шеф! Ведь не обязательно снимать здесь, – сказал длинноволосый. – Снимем там, а здесь... Главное работа кипит.

Следуя за направлением руки длинноволосого, Актан увидел Асана.

- Ассаламалейкум! – широко, будто и не было минуту назад безудержного гнева, улыбнулся Актан, глядя на Асана.

- Алеки салам! – Асан сделал движение, чтобы спуститься, но Актан упредил: – Работайте!.. Не будем вам мешать... А он снимет вас отсюда, вы будете, как беркут, под куполом...

- Спасибо, – сказал Асан.

- Это вам спасибо. Благодаря вашим чертежам мы выбрали грант на строительство ветряков.

- Ура! – заорал Асан, пугая людей, потом опомнился. – Ой, простите меня!.. Это так здорово, что я не удержался.. А-а, думайте, что хотите! Нарядуюсь от души! Ур-раа-а!

Актан со спутниками, качая головой, двинулись дальше.

Асан покричал, вздымая руки, потом смолк, смутился, воровато огляделся и, видя, что никто не смотрит в его сторону, успокоился и принялся за свою работу.

- Дай текст! – обратился Актан к Розе.

Она протянула несколько листов бумаги, он пробежал глазами, с легким раздражением сказал: – Пиши проще!... Народу не нужны философские выверты...

- Я старалась, – ответила Роза.

- Ты думай, а не старайся...

Роза опустила взгляд.

- Шеф! Вы собираетесь все это прочитать? – спросил длинноволосый.

- Да... А что?

- Вы представляете, сколько это займет времени?.. На фоне всего этого? – длинноволосый развел руки, указывая на неприглядный вид зала.

- Что ты предлагаешь? – спросил Актан.

- Скажите несколько слов от души... А все остальное – фактура. Вы – скромный, но масштаб вашей личности красноречиво показывают: работа, люди, вот все это... Если нужно, диктор подбросит пафоса...

- В принципе, верно, – сказал Актан, посообразав. Обернулся к Розе: – Найди место, где бы сошло за душу! – И протянул Розе листы с текстом.

Возле конторы аилуправы, где обычно гуляет ветер и почти никого не бывает, сегодня стоят две машины – милицейская и энергосети.

- Что случилось? – полюбопытствовала старушонка, проходя мимо.

Милиционер сотворил непроницаемое лицо, и старушонка, поняв, что от этого дундука ничего не узнаешь, подкатилась к шоферу энергосети.

- Будь хоть ты человеком – с чего это вы все понаехали?

- Воровать надо меньше, бабушка!

- Да я в жизни ни у кого копейки не украла! – бросилась старушонка в крик, радуясь случаю проявить себя. Кыргызу что, хлебом не корми, водой не пои, дай только возможность показать себя, и он будет безмерно счастлив.

- Да не о вас я, бабушка, – струсил шофер. – Вон, электричество воруют внаглую!..

Старушонка проследила за направлением взгляда шофера, наткнулась на провода, сообразила, конечно, о чем разговор, но по милой привычке притворилась темной:

- Разве его украдешь?.. В кармане унесешь? Болтает что попало – старушонку бедную дурачит... – И резво двинулась по дороге, спеша поделиться новостью.

А в конторе сидели Сабыр, Асан, лейтенант милиции и лысый мужчина с энергосети с измученными глазами.

- Я вынужден был обратиться в органы, – говорил лысый, – Я все понимаю. У меня самого жизнь не лучше. Но такого беспредела не припомню. Вот уже полгода почти весь аил бесплатно пользуется электричеством. У всех счетчики подкручены...

- У меня не подкручен. Я всегда плачу вовремя, – с достоинством сказал Сабыр.

- И я плачу вовремя, – вставился Асан.

- Я же сказал «почти у всех», – несколько стушевался лысый.

- Почему же тогда за них должен отвечать Асан?

- Потому что он подкручивал.

- Не верю.

- Он сам сказал.
- Ты подкручивал? – направляя на отрицательный ответ, Сабыр выразительно глянул на Асана.
- Я! – четко и ясно сказал Асан, игнорируя взгляд Сабыра. – Только не всем, а тем, кто не может платить...
- Ой-ой-ой! – вскочил и застонал Сабыр. – Забирайте этого дурака! Видеть его не хочу!
Сабыр, страдая, прошелся по кабинету, не выдержал, набросился на Асана:
- У тебя что, язык отвалился бы, если бы сказал «нет»... Тогда ищи доказательства, я бы тебя не отдал вот этим мордоворотам...
Лейтенант пощупал свое худенькое лицо, хотел отреагировать, но передумал. А лысый, скривив губы, укоризненно покачал головой.
- Простите меня, я не хочу врать.
- А ты кто, президент, Бог?! – упился сарказмом Сабыр.
Но Асан не воспринял утонченности Сабыра, а сравнение с Богом понравилось ему.
- Мы с Богом – коллеги, он дает свет, и я даю свет! – Асан расхохотался.
- Ой, не могу! Бечара есть бечара! – не найдя слов, застонал Сабыр и высочил из кабинета.
А перед конторой стояли уже несколько женщин и стариков. Ждали. Из открытого проема входа в контору пулей высочил Сабыр.
- Как там?! – спросили у него.
Сабыр отмахнулся рукой и почти побежал прочь, не скрывая отчаяния на лице. Такое поведение аилуправы ничего хорошего не обещало – все насторожились, заугрюмились. Потому встретили как должное, когда из конторы вышли Асан, милиционер, лысый и пошли к машинам.
- Стойте! – к машинам бежала Бермет.
Асан, уже занесший ногу, чтобы пройти в машину, отступил назад, вопросительно глядя на милиционера. Тот промолчал, отвернулся.
- Поймали великого преступника?! – набросилась Бермет на милиционера. Тот молча развел руки.
- А вы что же, молчите, не защищаете его?! Этот бечара ведь из-за вас идет на каторгу!..

Старики и женщины молчали, уводя глаза от испепеляющего взгляда Бермет.

- Ну, ладно, какой с вас спрос! – Бермет повернулась к мужу. – Не болей, не переживай, дома все будет хорошо...

Бермет обняла, поцеловала Асана, потом резко отпрянула от него и поплелась восвояси.

У Асана выступили слезы, и сквозь слой влаги ему увиделось, как жалкая толстая баба с заплетающимися ногами неуловимо превращается в его ангела у остановки – высокую, стройную, царственной походкой удаляющуюся в солнечную даль.

На вершине горы, возвышающейся над аилом, озирая окрестности в позе полководца стоял Актан, рядом Сабыр. Чуть ниже на серпантине стояло два джипа, возле, опустившись на корточки, сидели Улан и шофер, курили и о чем-то разговаривали вполголоса.

- Здесь, там, там и там будут крутиться ветряки. Энергии – завались!.. Каскад ветряков! Долина взлетающих стрекоз! Я кинул проект – грантодатели как собаки на мясо, хоть отстреливай!.. В мире разных ветряков – тьма. А такого нигде нет! Все дело теперь в собственности, – Актан многозначительно глянул на Сабыра.

- Все, все раскупают, а бедному народу что останется? – буркнул Сабыр.

- Кому нужны вот эти бугры и колдобины? Кто сюда полезет? Скажите спасибо, что хоть один дурак нашелся... Я даю вам налом, школу отремонтируете, да и тебе на молочишко останется...

- Ветряки – насколько мне известно – идея Асана, – увел разговор Сабыр.

- Моя! Просмотрел я загогулилки Асана – филькина грамота, бред! Чтобы считать-рассчитать, все-таки образование хоть какое-то нужно...

- Асана посадили, - сказал Сабыр.

- За что?

- Электричество отрезали злостным неплательщикам, а он опять соединял... Электросчетчики подкручивал. Так что за всех придется ему отвечать...

- Что вы за жалкие люди, не можете скинуться, чтобы вытащить человека!..

- А вы кто такой?.. Крутой?.. За счет кого?.. – взорвался, перебивая, Сабыр. – Шакалы!.. Разодрали, растащили страну, как шакалы – падаль, а теперь еще благодетелей корчат! Вы что слепой, глухой, не видите, что в аиле творится? Вся молодежь в России, Америке батрачат, остались те, кому некуда деться... Не то что за свет, за кусок хлеба нечем расплатиться! Это – не жалкие люди! Они прожили достойные жизни и не заслуживают презрения...

В самом начале горячего спича Сабыра, Актан стал спускаться с горки к машинам. Сабыр этого не заметил, поскольку, видимо, боясь взгляда Актана, разорялся, не глядя на собеседника.

- Езжай в кутузку и выкупи Асана, – сказал Актан Улану.

- Шеф, не слишком ли много чести для этого дурачка? – спросил Улан.

- Нет, – сказал Актан. – Если бы ты был такой, я бы тебя на руках носил!

Улан, хмыкнув, сел в машину. Отъехал.

- Ты поедешь?.. Или продолжишь свои речи? – крикнул Актан Сабыру, который стоял, не зная, что делать, пристыженный: вся его патетика ушла впустую, никто не взволновался, не ответил.

Сабыр, опустив голову, стал спускаться с горы.

Из приземистого унылого здания милиции вышли Асан и Улан. Они направились к машине, на переднем сиденье которой, приоткрыв дверцу, сидела Роза и курила. Улан вынул из кармана несколько ассигнаций и протянул Асану.

- Возьми такси и езжай!.. Там на помощь я пару человек подтянул... Успеете?

- Да...

- Бери такси и жми на всю катушку... У меня тут дела...

Асан двинулся в сторону остановки, потом повернулся и пошел к Улану.

- Что случилось? – Улан вышел из машины.

- Простите меня, я о вас всегда плохо думал, – сказал Асан.
- Простите меня.

Улан остолбенел, не зная как отреагировать. Потом сообразил.

- Я о тебе тоже плохо думал. Так что мы в расчете. Дай пять!..

Они пожали друг другу руки. В глазах Асана стояли слезы.

- Иди, пожалуйста! А то я тоже разрыдаюсь, – сказал Улан, влезая в машину.

Завел мотор и поехал. Краем глаза увидел Асана, который шел к остановке.

- Что вы за всех платите, платите... Я не жадная, но этой бессмысленной щедрости не понимаю, – сказала Роза.

- Шеф на ветер и копейки не выбросит, – melancholically сказал Улан.

- Ой, ли! – иронично отозвалась Роза.

- Это твои деньги?.. Нет. Зачем нам с тобой ломать голову над чужими прихотями?..

- Мне, конечно, все равно... Но убей – не пойму: зачем в этой дыре этот цирк?..

- Не цирк, а театр древнего искусства. Посмотришь, от высоких посетителей отбою не будет!.. Депутаты, власть и т.д.

- И ты со своим шефом будете по очереди облизывать их?..

- Перебьются... Главное, их всякие там нарко-марко посты не проверяют... – сообразив, что сказал лишнее, Улан осекся. Он притормозил, так как кто-то перебежал дорогу.

- Козел! – выругался он и искоса глянул на Розу, угадывая – придала ли она значение его словам. Роза молчала и, похоже, была всецело поглощена лицезрением пробегающего пейзажа.

- Ой, и дура же я! – воскликнула она вдруг.

- Я никогда в этом не сомневался, – осклабился Улан.

- Я-то думаю – откуда такой размах от жалкого консервного заводика! – говорила Роза, возбуждаясь от своей догадливости. Улан затормозил и вывернул машину на обочину.

- Слушай внимательно! – жестко сказал Улан.

- Да, – прошептала испуганная Роза.

- Тебя работа устраивает?

- Да.

- И ты нас устраиваешь... Когда исполняешь свои прямые обязанности. Сейчас я оставляю тебя в типографии, проследи, чтобы пригласительные были приличные... Поняла?

- Да.

- Других вопросов нет?

- Нет.

- Вот и отлично!.. Знаешь, девочка, чем меньше фантазии – тем длиннее жизнь... Поняла?..

Он тронул машину.

Не заезжая домой, Асан сразу приехал к своему шатру – театру древнего искусства. Он рвался работать без перерыва день и ночь, чтобы хоть чуть-чуть отблагодарить за освобождение. Могли ведь упрясть надолго. Следовательно дал ему почитать несколько объяснительных, взятых у односельчан, где черным по белому было написано, что Асан получал плату за подкручивание электросчетчиков, подсоединение к сети и за многое другое. Вернее, не он получал, а его жена, Бермет, которая ходила по домам, где побывал муж, и вымогала плату. Ей давали, кто что мог: кусок мяса, яйцами, зерном и прочей мелочью. Так что получалось, что он продавал электричество, мало этого – мошенничал с электросчетчиками. Наготове две статьи, можно и третью, четвертую присобачить – и получай срок от десяти до пятнадцати лет. И все это сотворила Бермет! Бог с ним, со сроком – отсидел бы, но в каком свете он представлял перед людьми, перед обществом? С ума можно сойти!

Он не хотел видеть Бермет, поэтому почти неделю не ходил домой. Со всех сторон удобно: встал, пожрал – и за работу, устал – упал, заснул, и некогда душу свою травить разными переживаниями. Он привык, когда люди обманывали, предавали его – на то они и люди, но чтобы любимая жена... Этого не вмещало ни сердце – которое разрывалось, ни голова, которая отказывалась соображать.

В селе, конечно, слышали, что Асана освободили, но никто его не навестил. Ни Бурхан, ни Бермет, которую он все-таки ждал.

Со страхом, но ждал, воображая, как она тут, при людях, будет орать, проклинать, принимая позы грозного начальника.

Где-то через неделю Асана позвали, сказали, что пришли девочки. Асан мигом выскочил во двор и сразу увидел дочек, одну ростом повыше, другую пониже. Они стояли напротив входа и напряженно смотрели в его сторону. У него перевернулось в груди, он подбежал к ним, бросился обнимать, целовать.

- Ласточки мои, воробышки!

Девочки не уклонялись от ласки отца, но были серьезными.

- Почему ты не идешь домой? – спросила Асыл.

- Да тут... срочная работа.. быстрее надо кончать...

- Можно же было и заглянуть. Тут же рядом...

- Каждая минута дорога.. понимаешь, доченька, – засуетился Асан. Не будет же он объяснять этим божьим одуванчикам, какая подлая у них мать.

- А мама говорит, что ты бросил нас, – сказала Назик. – Сидит целыми днями и плачет...

- Плачет? – потрясенно спросил Асан. Он не помнил, чтобы Бермет когда-нибудь плакала.

- Ага... А ты даже не заглянешь.

- Мы уже почти закончили. Я скоро приду.

- Не врешь?

- Я разве врал когда-нибудь?

- Мы ждем, ждем, а тебя все нет, – всхлипнула Назик, обнимая его ногу.

- Я приду, обязательно приду, – Асан сделал невероятное усилие, чтобы тоже не расплакаться.

- Идем! – Асыл потянула Назик. – Сказал же папа, что придет.

Они пошли, то и дело, оглядываясь на него, маленькие, беззащитные рядом с громадьем строений.

Никогда Асану не было так тяжело возвращаться домой как сегодня. Ноги ничего, несли, да и весь остальной организм нормально работал, более того, сволочь, ощущал прилив бодрости, какой, обыкновенно, бывает после добросовестно законченной работы. А вот с душой – плохо, так плохо, что хоть в петлю лезь.

Как он мог, как он мог целую неделю не ходить домой и мучить своих девочек, свою несравненную Бермет? Куда ни глянь – кругом он сам виноват. Пил? Да, пил. О семье не думал? Да, не думал. Плату за работу не брал? Не брал. Видите ли, у него есть совесть, оказывается. У Бермет тоже есть совесть, но она засушила ее глубоко в попу и стала брать за его работу, потому что детей кормить надо, оказывается. Ох, как плохо, как он сможет зайти в дом, посмотреть ей в глаза?.. Он вдруг захотел увидеть Сейил, своего ангела. Он просто пройдет мимо ее дома, взглянет на нее и ему станет легче предстать перед женой.

На завалинке возле штакетника сидела старуха, бабушка Сейил. Асан поздоровался. Старуха, щуря глаза, присмотрелась к Асану, спросила. – Ты не электрик, сынок?

- Да, - сказал Асан, – я – электрик.

- Зайди, пожалуйста, ко мне. У меня тут кое-что починить надо...

Она с усилием поднялась и заковыляла в сторону дома. Двигалась она боком, волоча парализованную часть тела. Восполняя немощь, здоровая рука была чрезвычайно выразительна, то, падая вниз, а при разговоре, описывая немислимые траектории.

- У меня тут и уют, и чайник.. Денег не было лишних, чтобы отремонтировать, – говорила она на ходу, видя, что Асан следует за ней. – А тут внучка на хорошую работу устроилась. Можно теперь и ремонт сделать.

- Куда же она устроилась?

- Помощником хозяина консервного завода, – сказала старуха.

- Там же Роза работала, – сказал Асан.

- Утонула она... Бедняжка... Зачем в воду полезла, раз не умеет плавать? Пусть земля ей будет пухом!

Асан вспомнил, как дня три тому назад вдруг исчез Улан, достававший его глупыми указаниями, а потом снова появился, но, славу богу, больше не лез с советами. Видно, ездил на похороны. А он даже не знал, что Роза утонула. С другой стороны, кто он ей, чтобы сообщать об ее смерти. Миллионы событий обходились и обойдутся без него. Пусть в другой жизни ей больше повезет, чем в этой.

Асан сменил спираль в чайнике, заменил провод, потом сказал старушке, которая сидела рядом и неотрывно, словно желая запомнить, научиться, следила за его работой.

- Вот и все. Только у меня одно условие?

- Какое? – насторожилась старушка.

- Не надо никакой оплаты. Тогда я все остальное приведу в порядок.

- Спасибо, – не стала ломаться старушка, что очень понравилось Асану, привыкшему к притворным проявлениям гордости и других благородных чувств у односельчан.

- Я слышала, что Вы добрый человек, но стеснялась обратиться за помощью.

- Теперь не стесняйтесь. Хорошо?

- Хорошо, – улыбнулась старушка. – Пойду, поставлю чай!

Старуха взяла чайник и заковыляла на веранду. Асан встал, размял затекшие ноги и подошел к раме с семейными фотографиями, которая висела на стене. Солдат у танка. Семья возле машины «Победа». Он и она, между ними тумбочка на гибких тоненьких ножках, и ваза с цветами. Мгновенья, когда люди захотели вдруг предстать счастливыми, самодостаточными.

Внимание Асана рассеивалось, где были групповые фотографии, сосредотачиваясь на Ангеле: она с родителями, с детьми, с подругами, с этой старушкой, одна, сидя, стоя, а вот – обернулась и едва заметное движение губ обозначило улыбку.

- Ой! Работает!.. – воскликнула за спиной старуха. – Спасибо тебе, родной!.. А то ни чай попить, ни голову помыть... А сил нет печку каждый раз растапливать...

Видя, что Асан всецело занят рассматриванием фотографий внучки, решила прокомментировать:

- Это Сейил, внучка. Очень способная – говорили учителя, учиться обязательно надо... А на какие деньги учиться?.. Вот уже третий год работает, надеялась денег для учебы накопить, да разве накопишь? То одеться, то поесть! Эх, жизнь проклятая!.. Слава богу, хоть теперь работа хорошая нашлась...

- А родители?

- Умерли... И отец, и мать, и старший брат... Сам знаешь, кто на уране работал, больше сорока-пятидесяти не жили... Позарились на деньги большие, а о том, что раньше времени со

светом белым придется проститься, никто не говорил... Я вот выжила, лучше бы умерла, тогда бы внучка уехала куда-нибудь с этого проклятого места... А смерть, идиотка, не торопится...

В дверь постучались. Старушка и Асан переглянулись: здесь не приучены к таким деликатностям.

- Можно? – в проеме дверей показался Улан. – Куда не сунуть – везде ты! Опять электричество воруеть?....

- Он мне чайник наладил... Вы, молодой человек, следите за своим языком!.. – строго сказала старушка.

- Извините, я пошутил, – сказал Улан. – Бабушка, дайте вашей внучке свитер, она сегодня с шефом в горы едет, а там прохладно.

Старуха заковыляла в другую комнату.

- Деньги получил? – спросил Улан

- Да. Спасибо.

- Накупи продуктов, жри, отсыпайся! Не напивайся! Через пару дней ты должен быть как стеклышко. Первое представление для шишкарей... От того, как пройдет наш дебют, зависит судьба всей долины. Понравится – появятся деньги, люди станут жить лучше. Понял?

- Ага, – сказал Асан, хотя, смутно представлял себе, как судьба долины соотносится с каким-то концертом.

- Вот, возьми! – вышла старушка с пакетом в руке.

- Спасибо! До свидания! – Улан, взяв пакет, выскочил за дверь.

- Несите уют! – сказал Асан.

- Неудобно как-то... – нерешительно сказала старушка.

- Неудобно, бабушка, ногой сморкаться! – сказал Асан и сам засмеялся тому, что удачно вставил армейскую присказку. – Несите все, что не работает, пока у меня есть время. Когда в другой раз Вы меня поймаете?..

Уже стемнело, когда Асан закончил починку утюга, фена. Больше предметов, связанных с электричеством, у старухи не было.

- Дай бог тебе здоровья! – сказала старуха, сказала просто, и это тоже было по душе Асану. Он терялся и не знал куда деться, когда рассыпались в благодарностях и обещали золотые горы. Ангел не пришла, видимо, задержалась на работе, но так хотелось и Асану. Он не представлял, как вел бы себя, если бы вдруг она явилась, что бы говорил. Ему хватит и того, что он побывал в ее доме, посмотрел фотографии, поговорил с доброй старушкой, теперь он сможет бестрепетно предстать перед женой.

Когда он ступил за порог, Бермет стояла в дальнем углу веранды и смотрела прямо на него. Наверное, она видела, как он шел, и приготовилась к встрече.

- Здравствуй, солнышко! – сказал Асан.

Она молчала, бесстрастно глядя на него. Непонятно, то ли зверем сейчас на него набросится, то ли, смерив презрительным взглядом, холодно пройдет мимо, в комнаты.

- Здравствуй, – повторил он потерянно.

- Ты простил меня? – хрипло спросила она.

- Это ты прости меня, – сказал Асан.

- Я спрашиваю: ты простил меня?

- Это я виноват. Я виноват! – заторопился Асан.

- Ты простил меня, придурок? – заорала она, сверкая глазами.

- Да, – сказал Асан.

Она затряслась и опустила на кошму.

- Что с тобой? – бросился к ней Асан.

Она плакала.

- Проклятая жизнь! – сказала она сквозь слезы.

Асан обнимал ее, целуя в мокрое лицо, бормоча: – Прости! Это я виноват. Я ничтожный, ни к чему не способный.. Денег не зарабатывал. А ты.. Ты.. Царица... Небесная королева... Дочь солнца!..

Она вдруг оттолкнула его и захохотала. Он устался на нее, не пытаясь ни соображать, ни чувствовать. Она заходила в самом безудержном хохоте, даже слезы выступили на глаза.

- Ой, умрешь с тобой! И смех и слезы!.. Значит, я Царица Небесная, Дочь Солнца?

Она опять захохотала, но ненадолго, видимо, организм исчерпал ресурсы смеха.

- Ну, иди ко мне, дурачок, ты мой ненаглядный! Как я по тебе соскучилась!

Она обняла его, поцеловала.

- Я тоже соскучился, – залепетал Асан и тоже хотел сказать нежные слова, много нежных слов, но Бермет, закрыв ладонями ему рот, сказала: – Ты молчи!.. А то опять все испортишь!

А сама все крепче прижимала к себе, будто хотела вобрать его всего в себя и успокоиться, зная, что он тогда точно никуда не уйдет.

- Где девочки? – опомнился Асан.

- Я послала их к Алтынай.., – сказала Бермет. Алтынай, старшая дочь, была замужем, жила в соседнем селе.

- Я не хотела, чтобы они видели, как ты меня бьешь, – добавила Бермет, отвечая на его вопрошающий взгляд..

- Разве я когда-нибудь бил тебя? – удивился Асан.

Она молчала. Асан понял, что она не хочет бередить пережитое. Он тоже не хотел рыться там.

Они не спали всю ночь. Говорили о том, о сем, больше о проделках девочек, когда они были маленькими, смеялись, плакали, временами, когда чувства перехлестывали через край, задыхаясь от нежности, соединялись, и это было скорее осуществлением не физиологической потребности, а душевной – только так растворялась боль, которую они причинили друг другу, и утолялась тоска за время разлуки.

На рассвете они вышли на крыльцо и, сидя рядом, любовались миром и верили, что теперь начнется другая жизнь.

Вот и настал тот долгожданный вечер, к которому так энергично готовились Актан и Улан. Местных предупредили, чтобы они не приходили – для них представление будет позже. Сельчане и сами бы не пошли, оробев от обилия невиданных роскошных автомашин, которые облепили склоны окраины. Ясное дело: простые смертные в таких машинах не разъезжают. Патриоты Каирмы, что скрывать, даже задрали носы: не каждое село удостоивается такой чести.

Играла необыкновенная музыка. Словно голос пращуров прорвался сквозь толщу времени и, тоскуя, страдая, вызвал к великодушью сердца. Арену окутывала тьма. Вдруг завыли, за-

лаяли сурнаи и кернеи¹³, и яркий свет озарил арену, где стоял верблюд с курджуном¹⁴, переброшенным через межгорбье, привязанный к колу, головка которого уходила в глубину небольшой ямки.

От представшей живой картины ахнули, засмеялись, зааплодировали. Амфитеатр был переполнен нарядной публикой – самодовольные мужские лица, красивые женщины с блестящими глазами и выразительными выпуклостями. Актан, Улан, Сабыр тоже сидели там, но сбоку – все-таки хозяева, будет удобнее, если потребуется выйти, распорядиться. Судя по их лицам и по тому, как озирались, они были довольны произведенным эффектом. Верблюд в ответ на аплодисменты издал низкий, утробный звук и попытался уйти, но аркан не отпустил дальше двух-трех метров. Он сделал круг и, сообразив, что ему не уйти без вмешательства человека, опустил на колени и, свыкаясь с шумом многолюдья, ослепительным светом, делал усилия, чтобы впасть в привычную полудрему, в которой могли бы свободно разворачиваться видения о безграничных пространствах.

Вперед выступил конферансье, торжественный, как петух:

- Дамы и господа, уважаемые гости, мы вам представляем древнюю народную игру «Развязывание верблюда», восстановленную по текстам эпических сказаний. Нигде в мире, только у нас! Эксклюзив!.. Игра заключается в следующем: вот в этих курджунах не бархат и не шелк, как в древности, а десять тысяч долларов и ключ от автомашины «Ауди», которые предназначены победителю. Побеждает мужчина или женщина. Женщина – кобыла, которая нагишом сумеет распутать привязь верблюда, забирает эти призы!.. Мужчина – жеребец, который, если сумеет покрыть женщину-кобылу, и не даст ей распутать привязь верблюда, забирает эти призы вместе с верблюдом!.. Единственное условие – он не должен помогать себе руками!.. Как видим, женщине несравненно легче!.. Откровенно говоря, в наш век повальной импотенции и «Виагры» найдется ли настоящий мужчина?!..

Женщины хихикали и с откровенным вызовом глядели на мужчин, те тоже посмеивались, как бы говоря, что то, на что намекал развязный конферансье, к ним не относится, и, если по-

¹³ Сурнаи и кернеи – национальные духовые музыкальные инструменты

¹⁴ Курджун – переметная сума.

требуется, они хоть сейчас готовы на любой сексуальный подвиг. Двусмысленность создавшейся атмосферы разрядил трубный голос конферансье:

- Самая бесстрашная и самая прекрасная Айпери – Лунная красавица!

Под дробь барабана на арену выплыла Сейил в белом платье, хрупкая и невинная, как образ весны или юности.

Асан замер, ему показалось, что у него остановилось сердцебиенье. Сейил мелкими шажками пробежала вокруг верблюда и неожиданно резким движением сбросила платье и осталась голой. Вздых удивления прокатился среди зрителей, кто-то даже вскрикнул, а потом, словно опомнившись, зааплодировали.

Длинные волосы струились вдоль тела девушки, то открывали, то закрывали ягодицы, лобковый мысок. Каждое движение подчеркивало гибкость ладно сложенного тела, тонкий стан с непостижимой неожиданностью переходил в массивность ягодиц и бедер; как клювы перепелов выглядывали соски из холмиков небольших грудей.

Под нежную музыку она опустилась на колени, круто подняв круп, сунула руки вниз, в яму, пытаясь побыстрее развязать узел на колу. И было отчего ей спешить – на сцену с диким ржанием выскочил голый мужик, набедренная повязка которого из конских грив почти не скрывала внушительного мужского достоинства. Асан с ужасом узнал в мужчине Бурхана.

В зале ахнули, засмеялись, вскрикнули, наиболее воспитанные – захлопали.

Бурхан, подпрыгивая, изображая обуюнного похотью жеребца, повел носом в сторону вздернутого крупа девушки, шумно вдохнул, оттопырив губу, закатывая глаза в предвкушении неземного блаженства, и приготовился к действию.

В амфитеатре некоторые замерли, не веря своим глазам, кто-то ахнул, еще кто-то нехорошо засмеялся – нездоровое возбуждение волной прокатывалось по толпе.

Бурхан заржал и еще раз обнюхал круп Сейил, которая то ропилась и все никак не могла распутать узел, затем вскинулся и потрясенный зал увидел, как ниже пояса мужчины, раздвигая гривы, вынырнуло нечто, похожее на головку диковинной змеи и эта змея устремилась укусить, впиться в промежность между матово отсвечивающими ягодицами, но ягодицы вспрыгивали как

два неразлучных мячика, уходили вниз, вбок, избегая смертоносного поцелуя.

Раза два Бурхан, забываясь, пытался схватить прыгающее, взбрыкивающее туловище, но раздавался металлический окрик невидимого конферансье, и он, как от удара электрошоком, отдергивал руки.

В амфитеатре зрители вошли в экстаз: свистели, топали, визжали, кричали: – Налеву!.. Направо!.. Давай!.. Пали! Мазила!.. Сапожник!..

Асан, как загипнотизированный, глядел на Сейил, которая даже в этой стойке животного, поведении животного сохраняла грацию и статус некоего возвышенного существа, беззащитного посреди этого неистового рева.

Асан усилием воли отвел от нее взгляд, побежал по толпе. Орущие нечеловеческие лица, и вдруг его взгляд споткнулся, словно наступил на занозу. То были глаза Сабыра, в которых стояли слезы.

- Ишак!.. Рази!..

- Импотент несчастный!..

Сабыр встретился взглядом с Асаном и увел глаза, вытирая слезы. Что-то оборвалось внутри Асана, и он стремительно кинулся вниз.

Он выбежал на сцену, как сумасшедший, нелепо размахивая руками. Схватил Бурхана и швырнул в сторону. Потом схватил Сейил за руку и потянул ее за собой.

Зрители замерли. Они не знали, как реагировать: то ли как на вмешательство со стороны, то ли как на действие, предписанное сюжетом.

Актан движением руки остановил молодчиков, которые в одинаковых спортивных костюмах стояли у прохода: он был чрезвычайно любопытным человеком, любителем непредсказуемых ситуаций.

Тем временем Бурхан пришел в себя и, устроясь рыча, набросился на Асана. Сейил, воспользовавшись тем, что ее отпустили, бросилась к колу, чтобы развязать узел. Бурхан картинно поднял Асана над собой и бросил на землю. Хотел пнуть, но Асан, проявив неожиданную прыть, перехватил ногу и вывернул ее, заставив Бурхана заорать и упасть. Асан вскочил на ноги и

бросился к Сейил, но Бурхан подставил ногу и, вскочив, пошел на Асана. Асан – видно, что был когда-то великолепным бойцом – легко уходил от ударов и, выбрав момент, нанес несколько молниеносных ударов. Бурхан рухнул на землю.

Во время боя между Асаном и Бурханом Актан что-то сказал Улану, и тот немедленно двинулся к проходу, где стояли молодчики. Начал им, жестикулируя, что-то объяснять вполголоса. Молодчики кивали, некоторые улыбались.

Асан подбежал к Сейил и потащил ее, упирающуюся за собой. На арену выскочили молодчики.

- Не трогайте его! – закричал Сабыр, вскочив с места.

- Успокойтесь! – Актан, приобняв, усадил Сабыра. – Ничего они ему не сделают...

Асан ударил первого молодчика, потом второго – те, как мячики, отскакивали от него. Было видно, что молодчики, увораживаясь от ударов, отскакивали с кульбитами, картинными падениями, как бы имитируя драку, тем самым, превращая благородную ярость Асана в игру, в очередной номер шоу-программы. Асан опять бросился к Сейил. Она стала убегать от него, оглядываясь и крича во все горло:

- Не трогай меня, дурак!.. Ты мне дашь такой приз?!.. Ты такой же голый, как я!.. Пошел вон!..

Асан остановился, как вкопанный. Потом закрыл лицо руками и бросился прочь.

Сейил склонилась над колом. Бурхан, шатаясь и рыча, бродил по арене и, видимо, забыл про свою роль. Молодчики живо отбежали на свои места, и представление продолжалось, словно не было недавнего инцидента.

Зрители, получив зараз и эротическое зрелище, и боевик, и сценку-моралите, аплодировали, как бешеные.

Асан не помнил, как выбежал из шатра, не знал, дышал он или не дышал – все мысли, чувства враз умерли, оставив неудержимый, как инстинкт, порыв – добежать до трансформатора и остановить это вселенское непотребство. Именно, вселенское – так представилось его потрясенному воображению.

Он бежал среди недостроенных зданий, и его тень неутомимо гналась за ним. По всей территории вокруг Дворца древнего народного искусства была конная охрана, чтобы никто из местных не смог пройти на представление, но Асана беспрепятственно пропускали, поскольку знали его как электрика и, наверное, подумали, что он бежит исправлять какой-нибудь неполадок по электрической части.

По винтовой лестнице Асан поднялся к трансформатору, открыл ключом дверцу и полез в мерно гудящее нутро. Потянул ручку распределителя, и стало темно и тихо – ночь сомкнула мир в свои объятия.

Асан облегченно вздохнул и стал спускаться по лестнице. Вдруг сообразил, что ведь могут придти и запросто включить трансформатор, и тогда продлится этот ужас. Он вновь ринулся вверх, двинул ручку распределителя – воскресло гудение, и зажглась лампочка над ним, на столбе. Асан открутил пробку-болт с прямоугольной емкости, где содержалось трансформаторное масло, и, размахнувшись, выбросил куда-то в ночь. Потом тяжело спустился по лестнице и, оставив дверцу ограждения открытой нараспашку, пошел, куда глаза глядят.

К нему медленно возвращалась способность чувствовать – объем грудной клетки заполняла боль. Он брел наугад, потеряв ориентиры. Сзади ослепительно грохнуло – взорвался трансформатор. Залаяли, завыли собаки, мир погрузился во тьму.

Боли стало так много, что она становилась неподъемной, и ноги Асана стали заплетаться. Асан шел и плакал и был благодарен ветерку, что он не дает задохнуться. Кто знает, сколько он прошагал, спотыкаясь, падая, вставая, когда где-то сбоку раздались крики, топот коней и темень пронзили семь-восемь снопов света – видимо, всадники скакали, держа в руках фонарики. Полосы света рыскали по разным направлениям, выхватывая кусты, камни, бугры, тропинки. Одна из полос резанула по спине Асана, и тотчас раздался торжествующий крик. Со всех сторон, полосую Асана лезвиями света, приближались к нему всадники. Асан шел и не реагировал на эту безудержную свистопляску.

Всадник, который первым доскакал до Асана, с налета ударил его битой по спине. Асан упал, не издав ни звука, словно предмет неодушевленный.

Второй всадник, подскакавший к упавшему Асану, был, видимо, большим мастером козлодранья: одним хищным движением он перегнулся с седла и, ухватив Асана за ногу, помчал прочь, волоча Асана вниз головой.

Третий всадник на скаку схватил Асана за руку и, повернув коня в сторону, ловким маневром вырвал Асана из рук второго всадника.

Второй всадник успел-таки перехватить другую руку Асана и потянул добычу к себе, но третий не отпускал, и теперь они мчались параллельно друг другу, держа на весу распятого Асана...

Полос света становилось все меньше: каждый, кто добирался до добычи, выключал фонарик и вмешивался в борьбу. Погас последний фонарик и в глубину ночи, утишаясь, удалялся топот, всхрапыванье коней и сопение людей.

Тишина. Перепуганные насмерть кузнечики, цикады не смели подать голос. Было слышно, как ветерок, учащая порывы, перерастал в ветер, и тучи, закрывая луну, звезды, скрыли поднебесное пространство.

Тьма. Черная и непроглядная. Неожиданно в сердце этой тьмы затрепетала крохотная искорка света. То, угасая, то, расширяясь, то, уменьшаясь, словно сомневаясь в своей необходимости.

Судя по завываниям, ветер набирал силу.

На столбе рядом с ветряком лампочка засияла ярче, увереннее, выхватывая вращающиеся лопасти ветроколеса. Вокруг — тьма.

Но точка света — есть. И во мраке стало не так уже безнадежно.

Юрий БАРВИНОК

МАМА

Рассказ

В последнее время их состояние в момент физической близости становилось сравнимым с нирваной, описанной в Махабхарате. Они то теряли энергию и уходили в нежную на ласки дрему, то начинали ощущать друг в друге желание, и от этого страсть мгновенно вспыхивала и продолжалась долго, затем вновь угасала и тлела до следующей вспышки.

Встречаться они начали лет двадцать назад, когда Игорь еще не был женат. Сразу после Политеха его направили на Фрунзенскую телефонную станцию инженером по оперативной работе.

Труд связиста он начал с азов, и уже спустя пять лет все работяги стали уважительно обращаться к нему по имени отчеству, как к сильному специалисту.

В это время на АТС пришла Маринка. Невысокая, со смуглой кожей, с каштановым, кудрявым волосом, глаза — бездонные колодцы болотного цвета, фигурка ладненькая, славно очерченная во всех местах, она сразу стала объектом повышенного внимания мужской половины сотрудников станции.

И так же сразу, едва узнав друг о друге, они начали встречаться.

Когда распался Союз, Маринка уехала в Россию, но спустя четыре года вернулась. Вернулась с трехлетним сыном, без мужа.

Игорь к этому времени дослужился до должности главного инженера всех АТС (теперь уже) Бишкека. Еще он женился. У

Даши были две девочки-близняшки, такие забавные и нежные, что буквально одного их взгляда, полного надежды увидеть в пришедшем дяде папу, хватило Игорю для того, чтобы сделать Даше предложение.

В отличие от многих коллег по работе, он не сетовал на новые времена и нравы, а стремился подстраиваться под них. Получив еще один диплом инженера, теперь по специальности компьютерных коммуникаций, Игорь основательно укрепил свой авторитет во вновь созданной государственной акционерной компании связи.

В свои пятьдесят с хвостиком был он, что называется, «в самом соку». Всегда опрятно одетый, чисто выбритый, свежо пахнущий, невысокий и суховатый, со стороны он казался молодым человеком. Единственное, что выдавало возраст – густая седина.

Он пристроил Марину к себе секретарем, и несколько лет они старались смотреть друг на друга просто как коллеги по работе.

Их сблизила вновь одна из редких ссор Игоря со своей женой.

Даша «взбрыкнула» по поводу нелегкой доли домохозяйки. Слово за слово и загорелся уже Игорь. В результате он собрался и уехал на работу, чтобы «остыть».

Была суббота. В головном офисе никого не было, кроме охраны и Марины, вышедшей разобрать бумаги, накопившиеся из-за взятого на прошлой неделе отгула.

Войдя в приемную и увидев ее, он не стал сопротивляться внезапно загорающемуся чувству.

С того времени их встречи, говоря протокольным слогом, стали носить регулярный характер. Вначале периодичность любовных randevу составляла один – два раза в месяц. Но со временем, как ни странно, их все больше и больше тянуло друг к другу.

Они будто наверстывали упущенное время и предавались любви где угодно – в его кабинете, в автомобиле, в ее однокомнатной квартире, которую, благо, она не продала, ища счастья в далекой стране.

Тот год был для них особенным. Каждое свидание сопровождалось погружением в нирвану. Все это наводило Игоря на серьезные размышления о загадочности бытия.

Он никогда ничего не принимал на веру, и всему старался найти научное объяснение. И если это не удавалось, он обращался к книгам, мир которых был знаком Игорю еще с детства.

Чтение, в свою очередь, будило в нем давнюю страсть к изложению мыслей на бумаге. Еще студентом первокурсником Игорь увлекался сочинительством рассказов в стиле Эдгара По.

Позже, загруженный работой, он писал лишь статьи для газет и журналов на профессиональные и общественно-политические темы.

Теперь же в нем вновь, с пробудившейся неумемной страстью к Маринке, бродило желание творчества, которое выливалось в короткие рассказы. Сюжеты подсказывала ему жизнь, типаж и судьбы были реальными, но Игорю доставляло удовольствие смешивать эти истории и, добавляя мистики на грани возможного, выплескивать их в виде коктейля, на страницы белых прямоугольников Microsoft Word.

Глядя в мутно-зеленые Маринкины глаза и читая в них вопрос «так что же с ними происходит?», Игорь внезапно понял, что их состояние можно объяснить с научной точки зрения только результатом одного явления – обмена энергией.

- Марин. Это наши информационные поля пересекаются. Они создаются особой энергией, пока неоткрытой наукой, – нежно целуя ее в губы, прошептал Игорь. – А, может быть, фермионы наших тел контактируют с бозонами Бога, – театрально задумавшись, продолжил он, но, видя удивление и непонимание на Маринкином лице, остановился, и уже отрезвевшим от грез голосом, добавил: – По-простому – это души наши общаются.

А вечером, Игорю пришла в голову идея рассказа, героями которого должны были стать он, Маринка с сыном и Даша с девочками.

Вскоре рассказ был написан.

Это была история о кончине любви двух взрослых людей. Она – неудачно вышедшая замуж мать-одиночка, воспитывающая взрослую дочь. Он – средней руки, женатый бизнесмен, с двумя детьми. Им немного за пятьдесят. Время думать о том, как красиво расстаться, но происходит все совсем наоборот.

Неожиданно любовь разгорается страстью. У главного героя возникает убежденность, что это должно привести к свершению какого-либо важного события в их жизни.

Событие вскоре происходит. Главная героиня беременеет, хотя этого не должно было быть. Совместно они решают: надо рожать, но при родах мать умирает, и перед главным героем встает вопрос, что делать с ребенком.

Ему не хочется, чтобы обо всем узнала жена, которая, случись это, наверняка потребует развода. Страсть уже не вернешь, а впереди одни проблемы.

Но бросать своего ребенка не позволяет совесть. И вот этот сюжет разговора с совестью становится главным моментом в рассказе, оставляя без ответов вопросы о дальнейшей судьбе героев.

Первой читательницей свежего рассказа была, конечно, Маринка, когда в пятницу утром, чмокнув его вдруг нежнее нежного, взяла отпечатанные на принтере странички, и ушла в свой «предбанник» готовить кофе. Читала она быстро, ловя суть сюжета и опуская целые куски, не углубляясь в поиски философского камня.

Вернувшись, Марина положила рассказ на стол, обошла вокруг большой овальной столешницы за его кресло, обняла сзади и таинственно прошептала: – Откуда ты все узнал? – При этом ее взгляд многозначительно указал на листки бумаги.

- Что значит – все? – в свою очередь удивился Игорь. И тут его осенило. – Ты что, забеременела?

- Представь. – Марина отошла и села на стул для посетителей. – Была задержка. Я ждала, но уже два месяца как прошли все сроки. Вчера я была на УЗИ. Врач сказал, что беременна. А самое главное, что ребенок на удивление хорошо просматривается для раннего возраста, и это на 80% – мальчик.

Голос и Маринкино лицо выражали одновременно удивление и душевное облегчение от высказанного. Ей самой было странно, как она вообще целую неделю молчала, зная такое.

Ведь зачать от Игоря было в принципе невозможно: он страдал одним из видов бесплодия. Поэтому за все годы их встреч у Маринки не было залетов.

Потрясенный, Игорь молчал. Меж тем Марина продолжала рассказывать.

Оказывается, она записалась сегодня вечером на операцию. Игорю говорить ничего не хотела. А после «может быть, сказала б, а может, и нет». Этот нарочито вывернутый говор, взгляд искоса невероятно блестящих глаз, неожиданно появившийся изгиб в талии, делали Марину похожей на большую кошку перед началом любовной игры.

- А тут вдруг твой рассказ. – Голос Марины стал тягучим, но с какой-то тревожной ноткой. – Ну, меня хоронить, допустим, рано. А вот с ребенком я засомневалась что-то. Давай-ка помоги мне принять решение, Егорчик мой мудрый.

Решение в отношении зарождающейся жизни, было принято Игорем мгновенно. Но ему казалось недостаточным, ничтожно малым просто обозначить его. Переполненный волнами чувств, он пустился в рассуждения, пытаюсь объяснить не столько Маринке, сколько себе, что же помогло ему, наконец, стать отцом.

Суть возникшей между ними страсти, по его молниеносно родившейся гипотезе, заключалась в большей подаче «специальной» энергии в момент их соединения. Чем больше импульс, который исходит от людей в момент зарождения жизни, тем мощнее энергетически душу получит будущее тело.

По его гипотезе выходило, что их неопишуемая по наслаждению страсть посылалась им неспроста, и будущему ребенку предназначалась большая судьба.

Марина слушала Игоря вполуха, задумавшись вдруг о том, сколько раз она делала аборт. Никогда при этом ее не терзали муки совести, никогда она не сомневалась в разумности выбора.

Но сейчас от слов Игоря веяло теплом, уверенностью, тревожный холодок внизу живота, который и заставил просить совета у любимого, постепенно вытеснялся, таял.

Она боялась услышать смертный приговор кусочку пока бессознательной плоти, а благодаря Егорушке убеждалась в большой Судьбе их нарождающегося сына.

У Марины не было особых заморочек по поводу сохранности плода, как это подчас бывает у некоторых беременных женщин, начинающих двигаться походкой инвалида и не принимаю-

щих мужских ласк. Их любовь напоминала бурную стремительность горной реки. Но за неделю до назначенной даты прихода в роддом она сделалась спокойной, и стала просить Игоря оставаться с ней подолгу, как только позволяло время. Иной раз ей вдруг стало казаться, что рассказ Игоря имеет пророческий смысл и что она непременно должна умереть.

Врачи приняли решение делать операцию, чтобы защитить материнский организм от стресса родовых мук. Никаких противопоказаний не было, и никто не сомневался в успешном исходе.

Когда время настало, Игорь взял отгул и приехал в роддом за час до начала операции.

Марину он видел не больше минуты. Она вышла в комнату для посетителей в незнакомом халате, с клеенчатой шапочкой на голове, точно для душа.

Ее глаза были полны слез. Вместо приветствия она внезапно прижалась к нему, обняла за шею и зашептала на ухо.

- Ты, Егорушка, о сыне нашем позаботься, и о моем Саше, если сможешь, тоже. Ты у меня одна надежда. – Шептала уверенно, будто зная беду. Затем ее губы нежно коснулись его губ.

И тут Игорь неотвратимо осознал, что это был прощальный поцелуй. Он захотел возмутиться и сказать что-нибудь ободряющее, но Марина отступила также внезапно, как и подошла.

- Марина! – едва успел выкрикнуть Игорь, как большая белая дверь закрылась, оставив его одного в пустом помещении.

Игорь гнал дурные мысли, но настроение не улучшалось. Он прошелся по улице, купил в киоске толстую газету с разной чушью и кроссвордом и вернулся в роддом.

Время словно остановилось. Он сидел на ближайшем к тусклой лампочке стуле и пытался читать.

Ничего не выходило. Кроссворд тоже не решался. Тогда Игорь начал разглядывать окружающий его скудный интерьер.

Комната для посетителей, узкая и длинная, напоминала большой коридор. Один конец ее выходил на улицу старой, неопрделенного цвета, деревянной дверью, над которой имелось маленькое оконце. Света оконце давало немного, ровно столько, чтобы был виден выход.

В другом конце находилась дверь, за которой исчезла Маринка. Над дверью торчал патрон с лампочкой.

Стены были свежо покрашены, вдоль них стояли разномастные стулья с продавленными сиденьями.

Разглядывание интерьера не приносило успокоения. Напротив, поселившаяся в нем тревога нарастала.

Вскоре начали появляться утренние посетители – группами и поодиночке, веселые, шумные и тихие, замкнутые. Однако и они не отвлекали Игоря от дурных мыслей.

Через час ожидания он решил подышать свежим воздухом, и даже уже приподнялся со стула, но в последний момент передумал и остался ждать новостей.

Ему вспомнилось, как он описал в рассказе сцену ожидания конца родов героини и известие о ее смерти. Известие это было неожиданным и угнетающе подействовало на вымышленного главного героя больше всего потому, что лишало его своего рода наркотика в виде любовной страсти.

- А меня, чем меня заставляет тревожиться мысль о смерти Маринки? – задумался внезапно Игорь.

И тут же, с присущей ему сухой прагматичностью в подходе к любой проблеме, отодвигающей в сторону нежные чувства, Игорь автоматически начал в уме раскладывать то, что свалится на него, случись с Маринкой несчастье.

Родившийся ребенок – раз, почти взрослый сын Марины – Саша – два (его ведь не бросишь, хоть парню и шестнадцать). Эти обстоятельства наверняка вызовут развод с Дашей – три, – дальше считать не хотелось, и Игорь силой заставил себя не думать больше об этом.

- Да что я, в самом деле, дурью маюсь, – вслух, но тихо, самому себе, произнес Игорь, и принялся мысленно настраиваться на оптимистический лад. – Скоро кто-нибудь выйдет и поздравит с рождением сына. А от мамы передадут привет, – бодрился Игорь, – и малыша обязательно покажут.

Но прошло два с половиной часа с момента их расставания с Мариной, а никто ничего ему не сообщал. Терпение Игоря кончилось.

Дождавшись, когда дверь откроется и выпустит в коридор очередную будущую или уже состоявшуюся мамашу, Игорь гром-

ким голосом попросил стоящую там, в больничном чреве, медсестру подойти к нему.

Выслушав его просьбу, лунолика, с красными щеками и густыми черными дугами бровей медсестра велела подождать за дверью, пообещав что-нибудь скоро разузнать.

Действительно, минут через пять дверь отворилась и лунолика появилась на пороге.

- Вы муж Марины? – спросила она Игоря с какой-то странной официальной интонацией, отнюдь не подходящей при рождении ребенка.

- Да, – коротко ответил Игорь.

- Вам нужно обойти с другой стороны здания. Там есть синяя дверь. Постучите и скажете, кто вы. Вам откроют, там все и узнаете.

- А что там такое? – стараясь быть спокойным, но весь сжавшись внутри, спросил Игорь.

- Там дети после операции. – Губы луноликой на мгновение сложились в улыбку и тут же вновь замкнулись.

«Ну, вот все и прояснилось, – подбадривал себя Игорь, быстрой походкой обходя старое двухэтажное здание. – Ребенок родился – уже хорошая новость. Значит, и с мамашей все будет в порядке».

Внезапно он вспомнил, что ничего не спросил о Марине. А не спросил он потому, что боялся услышать что-то плохое. Ладно, пусть о Марине ему расскажут врачи. Сам он ни под каким предлогом не заговорит о ней первым. «Должны же они, в конце концов, сообщить мужу о самочувствии жены», – с деланным возмущением бурчал он себе под нос, подходя к синей двери.

На стук открыла девушка, которую мысленно Игорь окрестил «лунолика 2». Это была вылитая лунолика 1, но с постоянной, доброй улыбкой на лице.

- Вы чей муж будете? – русский язык этой киргизской девушки был безупречным, таким же, впрочем, как и у ее серьезной копии.

- Я муж Марины Соловьевой, – вежливо улыбнувшись, представился Игорь, и добавил с надеждой: – У нас должен быть мальчик.

В этот момент ему показалось, что в глазах луноликой 2 на мгновение что-то изменилось. Пропала, исчезла, растаяла радость, хотя выражение лица оставалось добрым, благожелательным.

Впрочем, через миг улыбка вновь озарила ее лицо, и не пропадала больше до конца их общения, которое состояло из полуминутной демонстрации шевелящегося существа, не похожего ни на одного из родителей.

Унося ребенка в другое помещение, девушка попросила Игоря пройти в дверь напротив, обитую черным, изрядно потрескавшимся от времени дерматином.

- Там с вами хочет поговорить врач. – И тут Игорь почувствовал фальшь в улыбчатой вежливости красавицы.

Тревога – вот что было глубоко спрятано в ее взгляде, а значит и в сознании. И эта тревога тотчас ознобом охватила Игоря.

Он вспомнил о загаданном желании не начинать разговора о Марине первым, но, едва переступив порог и увидев взгляд двух пар глаз, сидящих у стола врачей, не выдержал и спросил первым.

- Что с ней?

Марина умерла от инсульта, случившегося во время операции. Сделать ничего для ее спасения не удалось, но ребенка приняли нормального, весом четыре кило.

Слова двух женщин-врачей слышались словно на расстоянии, а разум вытаскивал из запасников мозга перечень проблем, недавно запрятых туда, как казалось, глубоко и надолго.

Что сказать Даше? Как сказать Саше о смерти матери?

И еще рой других вопросов готов был взвиться в голове Игоря, как вдруг он впал в ступор от нахлынувшего образа Маринки. Образа доброй, ласковой и оказывается очень и очень любимой Маринки.

Получалось, что он ее больше никогда не увидит, не услышит и не почувствует. Все происходило на самом деле, но в это не хотелось верить. Этого не должно быть. Это несправедливо.

Почему система с названием «Бог», так распорядилась? Неужели лишь для того, чтобы дать почувствовать разницу между радостью и горем, между наслаждением и болью? Или без этой грани не может быть счастья?

Потихоньку вся философия в его голове стала клинчить на образе улыбающейся Маринки, ее свежих и сочных губах, которые никогда больше не коснутся его тела. Игорю стало нестерпимо печально, и он расплакался.

Плакал вначале молча, шмыгая носом, как ребенок. Затем стал сморкаться в платок и застонал больно, как раненый. И уже не в силах сдерживаться, рыдал в голос минуты две, после чего, стыдясь, извинялся,пил валерьянку, снова рыдал, затем успокоился и закончил разговор деловито, осведомляясь о всех тонкостях создавшегося положения.

В конце разговора Игорь попросил врачей сообщить о смерти Марины ее сыну Саше, когда он приведет его сюда.

- Так будет легче мне и мальчику, – уже на выходе, вместо прощания, сказал он.

Внешне Саша ничем не походил на мать. Он был высоким, крупным, светловолосым парнем. Лицо его носило печать доброты из-за пухлых больших губ и постоянно живого взгляда, будто все вокруг восхищало его. В движениях он был медлителен, но не рассеян. Делал все обстоятельно, как человек с жизненным опытом.

Игорь позвонил на Маринин домашний и, стараясь придать голосу будничную деловитость, объяснил Саше, куда подъехать.

Они были знакомы давно. Марина частенько брала сына с собой на работу, когда тот был маленьким.

Став старше, Саша сам иногда заходил в конце рабочего дня по делам (найти что-нибудь в Интернете, отпечатать реферат или еще что) или просто проводить маму с работы домой.

Их отношения были дружескими. Когда мальчик стал взрослеть, Игорь посоветовал заняться каким-нибудь игровым видом спорта. Он сам в молодости увлекался футболом и знал, как благотворно сказывается дух коллектива на формировании характера и дальнейшего мировоззрения молодого человека.

Было уже два года, как Саша, по его совету, выбрал баскетбол. За это время парень раздался в плечах и окреп. Учился он в 10 классе, но выглядел немного старше своих лет. Марина

рассказывала, что в последнее время от девочек не стало отбоя, но Саша не обращал на них внимания.

Они встретились в назначенное время. Саша был как всегда нетороплив и спокоен

- Здравствуйте Игорь Геннадьевич. – Он крепко пожал ему руку. – Как дела у мамы? Как ребенок?

- Сейчас все узнаешь. – Сдерживаясь из последних сил от подступивших слез, Игорь быстро пошел вперед.

- Что-то случилось? – забеспокоился Саша.

- Все нормально, просто врачи расскажут нам, как обращаться с твоим маленьким братиком.

- А мама? Она что, не знает этого? – волнение в голосе юноши не проходило.

- Сейчас тебе все объяснят. – Игорь постучал в синюю дверь. Мельком он увидел Сашины глаза и прочитал в них нескрываемое волнение.

«Да он, в сущности, совсем ребенок», – подумал Игорь и переступил порог, за которым их ждало горе.

С этого момента все дальнейшее происходило как в кошмарном сне, который растянулся на много дней.

Слов не было. Он просто что-то тупо старался делать. Обнимал Сашу, брал на руки сверток с новорожденным, пытаясь его развернуть. Потом они ехали в Маринкину квартиру, и он сидел там до утра. Ночью звонил Даше, успокаивая, что занят по работе, в связи с аварией. Утром, проводив Сашу в школу, уехал заниматься организацией похорон. Вечером следующего дня снова звонил жене и опять врал, откладывая серьезный разговор на потом.

Затем были похороны, на которых они встретились с Дашей. Ей кто-то позвонил с работы и поделился новостью. Было заметно, что она провела бессонную ночь.

- Мне нечего сказать тебе больше, чем ты, наверное, уже знаешь, – устало, без эмоций сказал Игорь.

- Мир не без «добрых» людей, – также тихо ответила она. И, как ему показалось, чуть мягче, добавила: – Позвони, как освободишься.

Кивнув в ответ, он направился к машине.

Вечером, после поминок, они с Сашей забрали новорожденного и привезли в квартиру. Они оба надеялись на то, что этот

комочек и все, что его будет окружать: пеленки, памперсы, салфетки, погремушки, присыпки и мази, заполнит пустоту, образовавшуюся с уходом Марины.

И, кажется, так стало получаться. Несколько дней они были озабочены серьезной проблемой – выбором имени. Игорю импонировал подход Саши к проблеме.

«Я бы поступил точно так же», – мысленно отмечал Игорь исключительно научный путь выбора Саши, который связал воедино астрономию, астрологию, психологию, философию и математику.

Взяв отпуск, Игорь полностью посвятил его карапузу по имени Руслан, а так же своей новой ячейке общества, состоящий из трех мужских особей. К концу первой недели он буквально валился с ног от усталости.

Теперь-то ему стала понятна вся тяжесть работы домохозяйки. Он начал часто и с благодарностью вспоминать Дашу.

Выходил на улицу он редко – выкинуть мусор, да за продуктами, поэтому особо не следил за внешним видом. Таким и застала его жена. Она была, как всегда, ухожена и тщательно одета в строгий серый костюм с брюками. В руках были две большие клетчатые сумки. Взгляд был строгий и настороженный, но без былой обиды.

- Принесла чистое белье и кое-что из одежды. – Даша пыталась быть добродушной. – Пустишь, или мне можно идти? – с вызовом деля ударение на последних словах, не сдержалась она.

- Заходи быстрее, а то отопление еще не дали, а свет отключают. Боюсь малыша застудить, – засуетился вдруг Игорь, хватая сумки и унося их в комнату, по пути подбирая всякие вещи, разбросанные, где попало. – У нас небольшой беспорядок, – извиняющимся тоном, продолжал Игорь. – Так что не обессудь.

Даша молча разулась и прошла в единственную комнату. Вся мебель - небольшая кровать, диван, шкаф для белья и одежды да столик с телевизором, хоть и была расставлена оптимально, свободного места оставляла немного.

Посреди этого клочка свободы стояла детская кроватка с шевелящимся человечком, издающим такие милые каждому ма-

теринскому сердцу звуки, что хотелось схватить этого человечка и сжать с такой любовью, чтобы он навсегда оставался в тебе.

Даша осталась в тот вечер до утра, и Игорь с Сашей впервые за несколько дней хорошо выспались. Поначалу Игорь еще соскакивал на детский плач, но, натолкнувшись на Дашу, успокаивался и засыпал.

Вскоре к нему вернулось утраченное, казалось уже навсегда, спокойствие от Дашиного постоянного присутствия. Было приятно ощущать рядом любящего и надежного человека.

Саша всю ночь не просыпался. «Видимо, включился защитный механизм на стрессовую ситуацию», – решил Игорь. Утром их разбудила приятно хлопочущая на кухне Даша – оттуда доносились запахи какой-то вкуснятины.

Никакой реакции, внешне выдающей в нем психологический дискомфорт, Саша не проявлял. Он выглядел довольным после крепкого сна большим мальчишкой. Быстро собравшись в школу, вежливо поблагодарил Дашу.

- Спасибо Дарья Владимировна. Было все очень вкусно, – и уже в дверях проронил, то ли всерьез, то ли в шутку. – До свидания. Заходите почаще.

С уходом мальчика наступило время объяснения с женой. Разговор должен был состояться, несмотря на его попытки заниматься мелочами, которые, к тому же, были уже все переделаны Дашей. В конце концов, Игорь сел на диван, успокоился и рассказал Даше об их с Мариной отношениях.

- Теперь ты все знаешь. Твоя воля как поступить. Но я не могу бросить сына. Он будет со мной и со своим братом, по крайней мере, до совершеннолетия. – Голос Игоря был уверенным, но без эмоций. – У мальчишки здесь не осталось родственников. Единственная сестра Маринки уехала два месяца назад в Калининград к родителям мужа.

- А ты, я смотрю, всю родню хорошо знаешь? – Затаенная обида блеснула в глазах и прозвучала в словах Даши.

Игорь осекся, но взгляда не опустил и продолжил:

- Мне глупо искать оправдания. Если можешь простить, то прими все как есть.

Даша простила его, и фактически они стали жить все вместе, перебравшись в дом Игоря с Дашей. Саша охотно согласил-

ся на переезд. Ему отвели отдельное помещение – мансарду, где он чувствовал себя полным хозяином. Вход на мансарду был с улицы в виде винтовой металлической лестницы. Парня никто не тревожил и он жил в свое удовольствие.

Его отношения с дочерьми Даши – Викой и Юлей были дружескими. Несколько раз девочки помогли ему с физикой, в которой он был слаб. Он же всегда предлагал помощь, если нужна была мужская сила.

Дашу он, как и в первый день, называл по имени-отчеству, относясь к ней ровно без особых эмоций. Малыш уже всюду разговаривал, называя всех папой, и был не по возрасту развит. Он словно специально не говорил «мама», как будто понимал ситуацию и не желал кого-нибудь обидеть. Но Игорь чувствовал, что обязательно что-то должно было произойти.

Однажды вечером, придя с работы чуть раньше обычного, он застал Дашу всю в слезах. Она не любила, когда к ней лезли с расспросами, поэтому он и не приставал, лишь поинтересовался, все ли у всех в порядке со здоровьем.

Спустя немного времени на кухню, где он ужинал, пришла Вика и рассказала о том, что произошло.

Вика сидела в своей комнате за компьютером, когда услышала, как Даша, возившаяся с Русланом в зале, стала разговаривать с ним как-то странно, как со взрослым.

- Умный ты растешь, не по годам. «Мама» не говоришь, точно знаешь, что ее тут нет. Ну что свои умненькие глазки на меня тарачишь, кушать хочешь? А вот не дам тебе кушать, тогда кого звать будешь? Папу своего? Вот и зови, пусть он тебя кормит, любвеобильный твой папа. А когда вырастешь, как ты, интересно, меня называть будешь, тетей? Или, как брат твой, Дарьей Владимировной? – Голос матери показался Вике уже чересчур серьезным. Она невольно стала прислушиваться. – Ты же у нас по документам Соловьев, как мама твоя – птичка певчая.

Тут малыш закапризничал, и в голосе Даши появилась злость.

– Подрастешь и все узнаешь. Кто твоя мама была, узнаешь, кем я тебе прихожусь, узнаешь. Посмотрим тогда, какими глазами на меня смотреть будешь.

Тут Вика не вытерпела и зашла в зал.

- Мам, ты что, он же ни в чем не виноват, – с укором обратилась она к матери.

Руслан прекратил плакать и повернул голову в сторону вошедшей Вики. Его глаза излучали немой вопрос: что происходит? Было видно, что он не понимал, почему к нему изменилось отношение Даши.

Вика растерялась, увидев лицо матери, мокрое от слез. Это так контрастировало с тем голосом, который она слышала. Наступило секундное затишье, после которого Даша разревелась пуще прежнего.

Теперь было видно, что ей стало стыдно перед малышом, которому она выговаривала точно в чем-то провинившемуся взрослому человеку. Она взяла Руслана на руки, нежно прижала и принялась успокаивать:

- Не плачь, мой маленький. Я пошутила. Тетя дура, и шутки у нее дурацкие. Сейчас мы покушаем и сказку послушаем. Про твою маму сказку послушаем. Хочешь, Русланчик? Мама у тебя была хорошая, добрая. Она тебя хоть и не видела ни разу, но любила сильно-пресильно. Она бы все для тебя сделала, будь рядом с тобой сейчас. Но она улетела на небо. Ее Бог позвал, она и улетела. Потому что Богу никто не может перечить. А, улетая, мама попросила меня посмотреть за тобой. Ты уж меня прости, мой маленький, что я так на тебя напала. Я больше не буду.

Тут Даша поняла, что заликает ребенка слезами, поставила его в манеж и направилась к выходу за чистым платком.

- Пригляди за ним, – кинула она на ходу дочери. – Сейчас кормить буду. – И в этот момент малыш громко и отчетливо произнес:

- Мама, – он стоял, опершись телом о сетку манежа и тянул руки в направлении Даши.

- Мама, – еще раз позвал ребенок, уставившись глазенками на ее зареванное лицо.

Никогда больше она уже не жалела о том, что произошло.

Александр КАМЫШЕВ

ЗАПИСКИ КЛАДО- ИСКАТЕЛЯ

**Документальный
рассказ**

Первая находка

Заболел археологией я неожиданно для себя самого в конце семидесятых минувшего столетия. Тогда мне еще нравилась моя профессия геолога, и я работал по специальности в институте инженерных изысканий. Однажды нам поступило срочное задание провести обследование технического состояния Дома культуры в селе Ново-Покровка, сооруженного не так давно на руинах средневекового буддийского храма. К тому времени Дом культуры уже представлял жалкое зрелище: из-за неравномерной осадки фундамента бетонные полы прогнулись дугой, колонны покосились, а в стенах просматривались разломы и трещины, но очаг культуры продолжал функционировать, во всяком случае, открытым оставался краеведческий музей, основу которого составляли несколько бронзовых с позолотой буддийских статуэток и подборка средневековых монет, собранных на месте строительства клуба. Там-то я и познакомился с археологом Валентиной Дмитриевной Горячевой, которой Академия наук поручила вести надзор за земляными работами на археологических памятниках.

Статная деловая женщина лет под сорок сразу без лишних комментариев объяснила нам, кто в доме хозяин.

— Я специально назначила встречу в музее, чтобы вы имели представление, какие ценные древние находки могут вам встретиться. Это охраняемый государством памятник, и строите-

ли не имели никакого права сооружать на нем капитальное здание. Все ваши работы будут осуществляться под жестким археологическим контролем. При обнаружении захоронения или клада изыскания должны быть незамедлительно приостановлены, и дальнейшие раскопки следует проводить только в моем присутствии. Нарушение закона влечет за собой административную ответственность по статье вандализм, виновные будут наказаны по всей строгости существующего закона. Все находки подлежат строгой фиксации и обязательной сдачи в государственные органы.

Говорила это Валентина Дмитриевна строгим голосом, словно это мы виноваты, что какому-то недоумку пришла в голову мысль воздвигнуть здание на средневековом городище.

— Мне тут с вами постоянно находиться некогда, но предупреждаю, что буду навещать часто и контролировать все ваши действия, — предупредила она.

После такого инструктажа проходчики шурфов или как мы их называли «шурфологи» и буровики прониклись благородной идеей сохранения памятников. Я тоже стал уделять этому объекту повышенное внимание. При бурении скважин шнеки большого диаметра выносили на поверхность лишь мелкие кусочки керамики, зато возле шурфа, проходимого вручную, потихоньку росла гора из черепков разбитой в древности посуды. Вот только статуэток и монет, к сожалению, не встречалось. «Это потому, что «шурфологи» невнимательны или просто невезучие», — размышлял я, а поскольку верил в свою счастливую звезду, то предложил рабочим свои услуги горнопроходчика. Спустившись в шурф глубиной около пяти метров, я начал интенсивно углублять забой, но и мне попадались только мелкие обломки керамики. Когда я зачищал стенки шурфа, то зацепил лопатой ручку керамического кувшина. Клад!!! Я принялся ножом расчищать находку. В стене стали вырисовываться контуры большого сосуда по моим представлениям наполненного золотыми монетами. В предвкушении несметных сокровищ я осторожно освобождал боковину кувшина, растягивая сладостные мгновения из неизведанных ранее предчувствий открытия, но неожиданно находка отделилась от стенки. Оказалась, что это лишь фрагмент глиняной корчаги. Раздосадованный неудачей, я стал врезаться в стену,

пытаюсь отыскать, если уж не клад так хотя бы вторую половинку сосуда.

– Э, начальник, так дело не пойдет. Я думал, ты забой копаешь, а ты нам все стены расковырял, – возмутился старый проходчик, заметив мои левые раскопки. С неохотой я выбрался на поверхность и похвалился перед «шурфологами» своей находкой.

– Вот если бы он был с золотом или хотя бы был целый, – не разделили моего восторга рабочие.

Я положил свою находку в общую кучу извлеченных из шурфа артефактов, надеясь получить одобрение или даже благодарность от строгой научной дамы за столь весомую для науки археологическую находку.

Изыскательские работы растянулись до поздней осени, отработывались разные варианты спасения разваливающегося здания. Планировалось пробурить по контуру здания несколько десятков скважин большого диаметра на глубину залегания устойчивого материкового слоя, залить их бетоном и на эти столбы перераспределить нагрузку, приходящуюся на просевший фундамент. Затраты на спасение сооружения скоро превысили смету на строительство нового здания, и в конце концов клуб разрушили.

Однако это произошло гораздо позднее, а по завершению изыскательских работ Валентина Дмитриевна приехала на объект в элегантной полевой куртке и резиновых полусапожках. Проходчики шурфов разложили на земле для ее обозрения мозаику из керамических обломков различных по размерам, форме и цвету.

Валентина Дмитриевна внимательно осмотрела кучу, не нагибаясь, краем сапожка, перевернула несколько черепков.

– Типичная бытовая караханидская керамика, – сделала она свое заключение.

Меня захлестнула волна разочарования, мне представлялось, что собранная нами коллекция станет объектом более тщательного изучения:

– Посмотрите, какой большой фрагмент, – обратил я внимание археологини на свою находку.

– А что особенного вы в нем обнаружили?

– Вот видите, здесь нацарапан какой-то орнамент, а вот тут, на ручке четкие отпечатки пальцев древнего гончара. Если

провести их дактилоскопический анализ, то по этим отпечаткам можно определить всю посуду, которую он изготовил.

Валентина Дмитриевна посмотрела на меня с интересом.

– Пожалуй, я заберу этот фрагмент, найдется у вас, во что его завернуть? Если это вам любопытно, приезжайте на следующий год ко мне на раскопки. Таких обломков мы собираем тысячами, среди них вы сами сможете отыскать продукцию вашего гончара.

Сегодня я понимаю всю абсурдность моего «научного» предложения, но в тот вечер не было на земле человека счастливее меня. Я гордился своим весомым вкладом в изучение истории Кыргызстана.

Искушение

Полевой археологический сезон 1986 года подходил к концу, завершался и мой отпуск, который я, как обычно, проводил на раскопках Краснореченского городища, напросившись в экспедицию простым рабочим. В те незабываемые дни мы рассчитали средневековый замок, остатки которого и сейчас хорошо видны с 35 километра трассы Бишкек – Токмак. Сезон находками не баловал, хотя были подняты несколько отлично сохранившихся фрагментов разноцветной резной штукатурки, украшавшей парадную комнату, и исследованы прилегающие к стенам суфылежанки, которые подогревались за счет хитрой системы скрытых в них дымоходов. Я получал удовольствие от физических нагрузок и доброжелательных отношений, царящих в экспедиции, которых мне так не доставало по месту основной руководящей работы. Однако более всего мне нравились вечера, когда около небольшого костерка руководитель Краснореченского археологического отряда Валентина Дмитриевна Горячева читала нам импровизированные лекции по средневековой истории Киргизии и делилась впечатлениями от встреч с ведущими археологами. Чаще всего её воспоминания касались профессора Михаила Евгеньевича Массона, основателя археологической школы в Средней Азии. Именно он в двадцатых годах минувшего столетия осуществлял археологический надзор на этой огромной территории и заложил основы среднеазиатской нумизматики, читая авторский курс студентам Ташкентского университета, где училась Валентина Дмитриевна. Несколько раз Горячева повторяла

заповедь своего учителя, что настоящий археолог не может или даже ни имеет морального права быть коллекционером. Поскольку я собирал монеты с раннего детства, а последнее время увлекся археологией, этот запрет меня естественно волновал, и однажды я спросил Валентину Дмитриевну, почему существуют такие строгие ограничения?

— Это два несовместимых занятия: коллекционер никогда не устоит перед искушением положить понравившуюся ему находку в собственную коллекцию.

— Мне кажется, это зависит от честности человека, а не от его увлеченности, — возражал я. По-вашему получается, будто коллекционер — это потенциальный преступник, а если человек ничего не собирает, значит, он надежный и ему можно доверять.

— Выходит, так. Я не могу ручаться за всех своих коллег, но знаю одного ученого-нумизмата, которого обязали сдать коллекцию монет государству не потому, что он был замечен в неблагоприятных поступках, а просто хранители музеев, узнав о его хобби, стали сомневаться, что ему всегда удавалось избегать искушения. Человек слаб, а археолог, как и жена Цезаря, должен быть вне подозрений.

Возражать я не стал, оставшись при своем мнении, но очень скоро на собственном опыте убедился в мудрости этого правила.

— Смотрите, какой великолепный может получиться снимок, — неожиданно воскликнула Валентина Дмитриевна возможно лишь затем, чтобы сменить щекотливую тему.

Оторвавшись от своих вечерних занятий, археологи и рабочие полевого лагеря повернули головы в сторону указанного ей направления. Там на гребне крепостной стены, на фоне уходящего за горизонт солнца, гарцевали всадники. Один из них, словно зная, что находится в створе между светилом и восторженными зрителями, поднял своего коня на дыбы. Но фотоаппараты мы достать не успели, солнце скрылось, а местные мальчишки подскочили к нашему лагерю. Поздоровавшись со всеми за руку, ребята подошли к столу, где раскладывались дневные находки, в основном обломки керамической посуды.

— А что, вы и черепки собираете? — спросил старший, бесцеремонно двигая только что склеенное блюдо. — Около нашей конюшни их прямо целая куча. Хотите, привезем?

— Когда вы их видели? — поинтересовалась Горячева.

— Да весной, когда ферму расширяли. Бульдозер нагреб. Там и костей навалом.

— Опять наус разрушили! Под суд надо отдавать таких председателей колхозов, только где найти на них управу? Вандализм! Археологический памятник мирового значения веками сохранился нетронутым, а они варварски его уничтожают. Да что тут говорить, — Валентина Дмитриевна махнула рукой и поднялась в свой вагончик, где до позднего вечера стучала пишущая машинка, выплескивая на бумагу боль и обиду за беззащитность Навеката — богатейшего города на трассе Великого Шелкового пути.

На следующее утро несколько участников археологического отряда направились на конюшню. Картина, открывшаяся нашему взору, подвергла Валентину Дмитриевну в еще большее уныние. Бульдозер снес часть невысокого холма, протянувшегося замысловатой змейкой метров на тридцать. В его разрезе хорошо проглядывалась кладка из сырцового кирпича, образующая несколько сводов. Это и был наус — погребальное сооружение огнепоклонников зороастрийцев, чем-то напоминающее привокзальные автоматические камеры хранения с множеством ячеек в два, а кое-где в три яруса. В погребальные склепы вели узкие лазы, а сами они, в объеме чуть больше кубического метра, были заполнены человеческими останками.

Основная часть населения Навеката, прибывшая в раннем Средневековье из Самаркандского и Бухарского Согда, поклонялись Зороастру (или в другой более привычной транскрипции Заратуштре), проповедавшему свои учения еще в эпоху бронзы. Зороастрийцы ревностно относились к чистоте огня, воды и земли. Чтобы не осквернять пламя, покойников они не сжигали, как это делали древние славяне, не закапывали в землю, а выносили на открытое место, на пожирание птицам и зверям. После того, как кости очищались на ветру и под лучами солнца, их собирали и складывали в наусы, иногда в специальных керамических сосудах больших размеров — хумах или оссуариях. К не-

счастью, нож бульдозера прошелся как раз по этим камерам, вскрывая древние могилы и круша керамические костехранилища.

На нижнем ярусе сохранились несколько склепов с полуобвалившимися сводами. Решено было их исследовать с целью восстановления местных особенностей древнего погребального обряда, пережитки которого наблюдались в этих краях вплоть до недавнего времени. Расчистка одной из камер досталась мне. Я так усердно ковырял неподатливый грунт ножом рядом с обнаруженным черепом, что не сразу обратил внимание на шарик с косяным блеском. Зуб – возникла первая догадка, но, разминая глину, с замиранием сердца осознал, что нашел то, что безрезультатно искал несколько полевых сезонов. Передо мной лежала раковина каури, используемая в древности и как украшение, и в качестве примитивных денег.

Здесь необходимо пояснить, почему раковина каури явилась для меня столь желанной находкой. Тема моей нумизматической коллекции называлась «Фауна на монетах мира», в неё я старательно складывал денежные знаки с изображениями животных с античных времен до наших дней. Имелись у меня и две современные монеты, воспроизводящие раковины каури: разменная алюминька Республики Гвинея достоинством 50 каури и денежная единица Ганы – седи, что в переводе с местного наречия означает «раковина». Однако со временем меня больше, чем сами монеты, стало интересовать происхождение монетных типов. Другими словами я увлекся сбором сведений, почему то или иное животное удостоилось чести быть изображенным на монете. Это один из наиболее сложных и интересных вопросов современной нумизматики, и для каждого конкретного случая необходимо отыскивать индивидуальную причину. Среди многочисленных теорий мне импонировала коммерческая версии: коль скоро металлические монеты пришли на смену примитивных денег, то на них помещали изображения предшественников. В качестве примера можно привести изображение быка на ранних римских ассах, когда популярной мерой стоимости еще служил крупный рогатый скот, и черепахи на первых монетах острова Эгины, щиты из панциря которой являлись основным предметом вывозной торговли.

На мой восторженный крик «Эврика» сбежалась вся группа, но поначалу большого интереса находка ни у кого не вызвала.

– Неплохой экземпляр, хотя такие бусинки довольно часто встречаются на этом городище. А где она находилась? – спросила Валентина Дмитриевна.

– Рядом с черепом.

– Это может быть «обол Харона». По аналогии с древнегреческим обычаем, когда в рот умершего клалась монетка для уплаты Харону за переправу через подземную реку Стикс. Правда, я не встречала заимствование этого обычая зороастрийцами. Надо порыться в археологических отчетах наших узбекских и таджикских коллег, если такие находки отмечены и ранее, то можно сделать интересное заключение о сохранении согдийцами древнегреческих традиций.

– Разве это главное, – обиделся я за столь скромную оценку своей находки. – Раковины каури сыграли самую важную роль в экономической истории человечества. С античных времен до начала XX века эти сотворенные природой фарфоровые бусинки служили своеобразной валютой. Их собирали, в основном, на отшельях Мальдивских островов в Индийском океане, и уже оттуда они распространялись по Азии, Африке и Европе.

Интерес к «древней валюте» сразу возрос, и моя находка стала переходить из рук в руки, а я, вдохновленный вниманием окружавших меня членов экспедиции, продолжал рассказывать все, что когда-то читал о брюхоногом моллюске.

– Первыми каури в качестве примитивных денег начали использовать китайцы. При раскопках древнейших китайских поселений эти раковины находят в больших количествах. Есть находки каменных и бронзовых имитаций каури. Оставила раковина след и в китайской письменности. Стилизованное изображение раковины каури – иероглиф «бэй» – входит составной частью в иероглифы, означающие понятие, связанное с деньгами – «цена», «дешевый», «покупатель». Находки раковины каури античных времен сделаны археологами в Северной Германии и в Прибалтике. В средневековых погребальных комплексах Новгородской и Псковской земли каури встречены даже в виде кладов. Однако наибольшее распространение раковины каури име-

ли в Западной Африке, где они находились в обращении даже в начале двадцатого века.

Сам того не желая, я превознес значение своей находки на уровень мировой сенсации. Раковину аккуратно поместили в спичечный коробок, предварительно натолкав в него ватку, и торжественно понесли в лагерь.

Настоящий коллекционер поймет вдруг нахлынувшее на меня неумное желание положить в подборку монет с изображениями каури их древний прототип. Как бы хорошо они смотрелись рядом! Ах, если бы не мой длинный язык! Как рядовую находку, тем более часто встречающуюся при раскопках, раковину можно было попытаться выпросить у начальника отряда. Конечно, не факт, что Валентина Дмитриевна согласится отдать её мне, тем не менее, такая возможность не исключалась. Теперь после моей восторженной речи раковина стала чуть ли не эпохальным открытием, и мои шансы заполучить каури стремились к нулю. Умом я понимал, что если я даже выклянчу у Валентины Дмитриевны каури, то навсегда потеряю её уважение и, возможно, больше никогда не получу приглашение участвовать в археологических раскопках, а клеймо коллекционера не заслуживающего доверия будет сопровождать всю мою жизнь. Вот такая чрезмерная цена назначалась за маленькую бусинку. Весь вечер я терзался сомнениями, но подойти к Валентине Дмитриевне со своей просьбой так и не решился. Оставалось признать, что действительно человек слаб, и мудрые ограничения предохраняют его от излишних соблазнов.

Раковина сгорела вместе с другими археологическими находками в экспедиционном домике при пожаре в следующем полевом сезоне, но это уже другая история.

Ключ к кладу

Клад я нашел, когда почти стемнело. Полевой сезон на Краснореченском городище подходил к концу, предстояло лишь законсервировать раскоп на цитадели. Прежде чем снова присыпать грунтом зачищенные и отснятые на план строения, начальник археологической экспедиции Горячева Валентина Дмитриевна пригласила меня обследовать памятник средневековья с по-

мощью металлоискателя. С Валентиной Дмитриевной я познакомился тридцать лет назад, когда в молодости, как помнит читатель, увлекшись археологией, принимал участия в раскопках Краснореченского и Буранинского городищ. Археологом я так и не стал, но как-то по случаю, находясь в Америке, приобрел профессиональный металлоискатель и иногда по выходным выезжал на поля и в ущелья собирать артефакты, которые в огромном количестве остались от бурной многовековой жизнедеятельности в нашем благодатном краю. Пару часов я пролазил по раскопу, тщательно прозванивая прибором полы и стены, но безрезультатно. Если не считать бронзового обломка поясной бляшки, находок не было. Валентина Дмитриевна со студентами-практикантами засобирались в город, а я остался, чтобы часок-другой побродить по окрестным полям.

Первый достойный внимания писк прибор издал как бы нехотя. Пришлось кружиться вокруг этого места, пока новый более четкий сигнал не подтвердил, что где-то на небольшой глубине покоится кусочек бронзы. С замиранием сердца я откопал медно-свинцовый караханидский дирхем середины XI века. Изготовлен он был весьма небрежно, да и время напаложило на него свой отпечаток, покрыв денежный знак толстым слоем окислов. Держава династии Караханидов во времена рассвета простирала границы от Кашгара до Бухары. В начале своего существования она выпускала высокопробные золотые динары и серебряные дирхемы, но междоусобные раздоры и сопутствующая им инфляция привели к порче монет, когда серебро лишь тонкой пленкой покрывало медно-свинцовое ядро. Дальше дела с чеканкой дирхемов пошли еще хуже. Серебра в монетах уже не было, а вот тираж их возрос многократно. Так как обесцененные дирхемы не вызывали доверие у населения, то их припрятавали до лучших времен. Таких кладов в Кыргызстане найдено более десятка. Научная ценность этих монет невелика, поскольку неустойчивый сплав за тысячелетия успел разложиться, и прочитать на них надписи не представлялось возможным. Хорошей сохранности монеты с читаемой легендой встречаются крайне редко. Не вызывают интереса эти кусочки металла с неровными краями и у коллекционеров.

Следующий дирхем оказался в метре от первого, а потом словно прорвало, прибор чирикал при каждом взмахе. Я копал, не переставая, не замечая течения времени, и скоро карман приятно оттягивали несколько горстей средневековых дирхемов. В минуту передышки я выпрямился, чтобы расслабить уставшую спину. Пашня, изрытая мелкими ямками, предстала перед моим взглядом в виде плантации семейства огромных кротов. По форме этот полигон напоминал равнобедренный треугольник. Неожиданно меня осенило, если при пахоте плуг разнес клад, то его ядро должно находиться на одной из вершин. Я сосредоточил поиски в районе, где частота лунок была максимальной. И действительно металлоискатель вдруг протяжно замычал, указывая на большое скопление цветного металла. Лопата на глубине тридцати сантиметров зачерпнула с полсотни металлических кружков, но разобрать, что это за монеты было невозможно. Солнце давно ушло за горизонт, и сумерки становились все гуще. Склонившись над ямкой, я нащупал края внушительного размера сосуда, горловина которого вместе с частью монет была снесена при вспашке. Присыпав ямку и свернув прибор, я отправился на трассу ловить попутку до города.

Поздно вечером я позвонил Валентине Дмитриевне и, рассказав о найденном кладе, предупредил, что не смогу ей помочь в его извлечении, так как на утро у меня назначена важная встреча.

— Хорошо, я приглашу практикантов, чтобы они его откопали. Ты его просмотрел? Там только медно-свинцовые дирхемы или есть что-нибудь из вещей? — поинтересовалась начальник экспедиции.

— Нет, не успел, уже стемнело.

— На дне кувшина могут быть серебряные дирхемы. Помнишь случай, когда Мэлис Оморов откопал на городище в Кара-Балта крупный сосуд с дирхемами. В том кладе фамильные сбережения накапливались не одно десятилетие. В нижней части горшка лежали полновесные дирхемы из чистого серебра, над ними посеребренные, а сверху медно-свинцовые. Получился такой слоеный пирог из караханидских монет, собранных во время развития серебряного кризиса.

Я еще раз заверил Валентину Дмитриевну, что, к сожалению, не успел проверить состав клада и повесил трубку.

Ночью мне не спалось. Ну, почему я не просмотрел содержимое горшка? Возможно, и в моем кладе тоже хранились серебряные или даже золотые монеты. Судьба преподнесла мне царский подарок, а я так бездарно им распорядился, не удосужившись посмотреть содержимое. Поступил как строптивая барышня, отшвырнувшая презент, не пожелав развернуть обертку. Сразу полезли липкие мысли о полагающемся вознаграждении за найденный клад, если в нем хранились изделия из драгоценных металлов. А что если утром кто-нибудь откопает его? Изрытый участок виден издалека, да и ямка с кладом лишь слегка присыпана. Пока Валентина Дмитриевна будет собирать своих студентов, пока найдет транспорт, какой-нибудь пастух выроет сокровища и ищи потом ветра в поле...

Одним словом, ранним утром я снова был на городище. Археологов я дожидаться не стал, а, опустившись на четвереньки, принялся пригоршнями доставать монеты из кувшина, ссыпая их на свою штормовку, которую расстелил рядом с ямой. Я торопился, опасаясь быть застигнутым на «месте преступления». Действительно, для случайного прохожего картина представлялась весьма подозрительной. Посреди огромного поля в семь часов утра какой-то мужик копает яму. Но к счастью никто не подошел, и я выгреб все содержимое горшка. Куча медно-свинцовых дирхемов была довольно внушительной — около двух ведер. Чтобы не терять время на перекладывание я подтащил штормовку с монетами к краю ямы и ссыпал их обратно в кувшин. Заровняв яму и воткнув палку — ориентир для археологов, я поспешил на трассу, где, остановив раннюю маршрутку, поехал на работу. Мне было стыдно за свое неумное любопытство и меркантильные мыслишки о вознаграждении.

День, начавшийся так неудачно, не заладилась и далее. Важная встреча, запланированная на утро, сорвалась. Уезжая спозаранку из дома, я, видимо, забыл взять ключ от сейфа. А тут, как назло, пришло несколько комитентов получить деньги за реализованный товар.

К вечеру на работу позвонила Горячева.

— Срочно приезжай в университет, мы там такое нашли! Ахнешь!

— Что именно? — заволновался я.

– Приедешь, узнаешь, – загадочным голосом произнесла Валентина Дмитриевна и связь прервалась.

Неужели утром в спешке я не заметил среди медно-свинцовых монет золотые динары? – мучился я в догадках, пока на такси добирался до университета.

Валентина Дмитриевна сидела одна в комнате, отведенной под археологический музей.

– Ну, Александр, и задал ты нам задачу. Там этих монет оказалось около четырех тысяч, а я поехала с тремя студентками. Пока выкопали эту корчагу все руки измозолили. Клад, конечно, рядовой для караханидского времени, но я уже нашла в нем несколько монет отличной сохранности, думаю, что арабисты-нумизматы помогут нам с их атрибуцией.

– А что еще обнаружили? – нетерпеливо спросил я.

– Да, на самом дне кувшина мы нашли довольно странный предмет. Девочки мои прямо обалдели, стали строить версии одна нелепей другой. Как могла эта вещь так хорошо сохраниться за тысячу лет, и как она походит на свои современные аналоги. Признаться, поначалу я тоже была удивлена и огорошена, а потом догадалась о природе её происхождения. .. Это твой?

Валентина Дмитриевна протянула ключ от моего сейфа.

Удача новичка

Этот клад я искал в течение семи лет, а его нашел мой хороший знакомый коллекционер Алик Бакеевич, впервые взявший в руки металлоискатель. Одно время высокопоставленный чиновник, а сейчас начинающий пенсионер он немного стеснялся своей юношеской страсти к поискам и открытиям. Однако, наслушавшись моих баек о приключениях и находках, не удержался и заказал за рубежом металлоискатель последней модели. Помочь Алику Бакеевичу освоить навыки кладоискательства вызвался наш общий друг Андрей, не имеющий на то время своего металлодетектора, но обладающий в этом деле небольшим опытом. Для испытания прибора мы отправились на Акбешимское городище, а точнее на окрестные поля вокруг него. Наша команда поисковиков строго придерживается правила – на городища, охраняемые государством, с металлоискателями не заходить.

Андрея всю дорогу интересовала только одна проблема: как будем делить найденные сокровища, поровну или по справедливости? В конце концов, решили: все находки из золота забирает Алик Бакеевич, серебро достается Андрею, а мне оставалось довольствоваться изделиями из бронзы. Для меня это был беспроеигрышный вариант, поскольку серебро и золото на наших городищах отыскивается крайне редко. Район Акбешимского городища был выбран не случайно, в средневековье на этом месте располагался город Суяб – столица трех тюркских каганатов, где-то здесь же находился и первый в Семиречье монетный двор.

История возникновения денежного обращения в Семиречье была темой моей кандидатской диссертации. Литые бронзовые монеты, появившиеся во времена правления Тюркешского каганата в начале VIII века, известны трех размеров, но надпись, или, выражаясь на языке нумизматов, легенда, на них была идентичной. На монетах не проставлялся год выпуска, что давало ученым почву для жарких дискуссий об их датировке. Обработав более двух тысяч раннесредневековых монет, я составил новую хронологию их выпуска, в основе которой лежала инфляционная теория. Другими словами, я использовал устоявшуюся в веках закономерность, что со временем деньги дешевеют, и соответственно монеты уменьшаются в размере и весе, или изготавливаются из менее ценных сплавов. Это правило исправно работает, начиная с античных времен и до наших дней. Вот я и доказывал, что сначала выпускались крупные тяжелые монеты, потом облегченные и к концу VIII века – совсем уже легковесные. Мои оппоненты придерживались других взглядов, полагая, что монеты разных размеров выпускались одновременно уже на первой стадии денежного обращения, то есть в начале VIII века, и представляли собой дробные части основного номинала. Спорить, кто прав, а кто искренне заблуждается, можно было до бесконечности, отыскивая слабые стороны в рассуждениях противников. Единственное, что могло поставить жирную точку в этих спорах – это клад, где крупные или, наоборот, мелкие монеты находились бы вместе с каким-нибудь хорошо датированным предметом. Вот такой клад я и искал целых семь лет. Естественно, что меня тянуло на Акбешимское городище – быв-

ший торговый центр, где вероятность найти такой клад была наивысшей.

Оставив машину около стенда, извещавшего, что въезд на территорию городища строго воспрещен, мы стали барражировать по свободным от посевов полям, не теряя из вида друг друга. Примерно каждый час мы как по команде сходились похвалиться находками и снова расходились в разные стороны. Поначалу Алику Бакеевичу, работавшему в паре с Андреем, особо хвалиться было нечем. Переодевшись в соответствующий сезону камуфляж, он выглядел профессиональным кладоискателем, но, как все новички, отслеживал любые самые бесперспективные сигналы прибора, азартно выдалбливая лунки в пересохшем грунте и выкапывая обрывки фольги из-под сигарет и железные гвоздики. В отличие от Бакеевича, я нашел пяток тюркешских монет и несколько самых распространенных монет «Кай юань тун бао». Эти китайские цяни выпускались на протяжении почти трехсот лет и послужили прототипом «тюркешек».

– Прибор Алика Бакеевича надо перенастраивать, – оправдывал свою неудачу Андрей, – у него чувствительность очень высокая, и потому он реагирует на любую дробинку.

После обеда Андрей присоединился ко мне, а Алик Бакеевич отправился со своим прибором в самостоятельный поиск. Я увидел, как он вышел на восточный склон крепостной стены.

– Табу нарушаете, Алик Бакеевич, – замахал я ему.

– Я же внутрь не лезу, тут с краюшку пройду, – крикнул он мне в ответ.

А минут через десять он сам начал махать нам рукой, что могло означать неординарную находку. И, действительно, в руках Алик Бакеевич держал 4 мелкие слипшиеся монеты. Диаметр их был шесть-семь миллиметров, а в центре находилось квадратное отверстие. Вес каждой из монеты не превышал десятой доли грамма. Это была крайняя степень инфляции, мельче и дешевле монеты сделать было уже невозможно. Однажды я публиковал такие монеты и даже пытался внести их в книгу рекордов Гиннеса, как самые дешевые монеты во все времена существования металлических денег. Отыскать такие крохи мог только суперудачливый человек или высокочувствительный прибор Алика Бакеевича.

– Если монеты слиплись, где-то поблизости должен быть клад, – уверенно заявил я.

Действительно, чуть выше сигнал повторился, но сейчас он зацепил сразу несколько мелких тюркешских монет. Сердце мое билось все чаще. Монеты залегали на небольшой глубине, на площади около двух квадратных метров. Глубже и за пределами этой площади монет найти не удалось. Визуально мелкие монеты в грунте обнаружить было невозможно, даже когда они находилась на ладони. Если прибор показывал на их наличие, нам приходилось перетирать все мелкие комочки. Наша команда, склонившись вокруг ямки, просеивала сквозь пальцы извлеченный грунт, вновь проверяя его прибором. Весь клад уместился в ладони, хотя было собрано более пятидесяти мелких и средних «тюркешей» и с десяток крохотных монет без легенд. Поколдовали мы над ямкой почти до заката и возвращались домой, когда уже темнело.

– В следующий раз бронзу выбираю я, – начал разговор Андрей.

– Ну, что молчишь, доцент, – обратился ко мне Алик Бакеевич, – доволен? Небось, обдумываешь сенсационную статью про сегодняшний клад.

– По большому счету, этот клад не дает ничего нового, только подтверждает, что монеты находились в обращении все вместе, причем во времена денежного кризиса, но остается нерешенным главный вопрос – когда? Я уверен, что это происходило в конце VIII века. Только как это доказать? Вот если бы в кладе нашлась китайская монета с точно установленной датой выпуска. Тогда можно было бы говорить о научном открытии.

– Постой, а ведь была же какая-то китайская монета, я её первой нашел еще до того, как вас позвал, а потом на этом же месте поднял и слипшиеся.

– Не видал я среди монет китайской.

– Она, наверно, осталась у меня в камуфляже, – Бакеевич остановил свой джип и пошел проверять многочисленные карманы маскировочных брюк, но монеты там не было. Не отыскалась она и среди других находок.

– Я точно помню, была китайская монета, – продолжал Бакеевич. – Я тогда удивился, какая она необычная, такой ран-

ше мне не попадалась, и еще подумал: как бы не потерять. И вот, гляди, какая незадача...

– А Вы не запомнили, начертание иероглифов, – включился в наш диалог Андрей.

– Иероглифы как иероглифы. Да и грязная она была, не разберешь.

Мое настроение упало до нуля. Я был в трауре.

– Не беспокойся, найдется она, если я её там потерял, в следующее воскресенье обшарим все вокруг приборами и отыщем.

Алик Бакеевич подвез меня до самого дома. Мы прощались, когда у Бакеевича зазвонила сотка. Вынув телефон из футлярчика, он стал разговаривать с каким-то недогадливым собеседником: некоторые фразы повторялись многократно, и разговор, судя по всему, предстоял долгий. С благодарностью пожав напоследок Бакеевичу руку, я пошел к подъезду.

– Саша, стой! – окликнул меня Алик Бакеевич. – Вот она! Я вспомнил: тогда тоже звонил телефон, я машинально, чтобы не потерять монетку, сунул её в чехол от сотки.

Я снова протянул ему руку, и он вытряхнул мне на ладонь китайскую монету. Это была *Цзянь чжун тун бао* 780 года выпуска.

Казна Якуб-бека

Если бы клиент приехал на троллейбусе, возможно бы я отнесся к его словам скептически, но он подкатил к нашему офису на «Лексусе». Мы невольно подмечаем все подъезжающие иномарки через большие окна, выходящие на автостоянку, хотя обычно ею пользуются покупатели двух крутых бутиков, находящихся по соседству. Но этот респектабельный восточного типа сорокалетний мужчина позвонил в нашу дверь.

– Мне Вас порекомендовал один уважаемый человек. Просьба у нас сугубо конфиденциальная. Меня зовут меня Рахим, я бизнесмен, – коротко, по-деловому представился он.

Я отправил супругу приготовить кофе, чтобы не смущать клиента лишним свидетелем, и, кивнув ему на кресло, присел напротив.

– Хотелось бы узнать стоимость старинных золотых китайских монет, – продолжил он.

– Нет проблем, они с вами? Давайте посмотрим!

– Поймите меня правильно, это не только моя тайна, монет у меня с собой нет и разговор пока предварительный, я просто хочу узнать, сколько они примерно будут стоить?

– В таком случае я вряд ли смогу вам помочь. Ведь каждая монета оценивается индивидуально в зависимости от редкости, сохранности и спроса. К тому же, насколько мне помнится, Китай золото в денежном обращении не использовал, – терпеливо объяснял я, хотя интерес к клиенту уже стал пропадать.

– А если там золотые тилло или тилля? Не знаю как правильно, – неожиданно прервал меня Рахим.

– Там... это где? – Я вновь был заинтригован.

– Ладно, только это между нами, мы нашли клад и хотели проконсультроваться, как нам с ним быть: сколько мы получим, если, к примеру, сдадим его государству?

– И сколько вы получите, если его не сдадите, – попытался скаламбурить я, но клиент шутку не оценил. Я стал подробно цитировать гражданский кодекс: всеклады, относящиеся к памятникам истории и культуры, подлежат обязательной сдаче государству, а находчик получает половину от его стоимости. Вот только есть маленькая недоработка в этом положении. Как оценивать клад? Обычно его забирают музеи по цене лома драгоценного металла, хотя коллекционная стоимость монет порой на порядок выше. – И много там монет?

– Более тысячи. А если их продавать коллекционерам? – не унимался клиент.

– Бишкек город маленький, такую партию монет наши нумизматы не осилят, для нас продажа и десятка золотых монет эпохальное событие, – пояснил я.

– Как раз со сбытом у нас проблем нет, мы уже договорились с шейхом из Арабских Эмиратов, он заберет все оптом, к тому же у него дипломатический паспорт. Мы только хотели проконсультроваться, чтобы не продешевить.

Мне стало обидно, как малышу, которому показали красивую игрушку и тут же спрятали её в дальний ящик. Ясно, как Божий день, что найденный клад бесследно канет в Лету, но я всё же поинтересовался просто ради праздного любопытства. – Где и как находят такие сокровища?

Клиент словно ждал этого вопроса, отхлебнув кофе, принесенного моей супругой, начал вдохновенно рассказывать:

Мои предки жили в Кашгаре и состояли в близком родстве со знаменитым Якуб–беком. Вам, наверно, известно, что это он с помощью кокандцев основал уйгурское государство Джеты–шаар, что переводится как Семиградье. В состав этого государства входила почти вся территория современного Синьцзяна. Дед мой рассказывал, что наш предок называл себя Бадаулетом – «Счастливым», и был хитрым, жадным и, естественно, очень богатым. Присоединяя к своим владениям дунганские города, он их грабил без стеснения, отбирал земли, называя их казенными, а затем по несколько раз перепродавал тем же хозяевам. После смерти Якуб–бека в его государстве началась свара между претендентами на престол. Кокандские солдаты покинули Кашгар, и, воспользовавшись этим, Китай в 1878 году захватил и уничтожил Джеты–шаар. Один из сыновей Якуб–бека со своими приближенными, прихватив казну в 30 тысяч тиллей, ускользнул в Киргизию. Беженцы обзавелись хозяйством и довольно долго проживали в поселке «N». (Рахим сообщил название, но я его по причинам, которые станут понятны в дальнейшем, не привожу). Еще до Октябрьской Революции кто-то из местных прознал о золоте и подговорил сельчан перебить чужаков, а золото поделить. Однако родственников предупредили или они сами почувствовали опасность. Спешно зарыв остатки казны, верхушка нашего рода вновь перебралась в Синьцзян. Более ста лет тайна клада передавалась от отца к сыну. В советское время приехать за сокровищами никто не решился, а вот сейчас мой далекий родственник, потомок тех переселенцев, прибыл с точной схемой...

– Вы так сразу бы и сказали, что это монеты Якуб–бека! Их можно назвать китайскими с большой натяжкой, – достав американский нумизматический каталог, я зачитал следующие данные: золотые тилло выпускались в последние четыре года правления Якуб–бека и оцениваются примерно по тысяче долларов за штуку. Считайте сами, по скромным прикидкам ценность клада, переведенная в долларовый эквивалент, превышает миллион. Так что Вашему шейху придется раскошелиться. В любом случае, мне надо их посмотреть, – начал повторяться я, лелея

слабую надежду сделать описание клада и опубликовать случайно найденные сокровища.

– А что на них смотреть? Все они вроде бы одинаковые.

– Если Вы принесете монеты, их можно оценить точнее, и, скорее всего, дороже, – повторил я еще раз, но уже безо всякой надежды. Договорились мы встретиться через неделю.

Прошла неделя, другая, месяц, а клиент не появлялся. Я честно хранил доверенную мне тайну, находясь под впечатлением сведений о гигантском кладе. Мой ум будоражили безумные фантазии, как можно потратить такую уйму денег. Везет же некоторым, ведь в этом поселке неоднократно с металлоискателем бывал и я, и несколько раз находил на его окраине мелкие кашгарские серебряные мискали этого периода. Тогда я еще удивлялся, как они сюда попали. Теперь всё стало на свои места.

Наша вторая встреча с Рахимом произошла совершенно неожиданно. Один мой знакомый нашел в рекламной газете информацию о продаже глубинного металлоискателя, а поскольку сам он с этой техникой не знаком, то попросил меня проверить прибор в действии. К моему удивлению он привез меня в поселок N. Но еще больше я изумился, когда на пороге солидного особняка нас встретил мой таинственный клиент. Увидев меня, он немного смутился.

– Вот продаю свою технику, пока «крыша» не поехала. Всё лето угробил на поиски клада, денег выкинул немерено, выкупил участок, на который мне указал мой родственник из Кашгара, весь его перерыл, а результат нулевой.

Остается надеяться, что хотя бы легенда о казне Якуб–бека не является вымыслом, и она все еще хранится в окрестностях поселка.

Золото Манаса

В конце дня мне позвонила из Министерства культуры заведующая сектором историко–культурного наследия Барахан Карымшакова:

– Я включила Вас в комиссию по оценке сокровищ из горы рядом с гумбезом Манас, в Таласской долине. Сегодня вечером в «Белом доме» состоится экстренное совещание, а завтра утром мы должны выехать на место.

То, что я услышал в кабинете руководителя службы по связям с общественностью администрации президента Кыргызской Республики, разум отказывался воспринимать серьезно. Расхитительница гробниц Лара Крофт, со своими неуёмными фантазиями, просто отдыхала. Все переплелось в пространный речи бело-домовского работника — и сокровища египетских пирамид, и тайная комната Манаса с многотомной библиотекой, и загадочные лабиринты гуннов, открывающиеся раз в тысячелетие, и то лишь избранным людям. К счастью, — сообщил чиновник, — такие люди нашлись. Грузинские ученые, представители Мировой духовной академии эпохи Водолея, вызвались извлечь сокровища и безвозмездно помочь кыргызскому народу оплатить наши многомиллионные долги. Именно сейчас они ведут раскопки на священной горе Кароол–Дебе на территории Национального комплекса «Манас–Ордо».

Часть приглашенных слушали эту ахинею, опустив голову, другие, в том числе и Барахан, задавали вопросы, серьезно воспринимая свое участие в этом театре абсурда. Мне же терять было нечего, и я скептически выразил свои сомнения в наличии там каких-либо сокровищ. Я рассказал, что неоднократно поднимался на эту гору, и хорошо помню, что весь массив представляет сланцевый останец, и пустот там не может быть даже теоретически.

— Лабиринты и залы в горе есть, — не слушая моих доводов, продолжал чиновник, подготовив сенсационное сообщение напоследок. — Я сам разговаривал со строителем, который однажды сильно ударил ломом на вершине горы, и его инструмент сорвался в пустоту, но это так, к слову. Главное то, что мне сегодня позвонили из Таласа и сообщили, — он сделал театральную паузу и торжественно произнес: — Найден вход в лабиринт! Все раскопки естественно приостановлены согласно предварительной договоренности с грузинскими археологами. Решено направить комиссию специалистов, которые должны войти вместе с ними в сокровищницу, все там осмотреть и описать, но надо быть очень осторожными, внутри возможны разнообразные ловушки, в том числе и бактериальные, я предлагаю включить в комиссию и врача.

— Психотерапевта, — не удержался я.

— Нет, — не понял моей иронии чиновник, — вирусолога, и еще надо включить в комиссию толкового юриста, знающего международное право, иначе грузины могут потребовать от нас несоразмерный процент за свои услуги.

Транспорт для комиссии по извлечению многомиллионных сокровищ не предоставили, и мы отправились в Талас на маршрутном такси. Должен признаться встретили нас на высоком уровне, разместили в гостинице, накормили, и мы в тот же вечер устремились к заветной цели — к входу в сокровищницу.

На северном склоне Кароол–Дебе зияла внушительных размеров траншея, пройденная в естественных суглинистых грунтах и вскрывшая вертикально залегающие сланцевые породы. Сланец оттого и получил свое название, что отслаивается небольшими пластинками. В зоне коры выветривания он легко разбирался вручную, и рабочие выбрали нишу в рост человека, которая и представлялась как вход в таинственный лабиринт. Выработку прикрывал целый взвод крепких парней, что было вполне логичным: несметные сокровища требовали достойной охраны. Интеллигентного вида грузин, представившийся Виссарионом Хвинтелиани, начал повторять тот же бред, который мы уже слышали, о том, что его другу академику Рони Гогисванидзе всевышний разум указал, что именно здесь сокрыты бриллиантовые деревья с бирюзовыми листьями и бриллиантовая змея, охраняющая 4000 тонн золота.

Члены комиссии безропотно выслушивали откровения, которые снизошли на руководителя экспедиции из созвездия Водолея.

Мне стало скучно.

— Мы зря теряем время, нет там никаких тоннелей, надо сворачивать эти раскопки и разъезжаться по домам, — прервал я его.

— Почему знаешь, что там нет ничего? — насторожился Виссарион.

— Вы по профессии археолог? — вместо ответа спросил я его.

— Нет, я доктор экономических наук.

— А я горный инженер с восемнадцатилетним стажем, а еще кандидат исторических наук, и уже много лет занимаюсь археологией, — обрушил я на него свой послужной список. —

Во-первых, это гора естественного, а не искусственного происхождения; во вторых, как специалист я заявляю, карстовых полостей в сланцах нет и быть не может, а долбить пустоты внутри этого монолита ни в античные, ни в средние века дураков не было.

— Не спеши, зачем ты такой горячий, нас от тоннеля отделяет метр или два. Мы их пройдем за пару дней и обязательно найдем клад, тогда тебе будет ужасно стыдно. Я даже могу поспорить на ящик грузинского коньяка, вход мы завтра откроем.

— Я не пью,— отказался я от заманчивого предложения. — Поймите, мне искренне жаль и потраченные впустую средства, и время, и, главное, ваши надежды на обогащение несколько поколений кыргызстанцев. Поверьте мне, я сам увлекаюсь поисками кладов.

— Так бы сразу и сказал, хочешь нас спровадить и выкопать всё сам.

Дальше спорить было бесполезно.

Заключение нашей комиссии не было однозначным, одни написали, что верят в чудо и предлагали продолжить раскопки, другие, в том числе и я, были категорически против. Председатель комиссии Барахан благоразумно воздержалась высказывать свое мнение. И все же на основании этого заключения и после громкого скандала с участием правозащитников и молодежной организации, вставшей на защиту священной горы от посягательства иностранцев, было издано распоряжение премьера о запрете раскопок.

Через год мне довелось снова побывать на комплексе «Манас—Ордо». Подойдя к уже ни кем не охраняемой яме, и с удивлением заметил, что забой продвинулся вглубь горы еще на пару метров. Кто-то продолжает верить в чудо и не теряет надежды найти несметные сокровища Манаса.

«Проклятье фараонов»

О том что «проклятье фараонов» действительно существует, я убедился на собственном опыте. В научном мире постоянно муссируется факт о неожиданных и трагических смертях участников египетской экспедиции, вскрывших гробницы фараонов. Оказывается, способностями насылать невзгоды на нарушите-

лей вечного покоя погребенных обладали не только египетские жрецы. Однако давайте я расскажу обо всем по порядку.

Однажды в составе Иссык-кульской археологической экспедиции под руководством академика Владимира Михайловича Плоских мне с аспирантом Асаном Торговым довелось раскапывать древнее захоронение. В глиняном карьере в местности, называемой Тёш, нами была расчищена катакомба, разграбленная еще в древности. Сохранившийся погребальный инвентарь позволял датировать захоронение гуннским временем или эпохой Великого переселения народов. Захоронение было групповым, в те времена вместе с умершим или погибшим мужчиной хоронили его супругу или наложницу, а иногда их детей и рабов. Один из черепов имел необычную вытянутую форму. Если не знать о древнем обычае: деформировать головы детей у родовой знати, то можно было подумать что это череп инопланетянина. Неожиданно начавшийся дождь прервал нашу работу. Наспех мы присыпали погребенье, забрав череп «инопланетянина» для антропологического изучения. Он и сейчас стоит в музее Славянского университета, и студенты шутливо называют его «Бедный Йорик». Мне этот экспонат не нравится вовсе, и ужасно совестно за своё кощунство перед далекими предками. Слабое оправдание, что череп необходим для науки, рассыпается от внутреннего убеждения о неэтичности публичной демонстрации человеческих останков.

Раскопки древних погребений — не моя специализация, но в очередной археологический сезон мой непосредственный шеф Владимир Михайлович назначил меня своим замом и поручил продолжить раскопки могильника. На этот раз в команду входили Валера Кольченко, молодой и перспективный ученый, профессиональный археолог, каким-то чудом умудряющийся жить на мизерную зарплату научного сотрудника института Истории, и аспирант Боннского университета, а совсем недавно студент нашей кафедры Филипп Ротт, тоже фанат своего дела с большими амбициями. В нашу группу напросилась словоохотливая Светлана Михайловна Громова, любительница археологии с богатым жизненным опытом и страстная собачница. Кроме того, с нами было трио киношников, которые поэтапно фиксировала все наши действия.

Свой полевой лагерь мы разбили недалеко от усадьбы, находящейся метрах в ста от карьера. Дружелюбная хозяйка взяла на себя обязанности поварихи, сняв с нас груз проблем, связанных с кухней. Её лахмоногая собачка увязалась с нами на раскоп. Ещё бы ей не увязаться, если сердобольная Светлана Михайловна оторвала от нашего пайка огромный шмат колбасы и долго умилялась, как жадно кушает псина, которую, вероятно, хозяева совсем не кормят.

Когда мы прибыли на карьер, четверо сельчан вручную грузили глину на тракторную тележку. Говорливые рабочие рассказали, что черепа они здесь находят постоянно, но оставляют захоронения нетронутыми или закапывают человеческие костяки в другом месте. Встречались им керамические горшки и деревянные изделия, но брать что-либо из могил никто не осмеливается – примета очень плохая. В назидание они поведали нам историю о том, как их знакомый принес домой горшок из могилы, и сразу в его семье начались несчастья, которые прекратились только тогда, когда сосуд вернули на прежнее место. Нам тоже посоветовали не брать грех на душу, но чем больше нас отговаривали, тем сильнее нам хотелось посмотреть на то место, где зарыт горшок, приносящий несчастья.

– Эти вещи нужны для науки, – опрометчиво отвечали мы, не опасаясь за последствия.

Один из рабочих отвел нас от карьера в овраг, промытый сбегавшими с гор водами, и широким жестом указал: «Ищите здесь». Мы принялись тщательно исследовать этот район, когда услышали крики грузчиков. Надо же случиться такому счастливому совпадению, именно в этот момент они наткнулись на катакомбу. Все вместе мы оценили это как подарок судьбы. Неожиданное открытие вдохновила нас. Общими усилиями был разобран свод катакомбы, при этом нам пришлось нагрузить глиной три тракторных тележки.

Катакомба представляла вырубленную в склоне камеру на глубине трех метров. Этот раскоп досталось расчищать Валере Кольченко. Уже при зачистке стало ясно, что захоронение ограблено еще в древности. На борту карьера четко обозначился воровской лаз. Действительно, в камере был беспорядок. Человеческие останки были разбросаны по всей катакомбе вперемежку

с остатками деревянных конструкций, возможно настила или носилок. Среди вещей, лежавших в изголовье, были найдена истлевшая берестяная ваза, изящная ручка от деревянной чашки и другие свидетельства, что захоронение относится к довольно темному отрезку в отечественной истории, когда к заселявшим Прииссыккулье усуням и потомком саков перекочевали другие лесные племена, изгнанные со своих мест гуннами.

Кроме этой катакомбы, сельчане указали нам еще на три перспективных участка. Чтобы не толкаться всем вместе, мы разделились, каждый выбрал себе по катакомбе, и работа закипела. Время от времени мы наносили друг другу визиты, поскольку все из раскрытых катакомб были по-своему интересны.

В катакомбе, доставшейся Филиппу, находилось парное захоронение. Картина, открывшаяся после её зачистки, производила удручающие впечатление. Грабители, проникшие в катакомбу вскоре после захоронения, собрали погребальный инвентарь и украшения. Чтобы не пропустить в могильной темноте какой-нибудь мелочи, грабители пытались за ноги вытащить тело мужчины в воровской лаз. Там оно и было брошено. Женский костяк, откинутый на край катакомбы, лежал в неестественно скрученной позе. О том, что стало добычей грабителей, можно только догадываться по найденным в катакомбе изящной бирюзовой серьге и высокохудожественным бронзовым накладкам кожаного пояса. Если вспомнить знаменитое Шамсинское захоронение этого периода, в котором были найдены золотая маска, массивные золотые украшения и посуда, то становятся очевидными причины широкого распространения столь кощунственного промысла.

Видимо, опасаясь разграбления своих могил, ранние кочевники отказались от высоких курганов, как это делали саки, и скрывали захоронения в склонах предгорий. Для этого копалась небольшая траншея, в конце которой на глубине до пяти метров от поверхности вырубалась камера–катакомба диаметром два и более метров. После захоронения на поверхности земли оставался небольшой холмик выброшенного грунта и несколько камней закрывающих траншею. Отыскать такое захоронение чрезвычайно сложно, но могильные входы, обладая каким-то невероятным чутьем, копали свои грабительские лазы, точно выходя на погребальные камеры.

Мой раскоп оказался самым интересным, и, главное, не тронутый грабителями. Катакомба располагалась на глубине более трех метров, в нижней части отвесной карьерной стены. Погребенных было двое. Их возраст не превышал 15 лет, а рост – метр тридцать. Лежали они на камышовой циновке очень плотно друг к другу. Я представлял жуткую трагедию, происходящую здесь примерно 17 веков назад, когда сопровождать юного воина в последний путь в соответствии с погребальным ритуалом того времени, насильно уложили в могилу его нареченную.

Громова зачищала раскоп, который мы не успели обработать с Асаном в прошлом году. Она первая была наказана за бесцеремонное вторжение в царство мертвых. Неожиданно у неё исчез пластиковый пакет с небольшой суммой денег и документами. Горю Светланы Михайловны не было предела, и жалела она не столько деньги, может, потому, что они были общественные, сколько паспорт и пенсионное удостоверение, на восстановление которых придется изрядно потратиться и побегать по всем инстанциям. Чуть не плача, она неоднократно пересказывала всем по очереди, что пакет лежал у неё на виду в трех метрах от раскопа и к ней никто не подходил. Я про себя посмеивался над незадачливой женщиной и осторожно намекал ей на старческий склероз, наивно полагая, что она по рассеянности оставила свой пакет на базе экспедиции.

На следующий день кара настигла Валеру Кольченко. У него странным образом пропал дорогой цифровой фотоаппарат, который ему выдали в Академии наук во временное пользование. Эта была серьезная утрата, самое поразительное, что его раскоп располагался на открытой площадке с перспективным обзором вплоть до Иссык-Куля. Валера делал съемку, потом спустился в катакомбу на пару минут, чтобы зачистить щеткой раскоп, а когда выпрямился, фотоаппарата уже не было. Он подозвал нас к себе, вид у него был растерянный. Испарился экспедиционный фотоаппарат, а объяснить, куда и как, Валера не мог. А тут еще Филипп сообщил, что у него удивительным образом исчезла бейсболка, оставленная им на входе в катакомбу.

– Это действует «проклятье фараонов», – сыронизировал я, хотя смутная тревога уже закралась в сердце. Несложно было сообразить, кто следующий на очереди.

«Надо лучше смотреть за своими вещами», – подумал я, еще не догадываясь, какое возмездие уготовлено для меня.

При зачистке костяков я неожиданно нашел бесформенный кусочек золотой фольги. Дальнейшие раскопки продолжались с особой тщательностью. Золотая фольга мельчайшими невесомыми пластинками встречалась в изголовье, в районе рук и на груди погребенных. Камера киношников, как сейчас говорят, в режиме «on-line», зафиксировала, как из-под моего ножа вдруг появился золотой колт – женское височное украшение с бирюзовой вставкой. Чтобы оператору удобнее было вести съемку, я целиком забрался в катакомбу. Более того, оттуда я вел репортаж, объясняя и демонстрируя перед камерой методику раскопок.

Когда исследования подошли к концу и всё, что нужно, было отснято, описано и зафиксировано, Валера предложил забрать черепа для антропологических исследований. Нехотя я снова забрался с головой в катакомбу. Вдруг какая-то неясная тревога сдавила мне грудь, заставив выбраться из погребальной ямы. Я еще не успел выпрямиться, когда неожиданный удар сзади толкнул меня вперед, и я распластался в пыли. Грохот и столб песка и мелкого щебня оглушили меня. Несколько мгновений я не понимал, что происходит. Когда пыль улеглась, оглянувшись, я увидел, что весь трехметровый нависающий карниз из песка и глины просел вниз и вновь похоронил молодую чету. Мои нос, горло и уши были забиты пылью, и я представил, что было бы со мной, если бы я замешкался на миг. Чтобы не терять свой авторитет горного инженера, допустившего вопиющее нарушение техники безопасности, я сообщил сбежавшимся археологам, что сам обвалил свод, не желая нарушать вечный покой молодой четы. Для себя же я решил, что это неспроста. Катакомба, простоявшая несколько тысячелетий, обрушилась именно в тот момент, когда я собирался забрать черепа. «Хранители умерших» жестко предупредили меня, что даже во имя науки не стоит уподобляться могильным ворами и преступать общечеловеческие устои. Больше в раскопках погребений я никогда не участвовал.

Уезжали мы с могильника после обеда. Настроение было подавленное. Светлана Михайловна, собрав остатки продуктов, ушла напоследок подкормить хозяйскую собачку. Сидя в маши-

не, мы терпеливо ждали, пока она наговорится со своей лохмистой любимицей. Наконец, я не выдержал и пошел искать Громова. «Не хватало ещё, чтобы и она исчезла», – отгонял я назойливую мысль.

Светлану Михайловну я обнаружил за домом рядом с собачьей будкой, она что-то строго внушала псине, а та дружелюбно махала ей хвостом.

– Александр Михайлович, посмотри, что я нашла в конуре этого неблагодарного животного, – возмущено произнесла Громова, демонстрируя свой пакет, бейсболку Филиппа и Валерин фотоаппарат.

ПОЭЗИЯ

65 лет ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Ветераны о войне

Темиркул УМЕТАЛИЕВ,
Народный поэт Киргизии

ПОБЕДА

Мы прошли через года и битвы,
Сквозь огонь и сумрак ледяной.
Наше счастье нелегко добыто,
Отозвалось ранней сединой.
Беспокоит память, словно рана,
Звук трубы из прошлого зовет,
Властно поднимая из тумана
Поседевших ветеранов взвод.
Глянем, братья! – шире, неохватней
Из десятилетий высоты
Мы увидим над равниной ратной
Той Победы ясные черты!
Эхом несмолкающего боя
Сердце наполняется в ночи,
Боль бессонниц пополам с войною
Разве смогут вылечить врачи?
Будущее,
Лишь тебе поверим!
Душу переполнит тишина...

Пусть лишь в снах к нам ненасытным зверем
Давняя врывается война.
Мы прошли через горнило боя
Для того, чтоб в предрассветный час
Пел лишь соловей над головою,
Звездный блеск над головой не гас.
Мы прошли через года и битвы,
Сквозь огонь и сумрак ледяной.
Наше счастье нелегко добыто.
Пел бы соловей
Над головой!..

ДНИ

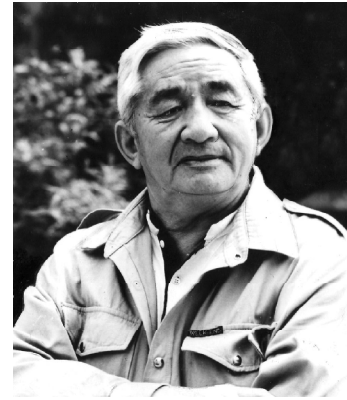
Тысячу четыреста восемнадцать дней
Мы были в долгом пути,
Средь сожженных лесов, разоренных полей
Стояли лицом к врагу.
Этих дней, что сосчитаны были потом
Ударами сердца в груди;
Этих дней, что тяжелым кажутся сном,
Забыть никогда не смогу.

Тысяча четыреста восемнадцать дней
Бомбежек, крови, огня,
Неисчислимых людских смертей,
Жизней, стоявших стеной,
Дней и ночей, звавших меня
В пороховой туман атак,
Твердивших:
Повержен будет враг,
Ведь Родина – за спиной!..

Тысячу четыреста восемнадцать дней
Я долину и дом вспоминал,
Мощь отцовской руки, материнский взгляд,
Ветер, дующий с гор.
Тысячу четыреста восемнадцать дней

Мне снился мой старый сад,
Ведь короток на войне привал,
Как все на войне – быстрей...
Дни эти в долгую ночь слились,
И длилась она без конца.
Но над землей забрезжил рассвет, надеждой ее озарив:
Победа! –
В едином порыве людском выдохнули сердца!..
Победа! –
Как песня сквозь слезы, он был
Прекрасен, этот порыв.

Тысяча четыреста восемнадцать дней!..
Чтобы врага победить,
Прикрывая Родину грудью своей,
Нам нужно было прожить
Эти
Тысячу
Четыреста
Восемнадцать
Дней...

Суюнбай ЭРАЛИЕВ,
Герой Кыргызстана,
Народный поэт Киргизии

А ПОСЛЕ ВОЙНЫ...

Когда из окопов мы пулям навстречу рвались,
В бессмертье своё и страны так мы верили свято,
Что после атак – засыпали легко,
И снилась нам высь,
И видели мы бесконечную мирную жизнь,
Щекой ощущая холодную сталь автомата.

А после войны
Мы познали бессонницы шквал! –
Года проходили в ночном бесконечном мученье,
И каждый из нас, лишь глаза закрывал – воевал,
Он снова в атаку,
В атаку,
В атаку вставал!
И сердце рвалось, как граната, в ответ наступленью.

А те, кто когда-то подняться уже не смогли
И юные головы в красном снегу уронили,
Чей голос звенит и звенит, не затихнув вдали,
Доносится к нам с запредельного края земли, –

Все с нами они,
Ибо их ни на миг не забыли.

Прошло столько лет, столько майских ликующих дней –
И голос победных салютов мне сердце взрывает:
– Проснитесь, друзья,
Поднимитесь с замёрзших полей!..

Я вижу их лица бессонною ночью своей.
Смотрю им в глаза!
Только взор мне слеза застигает...

**Перевод с киргизского
Вячеслава Шаповалова**

Молодые о войне

Кристина УБАЙДУЛЛАЕВА

Студентка 4 курса гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Ельцина. Лауреат Бишкекского Международного фестиваля «Благовест» (2006 г.), слушатель литературной Летней школы Ч.Айтматова, член группы молодых литераторов «Ковчег». Родилась 27.11.1988 г. в г. Бишкеке Кыргызской Республики.

НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО...

Война на сердце каждого ложилась
Тяжелым замерзающим свинцом.
Война, война! Как часто говорилось,
Что у тебя не женское лицо!
Но все равно, не раз еще приснится:
Девчата собирают автомат,
Пропахли дымом девичьи косицы,
От слез немного затуманен взгляд...
Пусть эти слезы высохнут не сразу.
Но впредь не появляться им опять:
Уверенней и тверже с каждым разом
Курок девчонка будет опускать.
И на винтовке снайперской зарубки
Поставит резко женская рука.
Кто скажет, что рукою этой хрупкой
Она карала доблестно врага?
И что десятки километров суши
Прошла в походах вдоль и поперек,
Что на привалах запевал «Катюшу»

Неутомимый звонкий голосок?
А если погибать ей приходилось –
То смертью храбрых истинных бойцов...
Скажите, люди, как же так случилось?
Ведь у войны – не женское лицо...

БЕРЕЗКА

Кровавое лето – война наступала.
Солдаты ушли. Провожали их все.
Березка-невеста им вслед помахала,
И ветви плакучие сникли совсем.

Осенних дождей бесконечные слезы...
Как скорбь безутешна в молитве за мир!
На листьях опавших печальной березы
С осколком в груди умирал командир.
И к белой коре, перепачканной кровью,
В предсмертной тоске он припал головой.
Березка-сестрица над братом с любовью
Рыдала, его осыпая листвою.

Березка четыре зимы простояла,
Совсем покосилась за несколько лет.
От взрывов листва невпопад опадала,
И пули навеки засели в стволе.

Но теплой весной клич победы ворвался.
И парень в погонах вернулся назад,
К березоньке-матери крепко прижался,
По темной коре покатила слеза.

На ветках звенели веселые птицы.
Березовым соком – слезами весны –
Березка-старушка, невеста, сестрица
Встречала героя прошедшей войны.

ГАРМОНЬ

После боя – затишье. Надолго? Как знать!
Треск костра в тишине раздаётся.
После боя, как принято, надо молчать –
В память тех, кто уже не вернется.

Притулился сиротски в углу автомат,
И гармонь не поет, как когда-то...
Просто сам гармонист не вернулся назад –
Оттого приумолкли ребята.

Эх, гармонь! Кабы ты – да живая была,
Ты бы плачем разбила молчанье.
Но погиб твой хозяин – и ты умерла,
Не сыграв, не допев на прощанье.

Будут долго рыдать его мать и жена,
Получив похоронку лихую.
А ты будешь молчать, нежива, холодна,
В тишине беспощадной тоскуя.

...Но однажды появится в роте солдат,
Что твой сон безысходный прогонит,
Как попросят его: «А сыграй-ка нам, брат,
Коль умеешь, на этой гармонии!»

ОДА ВЕТЕРАНУ

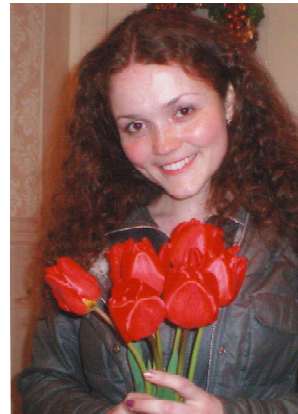
Вы – Ветеран, Вы доблестный и честный,
Сражались Вы на страшной той войне, –
И это все, что мне о Вас известно,
Но этого достаточно вполне!
Достаточно, чтоб преклонить колени
Пред Вашей героической душой,
Чтоб поклониться памяти нетленной
И вечно славить подвиг Ваш большой!
Вы защищали Родину от смерти,

От дыма берегли Вы синеву,
И Вам благодаря на белом свете
Под чистым мирным небом я живу.

Вот малое, что я сумела сделать –
Лишь посвятить Вам этот скромный стих:
За то, что пуля мимо пролетела,
За то, что ураган войны утих,
За Вашу стойкость, мужество и смелость,
За каждый шаг и выстрел на войне,
За то, что Вы такого натерпелись! –
Что нам бы не привиделось во сне.

Четыре года огненных баталий,
Лишений, разрушений и потерь...
Вы молодость свою войне отдали,
Чтоб юностью мы тешились теперь.

Война прошла – рубцы в душе остались.
Не исцелить, не спрятать этих ран.
Но Вы не зря страдали и сражались.
Спасибо за Победу, Ветеран!

Гузель ДАВЛЕТОВА

Студентка 5 курса факультета русской филологии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Ельцина, член Ошского литературного клуба «Вдохновение». Родилась в г. Белебей БАССР.

НАГРАДЫ

Дедушке и бабушке

Счастливым, лучезарным было детство...
Я – младшая в семье. Есть старший брат.
От бабушки и дедушки в наследство
Мы получили множество наград.

И, главное, не только ведь медали
И даже – боевые ордена:
Они нам светлый шанс на счастье дали!
В наследство жизнь нам целая дана!

Весною небо светится лазурью –
Как много лет назад была весна,
Когда к Победе с радостью безумной
Пришла моя свободная страна!

Пусть к маю сорок пятого женаты
Бабуля с дедом были десять лет, –
Они лишь в честь Победы, как в награду,
Своих детей родили в белый свет!

Перебираю бережно я фото.
Я вас живых не знала никогда.
Но память стала вечности оплотом.
Мы не забыли – помним вас всегда!

СТИХИЯ ВОЙНЫ

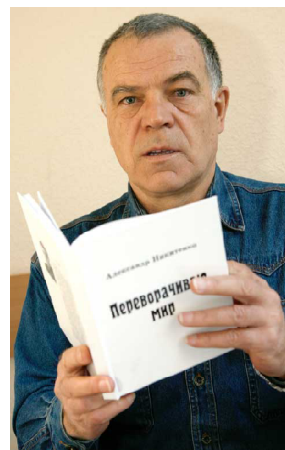
В океане гнева, в черных ямах зла
Родилась, возникла страшная война.
И планета наша стала всем мала:
Шла, быстрее цунами, страшная война...

В тебе все это, Человек, в тебе все это...
За что? – оставит небо вновь нас без ответа...

Удар в сердца пришелся миллионам.
Но люди страх и боль перенесли,
Чтоб на земле, в ее прекрасном лоне,
Все семена Надежды вновь взошли.

В тебе все это, Человек, в тебе все это...
В молитве руки к небесам всегда воздеты!

Как «Жди меня» становится молитвой,
Броней защищая грудь солдата,
И как венец терновый, крепко свитый,
В лавровый превращается – в награду,
Способно только сердце разглядеть,
Сломав забвенья сумрачную клеть...

Александр НИКИТЕНКО

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Пленительно плетение из лент!
Ты эти рукотворные шедевры
плела и успокаивала нервы,
когда им спуску нет ни на момент.

Когда бушует масскультурный вал,
как хороши подсолнухи Ван Гога!
В них много есть от Солнца и от Бога.
Ван Гог их для тебя нарисовал.

Божественно в тебе желанье плесть
подсолнухи средь рыночного мрака,
когда не знает ни одна собака
что будем мы назавтра пить и есть.

Когда вокруг все хапают и рвут
под черной сенью крыльев Азраила,
подсолнухи твои в тебе живут.
Ты им себя до капли раздарила.

Сквозь серость будней, беспросвета полных,
не то чтобы во сне, а наяву
твоё мне сердце светит, как подсолнух.
И я надеюсь, верю и живу.

20 декабря 2009 г.

Пьянили сны, пленили грёзы,
пока я долго-долго рос
и жаждал гроз.
Да только розы
мне грели сердце больше гроз.

Они пытали ароматом
и совершенством красоты.
И в мире алчном, вороватом
питали все мои мечты.

По розам белым, розам красным
скучал я летом и зимой.
И одержим я был прекрасным,
как горький пьяница корчмой.

Возможно, был объектом басен
мой бзик и многих раздражал.
Но мир был груб и непрекрасен,
и я его преображал.

Когда ж ударили морозы
лютящих житейских проз,
в живых остались только грёзы –
чисты, как розы после гроз.

Назло всем прозам и морозам,
неврозам жизненных угроз
я вверил сердце только розам
и грёзам о бессмертье роз.

4 января 2010 г.

На кого теперь нам путь ориентировать?
Был тут в парке монумент, а нынче нет.
Или власти приказали демонтировать?
Или жулики стащили как цветмет?

Как слепые, бой ведём с азами вечными:
переписывать историю – табу!
Те, кто были нам героями,
развенчаны.
А других видали тоже мы в гробу!

Испокон вот так живём, воюем, мучимся.
И не скинем этот груз мы с наших плеч
до тех пор, пока лелеять не научимся
свои корни
и историю беречь.

19 февраля 2010 г.

Нету моря, нету суши.
Виртуальность суш и вод.
Оцифрованные души.
Ошельмованный народ.

Наподобие примата,
получает, глух и слеп,
электронного формата
электронный ширпотреб.

Ни трагедий, ни мистерий.
Виртуальна старь и новь.
И шумит в ветвях артерий
оцифрованная кровь.

7 марта 2010 г.

МОЯ ХАРИЗМА

*Был честный фермер мой отец...
Роберт Бернс*

Апологет социализма,
когда царит капитализм,
я жив, со мной моя харизма –
харизмейшая из харизм.

Моя харизма трудовая
(к иным я стойко глух и слеп),
весь век покоя не давая,
велит мне вкалывать за хлеб.

Отец мой жизнь прожил с зарплаты
и не нажил себе палат.
И ненавистны мне палаты,
поставленные не с зарплат.

Ладонь жеманьте на зевоте,
до фонаря вам мой пример,
но я в три смены на заводе
пахал в родном СССР.

Когда мы были молодые,
в цехах, в горниле мастерства,
ценились руки трудовые
и золотая голова.

Я был поилец и кормилец
семьи во имя всех святых.
Жаль, нет теперь таких горнилец
для всяких новых и крутых.

Им не понять, рвачам и жмотам,
друг друга жрущим поедом,
как сладок хлеб, политый потом,
добытый праведным трудом.

При них мне всё теперь обрыдло,
и сожаления гнетут,
что дикорыночное быдло
всадило крест под честный труд.

Что все стяжаньем напитались
повальным, как девятый вал,
что криминальный капиталец
теперь нередко правит бал.

По яхтам и по иномаркам
те, к чьим рукам он вдруг прилип.
Мнит президентом и монархом
себя бандюк, засевавший в джип.

Теперь все знают, что с товара
им можно жирный снять навар.
Сама валюта для навара
вполне годится как товар.

В остолбенении присвистни:
юнец безусый у “порша”.
В чём смысл его дальнейшей жизни?
Сейчас всё есть у мальчиша.

Голодного не понимает
зелёный сытый ловелас.
Ещё не жил, а всё имеет
в отличие от многих нас.

Я — не убогий, не калека
и тёртый в общем-то калач —
встал крепко на ноги в полвека.
А этот сызмала богач.

Быть может, мама или папа
его снабдили всем сполна,
а волосатая их лапа
простому взгляду не видна.

Они менялы и кидалы.
Как чаша полная, их дом.
Но их большие капиталы
неправым добыты путём.

Да через два-три поколенья
у нас, как всюду, в свой черёд
отцов и дедов преступленья
забудутся. А деньги — в ход!

Ужо им, нуворишам местным!
Я не втесался в их игру,
остался бедным я, но честным,
и этим греюсь на миру.

Нет ни войны, ни катаклизма,
но и без них кромешный бред.
Побудь со мной, моя харизма,
другой ведь не было и нет.

20 января 2010 г.

Спасибо, что есть неизбежность
друг друга учить наизусть.
Нежнее меня только нежность.
Грустнее меня только грусть.

11 ноября 2008 г.

ШУГА

Шуга в воде, нырнёшь — шумит в ушах,
шуршит шуга и шумом глушит уши.
А вынырнешь — и надо сделать шаг,
а то и два через шугу до суши.

Горит морозный воздух голубой,
искристый снег иголки в кровь вонзает.
И вязкая, в тиши шурша шугой,
как чешуёй, река переползает.

14 ноября 2009 г.

В прибое рыночном брыкаюсь
и не сдаюсь ему в бою.
Ни от чего не отрекаюсь.
Ни в чём зарока не даю.

Отречься было бы нелепо
мне от всего, что грело нас.
Я словно мамонт —
из совдепа
сквозь льды протаявший в сейчас.

Вам при крутом капитализме
предстал я в солнце новых дней
как артефакт минувшей жизни
в сплошных гипотезах о ней.

12 ноября 2009 г.

Не затрёте суверенным лаком
той моей печали давних дней.
Схоронил я родину и плакал,
как над прахом матери моей.

Нет давно ни родины, ни мамы.
Но, пока я жив, они живут.
Те, кто предал нас, сыновней драмы
никогда вот этой не поймут.

Мама — дома, родина — повсюду
согревали сердце мне теплом.
Никогда я их не позабуду,
утопая памятью в былом.

7 марта 2010 г.

В эпоху “Филипсов” и “Нокий”,
всемирных липких паутин
белеет парус одинокий,
и мы душой к нему летим.

Она всё так же просит бури,
мятежно парус видит свой,
не поддаваясь масскультуре
в своей любви нецифровой.

7 марта 2010 г.

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Я уходящая натура.
По рубежу
ушли наука и культура.
Я ухожу.

Прощально свечи закалили.
Не зря я жил:
когда другие уходили,
я к вам спешил.

Когда вам уходить приспееет
в полубреду,
моя душа вас вновь согреет.
Я к вам приду.

Всё в этом мире преходяще.
Но, может быть,
к ушедшим вам я буду чаще
приходить.

14 ноября 2009 г.

Жизнь ушла на стихи и на песни.
Ты в огне поэтических лепт,
может, пушкинской славы наперсник,
а, быть может, бесславья адепт.

Но пока не забудь тебе глотку,
словно кляпом, сырая земля,
будешь петь по всему околотку,
как паяц, сам себя веселя.

15 ноября 2009 г.

Я пишу пером, человеки,
чтоб не вырубил топором.
Я живу в двадцать первом веке.
А душа моя — в двадцать втором.

6 ноября 2009 г.

Печатается впервые

Дмитрий САГАЙДАК

Стихи Дмитрия Сагайдака – как акварельные наброски, стирающие резкие границы между предметами и миром, и краски их столь же чисты и нежны.

О самом авторе пока еще можно сказать буквально в нескольких строчках: родился в Бишкеке 27.12.1989 г., студент 3 курса Бишкекской Финансово-Экономической академии, победитель конкурса

«Марш парков» в номинации за лучшие японские трехстишья (хокку), член группы молодых литераторов «Ковчег». Пишет стихи на русском и английском языках.

ЗВУКИ

Они здесь, они входят в мой дом,
в мой замерзший аквариум,
Им не спится ни ночью, ни днем,
они смотрят в глаза.
И я слышу строку за строкой
как поют свои арии,
Обретают в пространстве покой,
оживают в часах.

Проникают в сознание вновь
и по линиям ломаным
Строят мир необузданных снов
на известный мотив,
Жмут мне руку и бьют по плечу
так лояльно, раскованно,

Обнимают тепло чересчур,
мою грубость простиив.

Они снова с собой принесут
дивный запах черемухи,
И душа как волшебный сосуд
льет оранжевый сок.
И накормят как сто лет назад
семенами подсолнуха,
И в поля, что все так же шумят,
унесут на часок

Выдыхая неспешно в меня
подзабытые образы,
В каждом новом движенье храня
потаянный намек,
Они снова плетут колдовство
из мелодий и голоса,
И трепещет мое естество,
нервы стиснув в комок.

ПРИЗРАЧНЫЙ ПАРК

Деревья без листьев и белое небо
Скорбят молчаливо в прохладном бесснежье.
Шаги по аллее в пространную небыль,
Где ясность приходит все реже и реже.

Нестертая память на белых скамейках
Врывается в мысли, схватив за запястье.
Ища в подсознании темном лазейки,
Доносится отблеск бывшего ненастья.

Холодная свежесть, лишь шаг до покоя.
Почти хаотично, почти идеально
Проблемы, пошитые грубым покроем,
В пространстве решений почти нереальны.

Внутри черно-белого вечного фильма
Живет геометрия ломаных линий.
Мой призрачный парк, как приятель, обильно
Подарит мне вновь одиночества иней.

RENDEZ-VOUS

В нашей комнате спрятался вечер.
Мы вдвоем. А вокруг темнота.
По одной затушили все свечи.
За окном голоса поездов.

С ветром в окна врывается пень.
Ты подхватишь мотив на лету.
Ты поверила мне как спасенью.
Я придумал тебя как мечту.

Хрупкий пепел сожженной бумаги.
Тени пляшут на белой стене.
В моем взгляде так много отваги,
В твоём смехе – одно только «не».

Тихо полный бокал наливаю.
Пей, хоть это совсем не вино.
Ты исчезнешь с рассветом, я знаю.
Но мне будет уже все равно.

СКВОЗЬ БЕТОННЫЕ ПЕРЕКРЫТИЯ...

Сквозь бетонные перекрытия
Прямо в небо, горя желанием.
Два глотка всего расстояние.
Оттолкнись – и взлетишь над плитами
В шелестящем ночном молчании.

Воздух чистый, беспечно-сдержанный
Мой покой без сна поприветствовал.
Птичий всхлип вдалеке соседствовал

С тихим шепотом трав изнеженных
В темноте, что пришла как бедствие.

Я ворвался как гость непрошенный
В мир распевного полнолуния,
Расплескавший свое безумие
Средь молчаний, давно изношенных
На просторах ночного студня.

Меж деревьев шаги заблудшие
Рвут условности в цепи сбитые.
А мечта моя позабытая
Улетает по воле случая
Сквозь бетонные перекрытия...

ИГРАЮЩИЙ С СУДЬБОЙ

Счетчик потерь просуммировал цифры,
Вновь из души ковыряю занозы,
Жизнь – дребедень, словно песня без рифмы,
Молнией блещут пустые угрозы.

Незачем больше молчать сквозь платочек,
Наглая правда срывается криком,
Коли не видишь – разуй свои очи,
Действуй локтями, идя к слову «выход».

Чертова уйма ненужных вопросов,
Пропать тупых односложных решений.
То ли сидеть и смолить папиросы,
То ли – об лед головой до свершений.

Время пройдет, я, возможно, узнаю
Цену пустого стояния в стойле.
Кто-то кого-то опять выбирает.
Где ж ты, Фортуна, премилая фройлен?

К черту, поставлю всю жизнь на рулетку,
Видно, мозги мои выключил дьявол.
Лучше уж пулю, чем в день по таблетке.
Выиграл?! Видно, Судьбе я по нраву.

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА

Под крышей дома сонно и уютно.
Здесь ищут смысл смерти после смерти.
Здесь люди, боги, ангелы и черти
Молчат, дымят, вздыхают поминутно.

Звучит кларнет, как из иного мира,
И разбавляет ритмы рок-н-ролла,
Взрывает вены с потолка до пола
Больной души взбесившаяся лира.

Как яд под кожу – пение о вечном.
Везде цветы проклятого жасмина.
Пьянеет ложь, застыв наполовину,
Прокравшись в веер писем безупречных.

И все распалось медленно на дольки,
Все сладко, слезно, жгуче и бестактно,
И рухнул на пол – как неаккуратно! –
Хрусталь ажурный... звякают осколки.

Благая скорбь сменяет злую радость
На одиноких крыльях декаданса.
Любовь зарезав встречным реверансом,
Стели соломку – будет мягче падать.

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий САНДЛЕР

Имя журналиста Валерия Сандлера хорошо известно старшему поколению киргизстанцев. Многие годы он плодотворно работал на Киргизском радио, в газете «Вечерний Фрунзе» и журнале «Литературный Киргизстан». С середины 90-х живет в

Америке. Но журналистике не изменил. Его послужной список пополнился газетой «Новое русское слово». После ухода на пенсию Валерий продолжает сотрудничать с американскими газетами, выходящими на русском языке. Неоднократно печатается и в родном «Литературном Киргизстане».

Недавно вышла в свет большая книга Валерия Сандлера «Чем дальше, тем роднее» – о разбросанных по всему белому свету эмигрантах из Советского Союза, главным образом, политических эмигрантах первой половины прошлого века и их потомках. Чаще всего – с громкими именами. Труд, надо сказать, огромный, интервью написаны мастерски, порой, правда, слишком жестко и нелюбезно по отношению к той стране, с которой изначально связаны судьбы его героев. Да и судьба самого автора, прожившего здесь более полувека.

Продолжая заниматься поиском эмигрантов, чья история жизни интересна и поучительна, развивая все ту же тему – чем дальше, тем роднее, Валерий готовит уже новую книгу. Какие бы печали и боли не принесла Родина, она остается Родиной, Отчизной. Загадочная, иной раз непостижимая тяга к России, к сбережению вдалеке от нее русских традиций, русского языка, причем, отнюдь не всегда только самими русскими, вот что объединяет подавляющее большинство собеседников талантливого журналиста.

Сегодня мы публикуем две беседы из новой книги Валерия Сандлера.

НЕ БАРИН, А ПРОСТО КНЯЗЬ

Александр Трубецкой, ФРАНЦИЯ: «Достойно представлять фамилию – вот моя привилегия»

На вопрос: где сегодня можно встретить самую титулованную русскую эмиграцию? – ответ может быть один: во Франции, а еще точнее – в Париже. В этом мы с вами убедимся еще не раз, а пока – первое знакомство: его высочество князь Александр Трубецкой.

- Александр Александрович, я вам звонил на прошлой неделе, чтобы оговорить время интервью, трубку снял ваш сын... как его зовут, подскажите...

- ...тоже Александр.

- ... и он свободно, хоть и с легким акцентом, говорил со мной по-русски. Довольно неожиданно для молодого человека, который родился, вырос и воспитался в иной языковой культуре, в его случае – французской. Не удивлюсь, если и остальные ваши дети не чужды русскому языку...

- Вы правы. Но не забывайте, что и я родился в Париже, и мое знание русского языка ставлю в заслугу моим родителям. Они сумели мне это передать, а мы с женой постарались передать нашим детям – Александру, Ксении, Владимиру и Николаю.

- Жену вашу зовут...

- Екатерина Алексеевна, урожденная Небиеридзе. Грузинка по отцовской линии, русская по материнской.

- Наверное, во Франции немало русских эмигрантов, которые считают, что чем скорее их дети забудут родной язык, тем легче станут французами.

- Есть такая тенденция. Но есть и другая. Воспитание, полученное мной от родителей, основано на богатстве родного языка. Отец мне говорил: «Твоя родина – Франция, будь ей благодарен за то, что нас приняла, но не забывай, что отечество твое – Россия». С тех пор понятие отечества для моего менталитета, сердца и души важнее понятия родины.

- Уверены, что приживется оно в сознании ваших детей?

- До сих пор они чувствовали и рассуждали так же, как я. Старшему сыну под 30, младшему 18, никто из них пока не женат. Дочь не замужем...

- Но представьте: сыновья женились на француженках, дочь вышла за француза, пошли внуки, одно-два новых поколения – к кому перейдут традиции рода Трубецких?

- Всё возможно. Но для нас главное – чтобы они создали хорошие семьи и по возможности сохранили православное вероисповедание. Что касается рода Трубецких, то наши дети в нем не единственные, род пока не под угрозой.

- Поговорив с вами несколько минут, убеждаюсь, что русский язык в эмиграции может быть сохранен – было бы желание. У вас он такой свободный. Это результат родительской диктатуры?

- Разве это диктатура, когда родители учат, чтобы их сын, переступив порог дома, говорил только по-русски, в разговоре не смешивал два языка и по четвергам не пропускал уроки в русской школе при церкви? Мой отец, бывший офицер императорской гвардии, не терял связи с однополчанами, оказавшимися в эмиграции, общение с этими людьми тоже в какой-то мере сыграло роль в моем воспитании. Кроме того, я всегда много читал, став взрослым – часто ездил в Россию. Всё вместе поддерживало и укрепляло во мне знание русского языка.

- До какого колена можно проследить род князей Трубецких?

- О, очень далеко! Начнем с последней трети XIII века, с литовского князя Гедимины, от него дойдем до Рюрика. Гедиминовичи в России – это князья Трубецкие, Голицыны, Куракины, еще кое-кто. Другая ветвь от Гедимины пошла на запад и создала династию польских королей Ягеллонов. Эти две ветви часто между собой воевали: одна на стороне России, другая на стороне Польши.

- Кто из Трубецких составляет гордость вашего рода?

- Скажу о тех, кто ближе нам по времени. Очень интересные братья Трубецкие. Старший, Сергей Николаевич, в начале XX века был первым избранным ректором Московского университета. Человек либеральных взглядов, он сумел удержать студен-

тов от участия в революции 1905 года и этим спас многих от ареста. Желая обрисовать ситуацию в студенческом мире и доказать необходимость реформы в России, попросил у царя аудиенции, а после нее умер от переживаний.

Сергей Николаевич и его брат, мой дед Евгений Николаевич Трубецкой – оба из плеяды русских православных философов, таких как Владимир Соловьев, Семен Франк, Николай Бердяев. Евгений Николаевич – профессор Московского университета, автор ряда философских трудов, один из которых – «Умозрение в красках» повествует о духовном смысле православной иконы – и сегодня изучают в духовных семинариях и академиях. Когда служители церкви в нынешней России, услышав мою фамилию, задают вопрос: «Кем вам приходится Трубецкой, автор труда по иконописи?» – я отвечаю с гордостью: «Это мой родной дед».

Третий из братьев Трубецких, Григорий Николаевич, дипломат, будучи в 1914 году послом России в Югославии, стал свидетелем событий, которые привели к Первой мировой войне. Был отозван в Москву, работал в министерстве иностранных дел под началом Сергея Дмитриевича Сазонова, участвовал вместе с братом Евгением Николаевичем в Соборе 1917-1918 годов, на котором произошло восстановление патриаршества и был избран патриарх Тихон. Его сын Константин служил во время Гражданской войны в одном полку с моим отцом, в конной атаке у Перекопа был ранен, отдал свою лошадь солдату, чье ранение оказалось более тяжелым; солдат спасся, а Константин Трубецкой пропал без вести. Сам же Григорий Николаевич в годы Гражданской войны был в правительстве Деникина и Врангеля, в эмиграции основал под Парижем небольшой приход – действующий по сей день храм равноапостольных царей Константина и Елены, ставший нашей семейной церковью. Впрочем, не только семейной, ибо через храм прошли богословы – архимандрит Киприан Керн, протоиереи Александр Шмеман и Иоанн Маендорф, впоследствии стоявшие у истоков православной церкви в Северной Америке, и многие другие.

Добавлю к этому перечню имя протоиерея Михаила Осоргина. Он до революции 1917 года был губернатором Калуги, хотел стать священником, но Синод ему в этом отказывал, заяв-

ляя, что стране нужны губернаторы, умеющие проповедовать, а священнослужителей и без него хватает. Лишь в эмиграции он осуществил своё призвание.

- Ваш отец – один из десятков и сотен тысяч изгнанников России, кто испытал на себе тяготы первых лет эмиграции. Многие в таких обстоятельствах ломались духовно и физически. Александра Евгеньевича Трубецкого эта участь миновала. У вас есть этому объяснение?

- Всю жизнь думаю об отце с восхищением. Он смолodu увлекался конным спортом, охотой и фотографией, учился в Московском университете, собирался стать юристом. Когда началась Первая мировая война, закончил ускоренные офицерские курсы, получил так называемый гвардейский балл и с начала 1915 года участвовал в боях на немецком и австрийском фронтах. Награжден орденами Святого Станислава II и III степени, Святого Владимира III степени, Святой Анны III степени. После учиненного большевиками переворота участвовал в попытке спасения царской семьи, воевал под командованием Деникина, позже – Врангеля. Когда все закончилось поражением Белой армии, он оказался сначала в Константинополе, потом в Праге и, наконец, в Париже, где к тому времени уже обосновались его мать, старший брат и сестра. Полученное в России образование французами не признавалось, и он работал кондуктором трамвая, водителем такси, переводчиком. Была возможность устроиться на военную службу – он ее отклонил, считая, что воевать следует, лишь защищая родину или свои убеждения, как это было в период Гражданской войны. Эта верность принципам и однажды данной присяге стала причиной его стойкости – духовной и физической.

То же самое скажу о ближайшем окружении отца. Эти люди объединялись, создавали офицерские и литературные кружки, православные приходы, проводили выставки, издавали газеты и журналы. Оттого и не пали духом, сохранились как личности в своем особом мире.

- О вашей маме, Александре Михайловне Голицыной, я знаю лишь, что она – внучка бывшего губернатора Москвы...

- Ее история интересна, моментами трагична. Голицыны после октября 1917 года не уехали из советской России. Маме было

семнадцать лет. Если вам когда-нибудь попадется книга ее младшего брата Сергея Михайловича Голицына «Записки уцелевшего» - прочтите, она рассказывает о страданиях, которые перенес он сам и другие члены семьи: одни попали в тюрьму, другие расстреляны...

Первый муж моей мамы Георгий Михайлович Осоргин – сын Михаила Осоргина, губернатора, ставшего священником, я вам о нем говорил, – служил в том же лейб-гвардии конно-гренадерском полку, что и мой отец, они были родственниками, крепко дружили. Большевики, захватив власть, арестовали Георгия Осоргина, отправили в Соловецкий лагерь и в 1929 году в числе четырехсот человек расстреляли – якобы в наказание за попытку бегства некоторых заключенных. Буквально за несколько дней до массовой казни, ничего о ней не зная, Екатерина Павловна Пешкова, жена Максима Горького, выхлопотала для Александры Осоргиной возможность посетить Соловки и повидаться с мужем. Во время этого свидания был зачат мой старший брат Михаил, ныне он, как и его дед, – священник, служит в нашей семейной церкви. Позднее, при личной встрече, Пешкова сказала Осоргиной: «Ваша семья пострадала, муж расстрелян, думаю, скоро и до вас доберутся». И по ее ходатайству в 1931 году появился уникальный документ за подписью наркома Ягоды о «...лишении А.М. Осоргиной советского гражданства с последующей высылкой за границу СССР». Она с двумя детьми – дочерью и сыном – приехала в Париж, здесь ей очень помог однополчанин ее покойного мужа. Это был мой будущий отец. Они поженились. Я появился на свет в 1947 году...

- ...и шестьдесят с лишним лет знаете страшную правду об исторической родине, ставшей для ваших родных и близких хуже мачехи. Казалось бы, даже простое знание бед и несчастий, ими перенесенных, может стать причиной возненавидеть такую родину, самое меньшее – забыть о ней навсегда. Вы так не считаете?

- Как бы ни казалось парадоксальным, но большинство эмигрантов первой волны, покинув Россию, остались её патриотами, что нисколько не умаляло их глубокой ненависти к большевизму и коммунизму. Но были и такие, кто сознательно стёр связи с прошлым, вплоть до отказа от родного языка. У меня подход иной:

дети русской культуры, мы живем любовью к России, как завещали наши отцы. Они не были эмигрантами по собственной воле, их вынудили покинуть родину, я этого не забываю и, более того, не прощаю. Но где бы мы ни жили, в России или вне ее, нужно смотреть в будущее, памятуя о прошлом.

- Князь по обоим родительским линиям, вы пользовались привилегиями, были баловнем судьбы?

- Баловнем не был. Вся привилегия состояла в обязанности достойно представлять свою фамилию. Отец говорил, что причастность к родовому имени – честь, которой мы не можем пользоваться по праву рождения, а должны ее в свою очередь заслужить. Такие же принципы я всегда внушал моим детям.

- Хочется верить, что не без успеха. Зато сами вы, похоже, не все надежды родителей оправдали: вместо фортепьяно – инструмента аристократов – выбрали простонародную балалайку...

- Заметив мои способности к музыке, родители записали меня в русскую консерваторию в Париже, чтобы я брал уроки игры на фортепьяно и был музыкально образован, а вовсе не для того, чтобы стал профессиональным пианистом. Консерваторию я оставил, увлекся русской народной музыкой, игрой на гитаре и балалайке. Отца и мать это немного разочаровало: в их глазах эти два инструмента проигрывали в сравнении с пианино. Наверное, они боялись, что я останусь без образования, без серьезной профессии, стану балалаечником. В то время в парижских ресторанах и кабаре многие русские эмигранты зарабатывали хлеб насущный игрой на гитаре или балалайке. Но игра на балалайке была и осталась моим хобби.

- Хобби – это, конечно, хорошо. А какую приобрели профессию?

- Наша семья жила небогато, я очень рано начал работать. Заочно закончил коммерческий институт, вся моя карьера прошла в сфере промышленности – судостроительной, автомобильной, нефтяной. Работал в совместных деловых проектах с Академией наук СССР и с Газпромом по системам управления газопроводов.

- В молодости вы увлекались парусным спортом, спортивным пилотажем, охотой. Сейчас все в прошлом?

- Почти, но не совсем. Когда отдыхаем с семьей на море, не упускаю возможности оседлать парусник или катамаран. Пилотаж бросил после женитьбы: стало не по карману. Несколько раз довелось сидеть в кабине самолёта. К моему удивлению, некоторый пилотский опыт у меня сохранился. В сезон продолжаю охотиться. Имел до шести легавых собак, осталась одна, английский сеттер. Сыновья увлекались водными лыжами, прошлым летом заинтересовались парусом.

- Что читаете? Какие книги можно увидеть в вашей библиотеке?

- В кабинете, где я сейчас говорю с вами по телефону, – книги по истории России, в другой комнате – о дворянских фамилиях, ну и, конечно, русские классики. Безусловно, есть французская литература, которую я люблю и неплохо знаю.

- Какие надобности вас приводят в Россию?

- Раньше – дела службы, теперь – больше потому, что люблю там бывать, общаться с русскими людьми. Принимал участие в издании книг о Суворове, об адмирале Ушакове, об освободительной войне на Балканах 1877-1878 годов и о периоде Гражданской войны в России. Участвовал в создании на Дону памятника генералу Маркову, в Болгарии – генералу Скобелеву. Минувшим летом был на открытии памятника на греческом острове Лемнос. Там расположены два кладбища, на одном из них похоронены казаки Всевеликого войска Донского, на другом – кубанские, донские, терские и астраханские казаки.

- Почему вас привлекают к издательской работе? И, кстати, сами не пишете книгу о княжеском роде Трубецких?

- Нет, этим занялись другие члены нашей семьи. Да и прежде много было написано на эту тему, могу только преклониться перед тем, что сделали мои родственники. Мое участие в издании книг объясняется просто: я увлекаюсь русской военной историей.

2010 год во Франции объявлен годом России, а для нас, потомков русских эмигрантов, это год исхода, изменившего судьбы отцов. Созданное ими в 1923 году Гвардейское объединение просуществовало до начала 1990-х, когда большинства его членов уже не было в живых, и тогда их дети, внуки и правнуки учредили Общество памяти императорской гвардии, я сейчас явля-

юсь его председателем. Каждый год 13 декабря мы собираемся у могил российских офицеров-гвардейцев на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, чтобы отслужить панихиду, а в день Андрея Первозванного, покровителя гвардии, проводим торжественный молебен.

Меня радует, что сегодня в России проявляют интерес к периоду истории, за время советской власти практически стертому.

- Не маловато ли одного интереса для россиян с их проблемами?

- Часто бывая там, слышу: «Всё не так, как надо, настоящее гражданское общество не создано...» – и привожу в пример Францию, в которой живу и в которой это общество создавалось не десятками лет, а, по крайней мере, двумя-тремя столетиями. Тех, кто сетует – мол, страной управляют олигархи, авантюристы и чекисты – спрашиваю: кто такие Форды, Рокфеллеры, Моргань? Олигархи! Которые в конце концов построили богатую, экономически могущественную страну. Были и авантюристы, но они постепенно поняли, что на одной аванюре не продержишься. Что до российских спецслужб, то им досталось тяжелое наследство от прежнего КГБ: вместо разведки и контрразведки, как в любой нормальной стране, была политическая полиция. Этот камень еще долго будет давить на их репутацию. Но мы живем в переходном процессе, миновать его еще никому не удавалось...

- Характерная вышла у вас оговорка: «мы... в переходном процессе». Сознательно отождествляете себя с Россией?

- Да. Потому что мы все – россияне.

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В ДОМЕ ИСПАНЦА

Антонио Преса, ИСПАНИЯ: «Мне скоро 72 года, и я говорю себе: кто ты такой?»

Мечтать, равно как хотеть, – не вредно. Например, о том, чтобы люди во всем мире перестали различать друг друга по признакам национальным, религиозным и расовым. На нашем с вами веку это уж точно не произойдет, но если по молодости или наивности вы все еще верите в чудеса, которых, как известно, не бывает, то за них вполне может сойти житейская история, подобная вот этой...

Позвонил в Мадрид моей доброй знакомой, и она как бы между делом упомянула про мужа подруги, который, услышав на пластинке песню «Мы русские» в исполнении Жанны Бичевской, воскликнул: «О, это про нас поют!..» Выждав паузу, Ирина Олеговна добавила, что муж подруги – испанец чистых кровей. И продиктовала мне, вконец заинтригованному, номер телефона Антонио Преса и его жены Светланы Ильиничны, в девичестве Эткиной.

Антонио Преса: - Мое полное имя – Мануэль Антонио Преса де ла Куэста, в российском паспорте я записан – Антон Эммануилович. Дружья зовут Антон, жена, ласково, – Антоша.

- С чего вдруг у вас, гражданина Испании, российский паспорт?

- Очень просто. После того как в августе 1991 года Ельцин поднялся на танк с триколором в руках, я написал ему письмо, в котором заявил, что теперь, когда в России вместо серпа и молота – двуглавый орел, я хочу иметь гражданство этой страны, поскольку воспитывался и рос в русско-украинской семье, с детства говорю по-русски, чувствую себя не испанцем, а русским. И мне пошли навстречу. Новый российский паспорт я получил одним из первых. Приехал в Москву, показал его моим друзьям. Они смотрят, удивляются: неужели у нас тоже будет такой? Я говорю: ну, конечно.

- И много у вас друзей в Москве?

Светлана Эткина: - В основном с моей стороны, дружья и подруги детства. Когда я им впервые представила моего мужа,

они были поражены: ожидали увидеть какого-нибудь дона Педро или дона Хуана – а он не знал ни одной испанской песни, вообще ничего не хотел знать об испанском фольклоре, всем говорил: я русский. А как одевался! Летом в тельняшке, зимой – в пальто хрущевского типа с серым каракулевым воротником. Мой первый муж тоже был испанцем, так что я в курсе всего испанского. Получилось, что мы с Антошей поменялись ролями: я испанизировалась, он обрусел.

- Как это вас угораздило, Антон Эммануилович?

А.П.: - Мой отец Мануэль Преса Алонсо был военным летчиком, генералом авиации, во время гражданской войны в Испании дрался на стороне Франко против республиканцев, которых поддерживала Москва, летал на бомбардировщике Junkers-88. Защиту этим тихходным машинам обеспечивали истребители, их пилотировали русские белоэмигранты, прибывшие из Франции и других стран сражаться против коммунистов. Когда война закончилась, русский летчик Игорь Марченко остался в Мадриде, работал телеграфистом, подружился с моим отцом. Отец мечтал, что я стану дипломатом. Сказал, что для этого мне сначала следует выучить английский язык, и лучше всего это делать в Англии. Марченко посоветовал отправить меня в Лондон, к его друзьям из русско-украинской эмиграции, обещал пристроить в приличную семью. Отец согласился. Так в 1946 году, восьмилетним мальчиком, я попал в семью Аркадия и Нины Варавва. Родители им платили за мое содержание.

В доме была большая библиотека русской и украинской классики, я там почти все книги перечитал. По воскресеньям русские и украинцы вместе с детьми собирались в каком-нибудь недорогом ресторане, устраивали собрания политические, произносили речи. Я расспрашивал взрослых о стране, которую они были вынуждены покинуть. Обо мне говорили: «Вот если бы наши дети так же любили Россию, как этот юный испанец!..» Там я прожил до двадцати лет.

- Странно получается: отправились в Лондон учить английский язык, а вернулись со знанием русского.

- Ничего странного. Цель была достигнута: английский язык я выучил. Узнав, что еще учу русский, отец за меня порадовался, сказал: два языка лучше, чем один. Зато в родном испан-

ском я спотыкался, с тех пор в нем остался сильный акцент, так сами испанцы утверждают. Вы мне можете не поверить, но когда я вернулся в Мадрид и решил поступать в университет, то сделал много ошибок в письменных тестах на испанском языке. Пришлось родителям нанять преподавательницу, чтобы учила меня грамматике.

Дипломата, как мечтал отец, из меня не вышло, я закончил университет в Саламанке, юридический факультет...

-...и работали кем – адвокатом, следователем?

- Нет, вначале присяжным переводчиком при министерстве иностранных дел Испании, потом в авиакомпании Iberia, где в то время отец был командиром экипажа на самолете Super Constellation, летал в Америку и по всему миру. Я думал, что он покинул военную службу из-за денег: пилотам гражданских авиалиний платили больше, чем армейским генералам. Все оказалось гораздо серьезнее: отец не сам ушел из армии – его выгнали. Он когда-то состоял в масонской ложе, и хотя впоследствии ее покинул, но в картотеке оставался. Известно, что Франко преследовал коммунистов и масонов. К счастью, отцу не помешали перейти в гражданскую авиацию.

В авиакомпании думали-гадали насчет меня: что с этим молодым человеком делать? Университет закончил с грехом пополам, юриста из него не вышло. Используя мое знание языков, отправили сначала представителем компании в Стамбул, через два года перевели на такую же должность в Варшаву, позже – в Будапешт. В каждом из этих городов я учился говорить на языке данной страны. А моя первая жена была из Польши...

С.Э.: - Нет, ты скажи, почему женился на ней: потому что она любила русских.

А.П.: - Да, это верно. Я ездил в Аушвиц, чтобы своими глазами увидеть скорбное место, в котором нацисты уничтожили тысячи евреев и поляков. На обратном пути в самолете сидел рядом с миловидной девушкой в мини-юбке. Она увидела, что я держу в руках изданную на русском языке брошюрку об Освенциме: «Ах, вы читаете по-русски!..». Мы познакомились, я узнал, что она из Варшавы, мама ее – фольксдойче, каких в Польше было немало, отец – белорус, ей от него перешел русский язык. Я в нее влюбился, женился. Но жить с ней оказалось невозмож-

но: она пила! Как всякий смертный, я и сам любил водочки выпить в праздник, в хорошей компании, с хорошей закуской, – но благодаря ей я водку возненавидел! В семь часов вечера с ней уже нельзя было разговаривать, она становилась агрессивной, плохо соображала. Представить себе не можете, как это тяжело!..

- Могу, но, к счастью, не на собственном опыте.

- Через двенадцать лет мы разошлись. А со Светой у нас все хорошо.

- Любопытно, как вы с ней встретились. Расскажите...

С. Э. - Он не расскажет, лучше я. Сначала немного о себе. Мой отец Илья Эткин был коммерческим директором Московского авиационного завода, в 37-м арестован и расстрелян, в 57-м реабилитирован. Маму, Нину Борисовну Ушеренко, и ее приятельницу Еву, чей муж тоже был арестован, исключили из партии. Дядя по материнской линии Абрам Борисович Ушеренко был вторым секретарем Курского обкома ВКП(б), его обвинили в троцкизме, в апреле 38-го расстреляли. Его сыну Александру на комсомольском собрании предложили отречься от отца, он ответил, что этого не сделает. Началась война, он ушел на фронт, храбро воевал, был награжден, а война кончилась – его посадили, отсидел десять лет в лагере. Самое ужасное, что я росла, все принимая как должное, мне говорили: лес рубят – щепки летят, были ошибки, партия их исправила. Прошло много времени, пока я поняла, как страшно было жить в таком обществе...

Когда мы остались без отца, нам помогала мамина сестра Ирина Борисовна, стала для нас второй матерью. Коммунистка и сталинистка, она дружила с Полиной Жемчужиной, говорила: все, что делает партия, – правильно. Но музыке я выучилась только благодаря ей. Окончила музыкальное училище при консерватории по классу скрипки, меня распределили в Сталиногорск Тульской области, сейчас это Новомосковск, я там преподавала в музыкальной школе. Преподавателем вокала был испанец Педро Сепеда Санчес, он девять лет отсидел в лагере строгого режима под Карагандой...

- Какое преступление мог совершить в СССР испанский музыкант?!

- В 1937 году, в разгар Гражданской войны в Испании, три тысячи испанских детей-беженцев прибыли пароходом в Совет-

ский Союз. Педро был среди них. Учился в московской школе вместе с детьми лидеров испанской компартии Долорес Ибарри, Рубена Гальего. Получил музыкальное образование. Через два года после окончания Второй мировой войны захотел вернуться на родину, подал документы – отказ, второй раз, третий – отказ. Он был солистом театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. В лагерь попал после сорвавшейся попытки побега в сундуке с дипломатической почтой, которую отправляло из Москвы в Буэнос-Айрес посольство Аргентины. Арестовали четверых испанцев, в том числе Педро, ему было тогда 26 лет. Всем дали по 25 лет лагерей. Хорошо, что не расстреляли. После смерти Сталина их всех выпустили.

Педро приехал в наш город с женой и дочерью. Хотя он был старше меня на 15 лет, но у нас с ним начались романтические отношения. Кончилось тем, что я разбила семью. Мы с Педро поженились. Дождались его реабилитации, уехали в Москву. Он устроился корректором в газету Novedades de Moscú, это испанский вариант «Московских новостей»; работал, потом захотел вернуться в Испанию. Поначалу я даже слушать не желала об отъезде, но он настоял, и в 1966 году мы втроем – муж, я и наш пятилетний сын Илья прибыли в Мадрид. Меня как скрипачку взяли в оркестр телевидения, но когда у нас с Педро родилась дочь Анна-Мария, я перешла на работу в офис. Муж в 1984 году скончался от инфаркта: не выдержал наркоза во время операции на глазах. Два года я ходила во вдовушках. Однажды подходит ко мне сотрудница, протягивает газету Segunda Mano, а там объявление: мужчина 48 лет ищет знакомства с женщиной, говорящей по-испански и по-русски. Я написала письмо, пришел ответ. Вот уже 24 года мы с Антошей вместе.

Мой сын Илья – музыкант, флейтист, русским языком владеет неплохо, но предпочитает испанский. Анна-Мария – библиотекарь в английской школе, по-русски говорит немного, больше понимает. Это мой промах. Когда мы приехали в Испанию, у нас не было русского окружения: ни школы, ни соседей.

А.П.: - Я вернулся в Мадрид в середине 80-х, встретил Светлану, женился. И продолжал любить Россию, русскую литературу и песню. Сам не заметил, как в меня эта любовь вошла. Чувствовал себя свободно с родителями – остальных испанцев вос-

принимал иностранцами. Они точно так же на меня смотрели. Теперь немного страдаю от этого. Мне скоро 72 года, и я говорю себе: кто ты такой? Испанцем себя не чувствую, англичанином – тоже нет. Получается – я русский, да? Как вы считаете?

- Не берись судить. Вам виднее.

- У нас в Мадриде было русское землячество, я туда ходил, со многими встречался...

С.Э.: - Даже с урками. К нам приходили уголовники с наколками, отсидевшие в лагерях, прошедшие огонь и воду. А ему лишь бы русские...

А.П.: - Урки говорили на фене, я у них много слов выучил.

- Вообще-то на фене не говорят – по фене ботают.

- Правильно. Значит, я ботаю.

- Тогда скажите, что такое – углы вертеть на бану?

- Не скажу, не знаю. Что?

- Воровать чемоданы на вокзале. Слово «лопатник» что означает?

- Кошелек, бумажник.

- Правильно. А рыжие котлы накинуть?

- Впервые слышу.

- Рыжие котлы – золотые часы, накинуть – незаметно снять с руки. Только не думайте обо мне плохо: я хоть в послевоенном детстве набрался этих словечек, но уркой не стал. Зато теперь был вам полезен. Еще какими приличными языками владеете помимо фени?

- Я и сейчас неплохо говорю по-польски. Прекрасно знал украинский, но теперь запамятовал.

С. Э.: - Не забудь португальский, ты его выучил, влюбившись в португалку.

А.П.: - Часто смотрю передачи по-английски, чтобы не забыть язык. Но на первом месте остается русский. У нас дома есть русское телевидение.

- Все время смотреть в голубой экран – это же скука смертная! Чем разнообразите жизнь?

С.Э.: - Раньше у нас был семейный оркестр, сын играл на флейте, я на скрипке, дочь на фортепиано. Сейчас дети взрослые, живут отдельно.

- Сами играть продолжаете?

- Нет, абсолютно. Перестала заниматься, скрипку в руки не беру. Так, как я хочу, не выходит, а плохо – не хочу. Пытаюсь приобщить Антошу к классической музыке – не получается. Приходится чуть ли не за уши вытаскивать его на концерт. Классическая музыка его не интересует, он признает лишь русские песни, фольклор.

А.П.: - Неправда, я люблю слушать Чайковского, Глинку. Что-нибудь легкое...

С.Э.: - Ну да, «для мам и пап». Он очень смешно рассказывал, как у них в доме, если по радио передавали вальсы Штрауса, родители садились перед приемником – никто не мог в это время входить в комнату: «Мама и папа слушают классическую музыку!...»

У нас большой дом, в нем разные зоны обитания: Антоша садится к своему телевизору, я – к своему. У меня свое радио, свои пластинки, у него – свои. Новости на русском языке слушаю по Би-Би-Си. Антон считает эту радиостанцию «вражьим голосом»...

А.П.: - Потому что я жил в Англии и знаю, как плохо там относятся к России и к нам, русским.

Мое отношение к музыке вот какое: я всегда обожал русскую фольклорную песню, теперь такой нет. Кто сейчас поет – Надежда Бабкина? Очень далеко ей до Зыкиной.

Раньше зачитывался книгами Толстого, Чехова, поэзией Пушкина. С возрастом захотелось чего-нибудь полегче, теперь читаю русские детективы: Дашкову, Маринину...

- Вы второй раз женаты, первая жена также была из «наших». Иная испанка могла за это точить на вас зуб...

С.Э.: Можно, я отвечу за него? Да, точили зуб, и не один. В авиакомпании Iberia он пользовался успехом у слабого пола, особенно у разведенных, считался завидной партией. Когда узнали, что Антонио ухаживает за русской женщиной, какая-нибудь из дам, проходя мимо, не отказывала себе в удовольствии вслух произнести популярный в Испании лозунг: Consume productos nacionales – употребляйте национальные продукты. Негромко, но так, чтобы он слышал. Намек давали ясный: испанцу следует жениться на испанке.

- А он их не послушал. И, похоже, не жалеет об этом.

А.П.: - Скажу вам как мужчина мужчине: испанки, на мой взгляд, не очень красивые женщины. Мне они не нравятся физически. Вот ты смеешься, Света, но я правду говорю. В московском метро, подымаясь или опускаясь на эскалаторе, смотрю на встречную публику – очень много красивых женских лиц. Включу российское телевидение – какие красавицы! Выйду на улицу, гляжу на встречных испанок: угловатые лица, длинные носы, почти все лупоглазые. Есть, конечно, исключения – так ведь и среди русских женщин встречаются некрасивые лицом...

- Ваше счастье, что испанки, да и испанцы тоже, не читают по-русски. Представляете, что бы они с вами сделали, попадись им на глаза газета с этим интервью?

С.Э.: - Ой, ради Бога, об этом даже подумать страшно!..

А.П.: - Но я же никого не хочу оскорбить. Просто говорю то, что думаю. Россиянки по сравнению с испанками более женственны, любят очаг семейный...

- Скажите по секрету: ваша жена красивая?

- Света очень красивая! И лицом, и душой.

- Поверю на слово... Немного пообщался с вами – и снова, как в старом еврейском анекдоте, захотел в Испанию, куда раньше уже хотел...

С.Э.: - Так приезжайте, будем рады. Увидите, что Антон у нас человек откровенный, экспансивный, немножко наивный, но не потому, что похож на испанца. Испанцы – другие совсем.

Антонио Преса: - Это превратное представление об испанцах, будто они такие уж экспансивные. Да, они много смеются, рассказывают анекдоты, но в то же время они скрытные, осторожничают, боятся, как бы чего не вышло...

- Вы опять называете испанцев – «они», а русских – «мы», я не ослышался?

Светлана Энтина: - Нет, вы не ослышались. Он даже о своей сестре и двух братьях рассуждает так, словно они иностранцы. По-моему, это единственный случай...

КУЛЬТУРА

Бахтияр КОЙЧУЕВ

ИСКАТЬ ПУТИ СБЛИЖЕНИЯ

В статье руководителя издательства «Раритет» Виктора Кадырова «Кризис чтения – кризис духовности»¹ затрагиваются актуальные проблемы книжного дела в Кыргызстане, а состояние культуры характеризуется как «гуманитарная катастрофа». Меня, как человека по роду своей деятельности связанного с книгами и чтением, не могут не волновать вопросы, затронутые в данной статье. Позволю себе продолжить начатый разговор.

В японской литературе есть образ-символ, неизменно привлекающий моё внимание, – «зелёная веточка, трепещущая на ветру» – символ быстротечной бременной человеческой жизни. Именно о ней, заброшенной в космический простор, думают жители «страны восходящего солнца», наблюдая за цветком сакуры. Да! Человеческая жизнь одна! Но сколько раз можно наблюдать цветение сакуры, постигая смыслы жизни? Не знаю, от кого это зависит. Может от Бога, судьбы, или ещё чего-то там, на непознаваемых измерениях, где намечаются людские пути. Однако можно прожить долгую жизнь, но так и не увидеть цветение сакуры; а можно вновь и вновь вдыхать аромат цветущих цветов, созерцать белые лепестки, трепещущие на ветрах жизни, на фоне извечно голубого неба.

¹ См.: Литературный Кыргызстан. – 2010.– № 1.– С. 180 – 187.

Я сравнил бы созерцание сакуры с чтением, открывающим новые миры в душе и космосе, позволяющем преодолеть экзистенциальное одиночество и ощущение конца, осознать себя частицей целого мироздания, и с мудростью стоической смириться с великими таинствами Бытия и Инобытия.

О значении книги и величии писательского труда сказано немало. Тема «рукотворной скрижали и нерукотворного слова» одна из сквозных в мировой литературе, восходящая, скорее всего, к архаическим верованиям в сакральное значение и магию слов.

Одним из первых письменных памятников посвящённых данной теме является древнеегипетское стихотворение «Прославление писцов», известное на русском языке в переводе А. Ахматовой:

*Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.*

В оригинальном творчестве А. Ахматовой указанная тема нашла интересную интерпретацию в стихотворении «Читатель», в заключительной строфе которой читаем:

*Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен –
Поэта неведомый друг.*

Действительно, книги живут, пока есть читатель. Об этом утверждает и один из тезисов аналитической философии: «Текст не описывает мир, а вступает в сложные взаимоотношения с миром».

Слово, некогда озарившее человека пламенем разума, включает в себя две составляющие: выражение позиции говорящего – и проекция мира, отображаемого им. С этой точки зрения текст – проговариваемый или письменно зафиксированный людьми, – является отражением точки зрения на мир, происходящие события, выражением эмоций. Можно, с долей условности, говорить, что любой текст есть своеобразный нарратив. Существуют различные толкования этой дефиниции, однако неизменны две со-

ставляющие: Текст и Личность, выражающая через слово своё отношение к миру.

В древнекитайской книге «Перемен» замечено: «Волнующее мира движение заключено в письменном слове»². Представляется, что эта мысль является одним из лучших определений литературы. Художественная летопись времён и народов, исторических перипетий и человеческих судеб, создаваемое в художественных образах по подобию и формам самой жизни искусство слова – это та самая литература, что творит «вторую реальность», существующую уже и по законам красоты.

Аристотель в ставшей хрестоматийной для всех последующих эпох (вспомним метафорику Умберто Эко) «Поэтике» отмечал, что задача творца – «говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости». Таким образом, «историк и поэт отличны (друг от друга) не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей как с метром, так и без метра; но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй – о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьёзнее истории: поэзия говорит более об общем, история – о единичном. Общее состоит в том, что человеку такого-то характера следует говорить или делать по вероятности или по необходимости, – к чему и стремится поэзия, придавая (героям) имена...»³.

Художественная литература даёт возможность философского, но в тоже время образно-эмоционального осмысления мира в сопряжении прошлого – настоящего – будущего, в системной взаимосвязи природного и этнического, историко-культурного и социально-психологического. В этом непреходящее значение художественного слова.

Вместе с тем, сегодня всё чаще приходится слышать, что чтение переживает период кризиса, и всё меньший круг людей

²См.: Алексеев В.М. Китайская литература. – М.: Наука, 1978.

³ Аристотель. Об искусстве поэзии // Введение в литературоведение. Хрестоматия. – М.: Высшая школа, 1979. – С.114.

обращается к художественной литературе. Представляется, что это следствие не только культурных, но и более глубоких цивилизационных, а на постсоветском пространстве и социально-политических факторов.

Литературная жизнь общества того или иного времени охватывает различные, порой неоднородные явления и факты, ей свойственны противоречия и разнонаправленные тенденции, зависящие от разнообразных факторов, обусловленных как собственно литературной традицией, преемственностью, поисками новых художественных средств выражения, особенностями самой специфики искусства слова, так и от многочисленных внелитературных влияний.

В конце XX-го начале XXI веков, особенно в странах бывшего так называемого «социалистического лагеря», осознание роли и функций художественно литературы в системе общественных отношений существенно меняется. На протяжении многих лет литература рассматривалась, прежде всего, с точки зрения познавательной-идеологической, лишь затем эстетической, именно это определяло её место в общественно-политической и культурно-эстетической системе национально-культурной жизни как одной из форм личностно-общественного сознания.

Кризисные процессы в экономической и духовной жизни кыргызстанского общества способствовали изменению места художественной литературы в системе государственно-общественных приоритетов. Фактически государство самоустранилось от влияния на литературную жизнь страны. Писатели Кыргызской Республики получили, с одной стороны, возможность свободного выражения своего художественного мировидения, но, с другой стороны, попали в тиски экономической цензуры, не имея материальной возможности издавать свои произведения, которые стали фактом их личной творческой судьбы, но не явлением общественной жизни. Приходится констатировать, что в Кыргызстане на сегодняшний день отсутствует государственная книгоиздательская политика, способствующая распространению общественно и эстетически значимых художественных произведений. Издание сочинений авторов зависит только от активности, воли и материальной состоятельности самих авторов.

Однако выход в свет в 2008 – 2009 годах поэтических сборников М. Рудова «Стихотворной строкой», С. Сусловой «Акварели осеннего неба», А. Никитенко «Разрыв» и «Нестабильность», Т. Джолдошбекова «Полинезия» – яркое свидетельство того, что поэзия живёт по своим законам даже в кризисные социально-экономические времена.

Поэтический сборник М. Рудова «Стихотворной строкой» представляет разные грани творчества известного литературоведа, литературного критика, переводчика и поэта, нашедшие своё полиграфическое оформление в трёх разделах книги: «Из книги переводов киргизской поэзии», «Стихи из записных книжек», «Осландия. Книга басен». Поэтические переводы М. Рудова из древнетюркской и акынской поэзии, литературы XX века отличает знание национальной народно-поэтической стихии, бережное отношение к поэтическому миру оригинала.

Основательность и поэтическая выверенность свойственна собственным стихам М. Рудова, основная тональность которых философско-эпегической и драматической направленности. «Звукопад» поэтических строк поэта всеобъемлет мир космоса и человека во времени и пространстве:

*Стынут углы в померкшей золе,
Стоном стонут столетние вязы,
В небесах, на воде, на земле
Разрываются старые связи.*

*Это в космосе правят судьбой
Человека, и вяза, и зверя.
Стоном стонет старинный гобой,
Плачет скрипка от каждой потери.*

*К небесам устремляется взор,
Но смущается слух перезвоном.
Стоном стонет стеснённый простор,
Вторит сердце, стеснённое стоном.*

*Наступила такая пора
Звукопада ночного до дрожи.
Это кто же стоит у костра?
Соглядатай? провидец? прохожий?*

В заключительной части книги М. Рудов предстает в знакомой читателю ипостаси баснописца. Этот успешно разрабатываемый им жанр на сегодня единственный в литературной практике Кыргызстана. Басни М. Рудова в аллегорической форме отражают актуальные проблемы современной общественно-нравственной жизни республики.

Разрыв эпох, прошедший сквозь душу поэта, «опалённого огнём неземным», запечатлён в двенадцатой книге А. Никитенко:

*Не разбудишь возвышенным слогом –
хоть распни себя как иудей –
эту землю, забытую Богом,
этих небо проспавших людей.*

*Но глаголю, и виждю, и внемлю.
Оставаться не вправе немым
кто с небес опустился на землю,
опалённый огнём неземным.*

Данное стихотворение характерно для творчества А. Никитенко. Ему свойствен социально-критический пафос, продолжающий гуманистические и эстетические традиции русской классической литературы XIX – XX веков. Показательна в этом отношении мини-поэма «Двадцать четыре», являющаяся поэтическим откликом на исторические события 24 марта 2005 года, завершившиеся сменой политической власти в Кыргызской Республике.

В третьей части книги А. Никитенко продолжает поэтические изыски в «Зоне палиндромона», расширяя её за счёт освоения в данной форме традиционных жанров мировой литературы: здесь он является сегодня, по-видимому, одним из лучших мастеров этого редкостного жанра.

В новом сборнике стихов А. Никитенко «Нестабильность»⁴ ощущается усиление философско-медиативного начала, особенно характерного для пейзажной лирики:

*Скосили травы – сено тонким слоем
Поверх стерни пестреет у ручья,
И пахнет терпким мёдом, ярким зноем
и краткостью земного бытия.*

*А сверху синева без дна и края,
и льётся жар с сияющих высот.
Лежат и пахнут пряно, умирая,
тысячелистник, клевер и осот.*

*Всему свой век, и скошены растенья.
И у покоса грусть меня нашла:
как коротка у них пора цветенья!
Да и моя недолгою была.*

*Кузнечики стрекочут, вьются осы,
И веет в сердце с вянущей стерни,
Что радовали в юности покосы
И горечи полны теперь они.*

Своеобразным промежуточным поэтическим итогом творческой деятельности явилась книга С. Суловой «Акварели осеннего неба». Представляется, что именно этот сборник может дать наиболее полную картину творческого пути С. Суловой. В книгу автором включены стихотворения, которые издателями были сняты по цензурным соображениям и более не публиковались вообще. «Те, что были опубликованы в более поздних сборниках, возвращены в годы их создания и даны в изначальной редакции»⁵. Обращаясь к читателям, издатели книги отмечают: «Размышляющий читатель, к которому обращена эта поэтическая исповедь, сможет зримо представить портрет «времени перемен», написан-

⁴ См.: Никитенко А. Нестабильность. – Бишкек, 2009.

⁵ Сулова С. Акварели осеннего неба. Стихотворения. – Бишкек, 2009. – С. 7.

ный в акварельных тонах – без осуждения и восхваления. Точным поэтическим языком автор передаёт все тонкости исторического перелома, его влияние на человеческую психологию»⁶. Соборность поэтического мира С. Суловой, вбирающего в себя религиозно-философские поиски человечества на земном пути, культурные и эстетические достижения различных народов и эпох, придаёт её произведениям особую философскую глубину:

*Весна. За всем, что было! – парадокс...
Сначала осень кроны обокрала,
Потом всю бесчинствовал мороз,
Мир превратив в бесформенность кристалла,
И небеса без месяца и звёзд
Пророчили уже кончину света,
И сад чернел, похожий на погост,
Как черновик ушедшего поэта...
И вот весна!
Деревья вновь в цвету.
Знак человека видится в соцветьях –
Пять лепестков! Природа на виду
Раскрыла тайну тысячи столетий –
Реинкарнаций суть...
У вишен, груш
Бессчётно звёзд на каждой ветке тонкой.
Воскресло б столько в тьму ушедших душ –
Что с ними делать стали бы потомки?
Как разглядеть в мерцании цветов
Гомера, Гейне, Пушкина, Хафиза?...
...Вот слепок, отраженье парадиза,
Где нет плодов, что мир вкусить готов.*

Показательным для выражения художественного мира С. Суловой является стихотворение «Эй, Сорбон». В качестве своеобразной точки отсчёта и лейтмотива произведения С. Сулова взяла известную газель Саади «Эй, караванщик, замедли ход!»/ С милой душа моя тоже уйдёт...». Лирический герой стихотворе-

⁶ Сулова С. Акварели осеннего неба. Стихотворения. – Бишкек, 2009. – С. 7..

ния медитативно осмысляет жизнь в неумолимом течении времени:

*Караванщик стегает коней –
Жизнь вращается спицами дней.
Словно пленница в коробе лет,
Оглянуться не смею в ответ:
Там душа моя, древний поэт,
Плачет, рвётся за мною вослед.... –*

В этих строках можно уловить буддийский мотив колеса сансары. Обращение к самой знаменитой газели Саади «Эй, караванщик...» придаёт стихотворению С. Суслановой особую философско-психологическую глубину, позволяющую прикоснуться в поэтическом порыве к первоосновам человеческого бытия.

Жанр газели нередко сравнивают с бриллиантом, отливающим на свету различными гранями. Одна из характернейших особенностей газели – это своеобразная многослойность. Каждый бейт газели зачастую носит законченную мысль. С. Сусланова, используя возможности жанра и образно-символические традиции классической восточной поэзии, интерпретируя их в контексте современной эпохи, придаёт своим творениям полифоническое звучание и философскую глубину.

*Саади через десять веков
Не ослабил звенящих оков.
Караван затерялся в песках.
Только голос не гаснет в веках, –
Голос, мною любимый до слёз,
Душу ранит падением звезд:*

*- Не спеши, Караванщик, прошу,
Ведь любовь в своём сердце ношу –
Целый мир умечаю в груди,
Не губи этот мир, подожди!
Караванщик, замедли ход!
Жизнь моя с караваном уйдет...*

*Вслед любви, ускользнувшей в вечность,
Мир взметнётся песчаным смерчем.*

Книга Таланта Джолдошбекова «Полинезия» во многом автобиографична и эгоцентрична, и в этом отношении вполне оправдывает слова А. Блока «Лирика – „я” поэта, его макрокосмос». Вместе с тем, своеобразие стихов Таланта Джолдошбекова в событийной насыщенности, возможно, также исходящей из автобиографичности.

*Не пытай меня, Родина,
На гражданскую вшивость,
Что не сбылось, то пройдено,
А что должно, свершилось.*

*И, согласно традиции,
Мне сегодня до фени
Перестрелки бандитские
Да возня за портфели.*

*Для урока полезного
Кто кого там загрузит,
Не хочу соболезнавать,
Я же родом из Фрунзе.*

*Я из тех, недогрызанных,
Безответных на вызов,
Кого нынче киргизами
Называют кыргызы,*

*Кто тоскует об орднунге⁷,
Только как-то по-горски,
Кого вряд ли под лозунги
Соберёте по горстке.*

*Мы не пали за родину,
Мы не брали бастилий,
И за это нас швондеры
Взяли и опустили.*

⁷ Ordnung – порядок (нем.)

Т. Джолдошбеков выразил в своём творчестве урбанистическое мироощущение поколения восьмидесятых, сформировавшееся в микрорайонах маленького и уютного Фрунзе, где были зелёные дворы, а карагачи были символом жизни, где вода поздней весной растекалась из арыков по тенистым аллеям, а запах цветов в преддверии лета дурманил, пьянил и никак не утолял жажду жизни. Они жили во Фрунзе, выживают в Бишкеке и мечтают о Полинезии. Они из Фрунзе, оставшегося лишь в памяти «девственным осколком счастья».

Стихотворения, вошедшие в главы «Под знаком Девы» и «Больше чем поэт», наиболее лиричны и психологичны, не лишены определённого романтического флёра. Они могут быть интересны читателям разных поколений, и не нуждаются в историко-культурных комментариях, ибо они всечеловечны. Думается, что именно любовная и медиативная лирика Т. Джолдошбекова представляет наибольший художественный интерес, а значит, не теряет свою эстетическую значимость с течением времени.

Историко-культурное состояние и художественно-эстетические поиски современной литературы Кыргызстана на русском языке находят своё отображение на страницах журнала «Литературный Кыргызстан» – зеркала культурной жизни республики. Даже на основе обзора одного номера «Литературного Кыргызстана» можно выявить идейно-эстетические поиски современной литературы Кыргызстана на русском языке. Беру с книжной полки первую, но далеко не последнюю, попавшуюся под руку книжку журнала. Ее открывает повесть Т. Ибраимова «Запах джиды». Основанное на народной смеховой культуре, тонко замеченной и переданной наблюдательным автором, повествование о современной трудной, полной противоречий жизни аила выливается в щемящее и трогательное признание в любви к Родине и Человеку. Оригинальная манера письма Т. Ибраимова, оригинальные истории, о которых рассказывает писатель и которые изобилуют совершенно неожиданными поворотами, заставляющими вдруг по-новому взглянуть на его героев. Не случайно за книгу «Старик и ангел» Т. Ибраимов стал лауреатом «Русской премии» в 2007 году.

Два рассказа Дмитрия Ащеулова «Бальтазар Неверро» и «Кара господня» выражают мироощущение культуры постмо-

дернизма. Фантасмагоричные, полные абсурда и апокалипсической «печати обречённости», рассказы выражают и в то же время пародируют массовую культуру эпохи, «когда кончалась тысяча первая ночь этого безумного города»⁸. Надо заметить, что автор, строя фантастически-сатирическую и апокалипсическую художественную картину мира, идёт от абсурда самой жизни «потребительской цивилизации» XXI столетия, приходящей на смену традиционной культуре.

Рассказ Эмиля Джолоева «Кульчетай» затрагивает одну из актуальных тем современности: «миграционной катастрофы» – оттока русскоязычного населения и поисков лучшей доли и заработка в России коренного населения Кыргызстана. Герой рассказа Бакыт – гастарбайтер, строящий жизнь вдали от родины.

А. Крячун, родившийся в селе Ленин-Джол Джалал-Абадской области, а ныне живущий в Санкт-Петербурге, также представил в журнале два рассказа: «Прикосновение к вечности» – лирико-психологический рассказ о творчестве и мистической любви «двух людей, живущих в разных измерениях»⁹; «Оцепенение» – натуралистическое описание умирающего посёлка «Почтовый ящик № 363». В традициях Эмиля Золя («Жерминаль») описывается деградация людей, оказавшихся на «обочине жизни»: «Посёлок постепенно умирал. Умирали не только дома, трубы, стены завода, штольни и шахты, но умирали и люди. Без музыки, прощальных речей и слёз уходили они в насыщенную ураном землю...»

Жестокая жизнь заставила искать развлечений, которые могли скоротать мёртвое время. И поэтому только здесь: среди отравленных трав, среди людей, забывших вкус поцелуев, у народа с обугленной памятью – мог родиться этот мутант. Только в умах теней, шатающихся среди запыленных радиоактивных домов, мог появиться этот уродливый способ «уничтожения времени»¹⁰.

Раздел «Поэзия» представлен тремя поэтами из «поэтического братства»: С. Сусловой, В. Шаповалова и А. Никитенко.

⁸ Ащеулов Д. Два рассказа. Бальтазар Неверро. Кара господня// Литературный Кыргызстан, 2008. – № 1. –

⁹ Крячун А. Прикосновение к вечности// Литературный Кыргызстан, 2008. – № 1. – С. 129.

¹⁰ Крячун А. Оцепенение// Литературный Кыргызстан, 2008. – № 1. – С. 133, 135.

В преамбуле к разделу совершенно верно замечено: «Не смотря на несхожесть поэтического почерка, именно они представляют сегодня целое поколение русской поэзии Кыргызстана, состоявшееся на стыке двух эпох – XX – XXI»¹¹. Добавим, что на сегодняшний день это наиболее профессиональные и художественно значимые поэты русской литературы Кыргызстана.

В разделе «Публицистика» публикуется материал, представленный Валерием Сандлером, известным киргизстанским журналистом, ныне живущим в Америке. Статья «Если враг оказался... друг, или Достойно ли еврею жить «под немцем»?» является по форме развёрнутым диалогом Валерия Сандлера с Володией (Давидом) Кругманом – художником-дизайнером, некогда работавшим в Киргизии, а сегодня живущим в немецком городке Фюринг. В разговоре двух друзей в искренней личностно-публицистической форме вспоминаются страницы прошедшей жизни, выстраиваются представления беседующих о политической и социальной жизни XX века.

Завершается номер историко-литературоведческой статьёй Г.Н. Хлыпенко «Литературный Кыргызстан» – форпост русского языка и литературы в стране». В основательно написанной статье представлены вехи развития журнала и его вклад в сохранение и развитие русской словесности в Кыргызской Республике. Отметим, что профессор кафедры истории и теории литературы КРСУ Г.Н. Хлыпенко – один из немногих и наиболее последовательных и работоспособных литературных критиков, посвящающих литературно-критические обзоры, литературные портреты и рецензии русской литературе Кыргызстана.

Обзор литературы Кыргызстана на русском языке начала XXI века свидетельствует о том, что художественное слово по-прежнему выражает «волнующее движение жизни», делая сиюминутную жизнь вечной, опалая небесным светом суетность человеческого бытия.

Свидетельством высокого уровня русской литературы Кыргызстана явилась новая книга А. Иванова «Чужой крест». В книгу вошли произведения различных прозаических жанров. Рассказы, написанные в разные годы, отличаются глубоким психо-

логизмом и драматизмом сюжета, что приближает некоторые из них к новеллистическому жанру. Повесть «Беглец» – своеобразный интеллектуально-художественный эксперимент, ставящий героя перед проблемой выживания в социуме и вне его, нравственного выбора. Главная идея произведения наиболее явно, пожалуй, проявилась в следующих строках: «...Что поделаешь, по-дурацки вышло. Что поделаешь.... Нагородили с тобой, конечно. Но и ты тоже хорош! Плечи молодца, а душа мальчика. Ты что ж, брат, от всех отворотился? Крепче верить надо, коли прав. Крепче! На плаху за веру идут! А ты раскис, в бега ударился. Нельзя же так. Ни в коем разе нельзя. Тебя бьют, а ты соберись в кулак, доказывай, бейся до последнего. И если даже повалили тебя, если не удалось – всё равно верь. Голову задери – и верь! Наперекор всем дуракам, бюрократам, плутам и пройдохам. Пусть сегодня они одолеют, но завтра твоя возьмёт. Непременно!»¹².

Венчает книгу роман «Чужой крест». Возьмем на себя смелость утверждать, что это лучшее произведение А. Иванова из более десятка опубликованных им книг. В романе ощущается автобиографическое начало. Сквозь призму повествования о судьбах главных героев автору удалось достоверно передать исторические перипетии XX – XXI, тяжким крестом накладывавшиеся на личностную судьбу людей, участь которых нести «крест свой» на свою Голгофу, а если переложить его на плечи других, то не миновать расплаты-кармы тебе и потомкам твоим. В реалистическое, по сути, повествование А. Иванов не боится включать самые различные художественные средства. Это и аллегории, берущие своё начало в литературе Античности и Средних веков: «Тем временем ангелы, участвующие в возникновении их союза и охраняющие их от нападок тёмных сил, потеряли бдительность и то ли вздремнули со скуки, то ли отлучились куда-то. А свято место пусто не бывает. Бесы давно уже потирали ручки, слушая, как размечтались эти двое, как прикидывают они планы относительно своей безоблачной жизни. Значит, им мало той напасти, которую они подстроили Нике? Что ж, будут ещё и ещё, бесово племя включается в игру по полной программе» (С.426). Не чуж-

¹¹ Литературный Кыргызстан, 2008. – № 1.

¹² Иванов А. Чужой крест. Рассказы, повесть, роман. – Бишкек, 2009. – С. 298.// Далее ссылки на данное издание даются в тексте.

дается писатель и мистики, являющейся своеобразной формой более глубокого выражения психики героев и непознанного человеком таинства жизни. А заключительные строки вполне соотносятся с современной литературой постмодернизма: «А по дорогам планеты, где шоссейным, а где железнодорожным, охватывая как можно больше обжитого людьми пространства, безостановочно мчится весёлый, разудалый поезд, в котором ангелы становятся чертями, черти ангелами – в зависимости от обстоятельств. Кто-то из них селится на время в том или ином краю, чтобы всё позапутать в людском сообществе, довести до краха, а потом исчезнуть, смыться и возникнуть в другой части света с теми же задачами и целями. Мчится и мчится поезд, неся большие и малые потрясения, постепенно расшатывая нашу Землю, сдвигая её с оси. И всё так же на подножке срединного вагона маячит размашистая фигура Женьки Веприкова, похожего на политрука Ключкова, бессмысленно угрожающего небесным пассажирам гранатою...» (С. 524).

В конце XX века А. Иванов опубликовал повесть «Верхом на облаке», вызвавшую большой резонанс в республике. Представляется, что новый роман также станет заметным явлением в современном литературном процессе, поскольку он выражает историко-культурные реалии и эстетические поиски литературы рубежа веков. Заметим, что роман «Чужой крест» отличается творческой свободой самовыражения, а это является одним из главных достижений литературы конца XX и начала XXI столетия.

Литература Кыргызстана на русском языке отличается значительным своеобразием, обусловленным функционированием в «азиатском круге», на изломе эпох и культурных традиций. Свообразием геополитической и этнографической среды обитания, возвращение на стыке культурных традиций русского мира и азиатского бытования наложили неизгладимый отпечаток на мироощущение писателей, творящих свою жизнь и произведения на евразийских просторах.

Существенное влияние на функционирование литературы Кыргызстана на русском языке оказывает ситуация «итога» рубежа веков, пришедшаяся, кроме всего прочего, на кардинальные изменения социальной жизни и духовных поисков общественного сознания. Кризисные явления, носящие глобальный мировой

характер, усугубляются в Кыргызстане социально-экономической неустроенностью и неуверенностью в завтрашнем дне. Всё это отражается на идейно-тематическом содержании литературы, в которой всё ярче и драматичнее звучат мотивы «заката культуры». Однако надо заметить, что мотивы эти в отдельных произведениях воплощаются в достаточно высокохудожественной форме, свидетельствующей, что «волнующее движение жизни» по-прежнему выражается в Слове, ищущем смыслы жизни в новых формах её проявлений.

Литературу часто называют зеркалом, отражающим жизнь. Я бы выразился иначе – это глаза человека следящего за событиями и треволнениями жизни, выражающие чувства и отношение к ней, наблюдающего за драматическими коллизиями человеческого существования, трагическим конфликтом между жизнью и смертью. Взгляд этот может быть разным. То весёлым и жизнеутверждающим, то ненавидящим и негодующим, отрицающим, то грустным, полным вселенской тоски от неизбежности утрат, то любящим, с призрачной надеждой на будущее. Уловить этот взгляд, понять его выражение и донести до современников является задачей литературной критики. К сожалению, в судьбоносное для Кыргызстана время ломки общественного бытия и сознания, поиска путей выживания и обретения своего места на геополитической карте современного мира, литературная критика страны оказалась не на высоте, не выполнив свою главную функцию: вершить суд над современностью, будоражить умы и ставить существенные вопросы человеческой жизни. Литературная критика зачастую носила комплиментарный характер и по преимуществу развивалась в жанре рецензии. Аналитических обзоров литературного процесса, позволяющих поднимать животрепещущие вопросы современной жизни и её отражения в литературе, было крайне мало.

Отметим и низкий уровень, с точки зрения издательской и редакторской работы, выпускаемых в Кыргызстане книг. Многие из них пестрят грамматическими и стилистическими ошибками, не говоря уже о примитивности их содержания.

Видя ужасающее положение дел в этой отрасли, на кафедре истории и теории литературы КРСУ была введена дополнительная специализация «Литературная критика и редактирование».

Данная специализация позволяет готовить специалистов-профессионалов, которые бы не только владели приемами правки текста и подготовки его к печати, умениями и навыками анализа произведений искусства, а через них и общественных явлений современной жизни, но и обладали бы достаточно глубокими теоретическими знаниями в области филологии, психологии, современном издательском деле и других гуманитарных и специальных дисциплин. Надо констатировать, что выпускники с данной специализацией не остаются без работы. Однако востребованы они, прежде всего, как журналисты, редакторы и корректоры, нежели как литературные критики.

Осознавая роль и значение литературной критики в культурной жизни, стремясь поднять её общественное значение и внести свою лепту в формирование литературных критиков новой формации, на кафедре истории и теории литературы было учреждено литературно-критическое объединение «Среда».

В рамках данного литературно-критического клуба проводятся различные мероприятия, способствующие как критической оценке отдельных новинок литературы, так и анализу современного литературного процесса Кыргызстана в целом. Мы провели круглый стол «Пути развития литературы Кыргызстана» и межвузовские дебаты «Русская литература в Кыргызстане. Состояние. Перспективы»; презентацию книг кыргызстанских поэтов Александра Никитенко («Зимняя радуга», «Переворачивая мир») и Светланы Суслевой («Молчание рыб», «Акварели осеннего неба»); заседание дискуссионного клуба кафедры истории и теории литературы на тему: «Поэт и современность», где известные поэты Кыргызстана С. Сулова, А. Никитенко, В. Шаповалов, Т. Джолдошбеков, М. Рогожин и студенты КРСУ в совместном поиске пытались определить место и значение литературы в современном мире; обсуждение поэтического переложения эпоса «Манас» – «Сказание о «Сказании о Манасе» Мара Байджиева», романа Казата Акматова «Архат»; презентацию новых книг Александра Иванова «Чужой крест», «Владимир Плоских» из серии ЖЗЛК, а также исторических романов Аммиана фон Бека.

На заседаниях литературно-критического объединения подвергаются критическому анализу и произведения молодых писателей, по преимуществу студентов, делающих первые шаги в

литературном творчестве. Всё это позволяет участникам литературно-критического клуба не только держать руку на пульсе современной литературы Кыргызстана, но и способствовать формированию творческого сознания нового поколения художников слова республики.

Надо заметить, что встречи с писателями вызывают неподдельный интерес у студентов. Порой они высказывали возмущение теми или иными поступками героев произведений, призывали авторов изменить их финал. Это свидетельство того, что произведения, как говорится, задели за живое настолько, что даже студенты-филологи, забывая о художественной условности, начинали жить жизнью литературных героев, осознавая их как истинно существующих. В Кыргызско-Российском Славянском университете читается курс «Русской литературы Кыргызстана», но ничто не может так стимулировать чтение и изучение литературы, как непосредственная встреча с писателем, когда можно услышать авторское исполнение произведений, проникнуть в творческую лабораторию художника слова, задать волнующие вопросы, высказать собственную точку зрения. И самое главное, такие встречи стимулируют собственное творчество студентов. Так, например, из стихотворений, посвящённых студентами Светлане Суслевой, можно уже составить целую подборку.

Смотрю я на наших студентов, спорящих, взволнованных, сопоставляющих произведения литературы с явлениями жизни, и думаю: вот таких бы читателей, да побольше! Чтобы художественная литература обрела море читательских мнений, голосов, и оно шумело, это море, постигая извечные тайны сокровенного Слова и храня его в своих глубинах для новых и новых поколений. И чтобы при этом все случайное, наносное, примитивное отторгалось, выбрасывалось бы, как выбрасывается на берег морской волной.

В этом контексте любопытна роль медийной литературы Кыргызстана, которая занимает всё большее место в личной и общественной жизни, прежде всего, молодого поколения страны.

Выход произведений в Интернете и более дешёвый вид публикаций и рассчитан на более широкую аудиторию. К тому же, при этом появляется и возможность прочтения комментариев

читателей о своей книге. Не является ли это своеобразной заменой литературной критики? С интересом прочитал обмен мнениями читателей наиболее распространённого в Бишкеке форума Diesel.kg, касающийся широко рекламируемой книги Евы Алли «Азиатская дикая архидея» – образчика бульварной литературы весьма низкого эстетического качества. Точки зрения, представленные на форуме, были самые разные, в том числе и отличающиеся стремлением к определённой аргументации. Однако были и комментарии не просто скатывающиеся на пошлость, но и опускающиеся до личных оскорблений. В какой-то момент в дискуссию включилась и автор. К сожалению, это не облагородило обсуждение, а придало ей более скандальный характер, напоминающий спор базарных торгов. При этом обе стороны: поддерживающая автора, и она сама, и критически настроенные к роману – выглядели не лучшим образом. Я с трудом представляю такую дискуссию, опубликованную на страницах печатных изданий. Всё это привело меня к убеждению о необходимости литературной критики, опирающейся на знания природы художественного творчества и способной объективно судить об эстетической и общественной значимости произведения. Другое дело, что и публикации критических работ, как и самих литературных произведений, должны производиться в самых разных формах, в том числе и электронных. В этом отношении мне представляется очень полезным и долговременным Интернет проект Олега Бондаренко «Новая литература Кыргызстана».

Распространение медийной литературы, как мне кажется, ни в коей мере не заменит книгу. Простите за слишком вольное сравнение, но я бы сказал, что чтение художественной литературы по компьютеру схоже с виртуальной любовью. Экран монитора отстраняет от художественного текста, создаёт дополнительную преграду в постижении художественного содержания. Компьютерное чтение даже в психомоторном отношении отличается от традиционного.

В.Ф. Асмус в статье «Чтение как труд и творчество» верно заметил, что «творческий результат чтения в каждом отдельном случае зависит не только от состояния и достояния читателя в тот момент, когда он приступает к чтению вещи, но и от всей духовной биографии меня, читателя. Он зависит от всего моего чита-

тельского прошлого: от того, какие произведения, каких авторов, в каком контексте событий личной и общественной жизни я читал в прошлом. Он зависит не только от того, какие литературные произведения я читал, но и от того, какие музыкальные произведения я знаю, какие я видел картины, статуи, здания, а также от того, с какой степенью внимания, интереса и понимания я их слушал и рассматривал. Поэтому два читателя перед одним и тем же произведением – всё равно, что два моряка, забрасывающие каждый свой лот в море. Каждый достигнет глубины не дальше длины лота»¹³.

Заметим, что возникновение массовой литературы как общественного феномена связано с распространением грамотности и восходит к эпохе Просвещения, когда возникают первые периодические журналы и книги для чтения. В современном глобально-информационном мире массовая литература приобретает свои особенные черты. Потребительское сознание накладывает отпечаток и на процессы чтения, которое становится не столько предметом получения информации и эстетического наслаждения, сколько способом времяпровождения и своеобразным суррогатом, сублимацией истинных чувств и страстей в поверхностное удовлетворение низменных.

В Интернете встретилось любопытное, с точки зрения выражения обыденного сознания читателя массовой литературы, стихотворение Любови Захарченко:

Кафка, Камю, литературная и личная жизнь

Не спасёт литература мировая
От ошибок по судьбе и при ходьбе.
Спотыкаемся мы, двери открывая,
Набивая шишки свежие себе.

Я старалась полюбить Камю и Кафку.
Я ходила по карнизам и врачам.
Но реальность в мою жизнь внесла поправку –
Я читаю детективы по ночам.

¹³Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество// Вопросы теории и истории эстетики. – М.: Искусство, 1968. – С. 63.

Не воюю. Не лечусь. Не изнываю.
Не гоняюсь за чертями поутру.
Я о Кафке никогда не забываю,
А поэтому и в руки не беру.¹⁴

Действительно, зачем мучить ум и душу извечными вопросами бытия? Не лучше ли заняться бытом? Автору данных строк хочется ответить строками Константина Ваншенкина.

Одному знакомому читателю

Этих книг тебе не прочитать
Ни за что на свете.
Для тебя стоит на них печать,
Ибо книги эти –

Книги для ума и для души,
Разные такие –
Для тебя чрезмерно хороши.
Ты прочтёшь другие.

Здесь на полках – всевозможных книг
Столько тысяч!
Ты проходишь, безмятежно в них
Взглядом тычась.

Самым издаваемым автором 2009 года признана Дарья Данцова. Не будем задаваться вопросом: как ей удаётся писать столько много книг? Это не тот случай, когда количество переходит в качество. Да и технология создания подобной продукции достаточно известна. Думается ни один «литературный негр» поработал на плантациях Дарьи Данцовой. Я прочитал достаточно много её книг. По преимуществу читал по случаю: в поездке, на пляже и тому подобных случаях, когда, как сказал Сомерсет Моэм: «Я скорее стану читать какое-нибудь расписание или каталог, чем не читать вообще ничего». Вот только сегодня фактически не помню ни одной её книги. Дело, думаю, не только в

14 <http://naobiake.narod.ru/stixi2003-6.html>

особенностях моей памяти, но и в самом феномене современной массовой культуры.

Современная литература выражает кризисную эпоху рубежа веков. Возможно, она выйдет из неё духовно обновлённой, но сохраняющей традиции мировой культуры, либо литературой, отражающей новое техногенное общество массовой культуры. Как там будет? Покажет время.

Бесспорно одно. Жизнь продолжается, а значит, будет и Слово, трактуемое и осмысляющее её, ищущее смыслы и передающее опыт и мировидение от поколения к поколению, создающее историю и культуру народов.

Какой будет литература и её читатель? Во многом зависит от общего уровня культуры приоритетов общественного сознания. И здесь, конечно, велика роль образовательных учреждений, прежде всего, школы. Виктор Кадыров утверждает, что школа – «грозное оружие против книг... Всё, что вдалбливается в молодые умы из-под палки обречено на ненависть и неприятие...». С последним тезисом, безусловно, соглашусь. Однако на протяжении нескольких лет, преподавая на Курсах повышения квалификации учителей русского языка и литературы, я имел возможность посмотреть на проблему чтения и со стороны педагогов. Главная проблема в преподавании литературы, на их взгляд, в том, что дети не читают, а винят они в этом родителей. Социологические исследования показывают, что стремление ребёнка к чтению зависит и от того, сколько в доме книг: «Из тех, кто имеет дома свыше ста книг, 91, 6 % регулярно читают художественную литературу. А среди тех, у кого в личном пользовании не более десятка книг, читающих оказалось 51,8%»¹⁵. Конечно в личных библиотеках положение дел может быть разным. Однако школьные библиотеки в идеале должны быть укомплектованы художественной литературой по школьной программе и развивающему чтению. На практике библиотечные фонды, особенно в регионах республики не пополнялись с советских времен. Катастрофически не хватает учебников, а имеющиеся, порой морально устарели и не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. А ведь от уровня культуры населения, в конечном счёте, зависит будущее страны.

15 <http://www.rusmedserver.ru/child/detyoga/67.html>

Когда и каким Кыргызстан выйдет из гуманитарного кризиса зависит от всех нас. Поэтому сегодня, закончив эту статью, я возьму книгу Гёте и пойду к студентам, чтобы вновь поведать им, что «...без души и помыслов высоких/ Живых путей от сердца к сердцу нет», а относительно литературы прочитайте строки из «Западно-восточного дивана»:

Время – гробовщик вселенной,
Но сильнее песен рать.
Каждой строчке быть нетленной,
Как любви не умирать.

Камиль МОЛДОСАНОВ

ОПЫТ ДИЛЕТАНТСКОГО ХЕМИНГУЭ- ВЕДЕНИЯ

21 июля 2010 года исполняется 111 лет со дня рождения Эрнеста Хемингуэя. Хотя его творчество литераторами изучено вдоль и поперёк, оказывается, рядовой читатель – даже сегодня – может обнаружить в книгах Нобелевского лауреата ошибки и заблуждения. Автор нашёл некоторые «ляпы» и «нестыковки» в известном произведении Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Имеется в виду перевод с английского языка М. Брука, Л. Петрова и Ф. Розенталя, который до сих пор тиражируется вместе с ошибками, включая электронную версию книги (впервые русский перевод романа Э.Хемингуэя “A Moveable Feast” вышел в издательстве «Прогресс» в Москве, в 1966 году). В 1960-ые годы эта небольшая книжка Хемингуэя стала «культовой» в среде советской интеллигенции. Незадолго до её издания вышли мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Именно из них советские люди шестидесятых впервые узнали о художниках парижского авангарда и персонажах монпарнасской богемы 1920-ых годов. А книга Хемингуэя дополняла эти воспоминания – других-то источников не было. Монпарнас и его кафе Хемингуэй описывал так, как впоследствии воспел дворы Арбата Булат Окуджава.

Мне довелось поработать некоторое время во Франции, в Страсбурге. И в один из французских праздников решил я осуществить мечту студенческих лет – побывать в Париже, побродить по местам Монпарнаса, упомянутым Хемингуэем в его «Фиесте» и «Празднике, который всегда с тобой», заглянуть в описанные им кафе, где собирались поэты и художники 1920-ых...

– А Вы знаете, КамилЛЛЛль..., – Элоди старательно выговаривала моё имя, произнося «Л» с экспрессией поболе, чем Высоцкий («Я – Як-устребитеЛЛль!! ... Небо – моя обитеЛЛль!!») ... Во французском языке Camille – это «Камий», но Элоди хотелось называть меня правильно, хотя ей было и трудно артикулировать неродные звуки. Звучало забавно, и старательность Элоди вызвала чувство признательности и уважения к этой милой аккуратной секретарше моего шефа.

– А Вы знаете, КамилЛЛЛль, 14 июля – это ведь день Святого КамилЛЛЛля, и это – Национальный праздник Франции, – со значением произнесла Элоди, желая сказать мне приятное. И отметила в табели посещаемости взятый мною так называемый «мостик», день за свой счёт (понедельник или пятница, когда праздник через день стыкуется с выходными).

– Отречёмся от старого ми-и-и-ра,

Отряхнем его прах с наших ног!

Мы не чтим золотого кумира,

Ненавистен нам царский чертог!

Мы пойдём к нашим страждущим бра-а-атьям,

Мы к голодному люду пойдём..., – пропел я на мотив «Марсельезы».

– ???!!

– Да, Элоди. «Марсельеза» была гимном России между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, а в советской школе мы разучивали революционную песню на её мотив. – Кажется, по реверансам мы с Элоди стали квиты. Вместе со взятым «мостиком» у меня впереди было четыре дня в Париже!

...Я сидел в «Ротонде», воображая, что могли бы видеть его завсегда из окон этого богемного кафе, когда вдруг по Rue Breteuil с шумом пронесли бронетранспортёры и боевые машины

пехоты, возвращавшиеся с парада на Елисейских Полях. БТРы и БМП мне показались чересчур высокими, а силуэт – такая же важная тактико-техническая характеристика, как и вооружение, скорость, маневренность. «Да, наши менее уязвимы будут, чем эти натовские», – с удовлетворением отметил я, и выпил за мир во всём мире...

«За мир во всём мире»... Лозунг 1960-ых, времени правления Никиты Сергеевича... Любопытная деталь сегодняшнего Монпарнаса: возле кафе с американскими барами (они появились в 1920-ых годах, когда Город Света стал наполняться американскими экспатриантами) стоят флажки с французским флагом. Они как бы парируют надпись Bar American. Я заметил такое «соперничество» возле «Селекта» и «Куполь», куда любил ходить Эрнест Хемингуэй. Наверное, флаги появились в деголлевские времена (де Голль недолюбливал американцев, сторонился их и даже вывел Францию из НАТО)...

...В 1960-ые гг. было модно обращаться друг к другу: «Старик, ...», носить свитер толстой вязки и бороду «по Хему», хмуро-скептически относиться ко всему вокруг – быть «крутым» в терминах сегодняшнего дня. Только нужно было быть ещё и интеллектуалом («Ты не знаешь, что такое синекдоха, старик?». Не знать было стыдно). «Старик, удивляться – дурной тон», – учил меня заповедям времени старшекурсник, сосед по общаге, попыхивая трубкой с табаком «Капитанский»...

...Вошедших в моду джинсов тогда купить было нельзя. Их ребята шили из брезента, и были они столь жёсткими, что запросто стояли в углу, пока их владелец спал. А толстый свитер с рукавами «реглан» вязали из общежитского одеяла, распускаемого на пряжу (монгольская шерсть!), – на лекциях по философии или истории физики (лектор внизу аудитории не видел, что делается сверху). Стены комнат в общежитии украшали прилепленные скотчем репродукции Чюрлениса, фотографии Бриджитт Бардо из польского «Экрана» и, разумеется, портрет бородатого Хема – ну, в том самом толстом свитере. Образ Хема-супермена довлел. Воплощением этого образа-облика был журналист Юлиан Семёнов, автор «Штирлица». Он очень любил творчество Хемингуэя и сам старался внешне походить на Хема с фото. Именно Ю.Семёнов ввёл в молодёжный жаргон обращение

«старик» – вероятно, под впечатлением от повести идентифицировал Хемингуэя со стариком Сантьяго. Мы тогда удивлялись его репортажам из Европы: ему было дозволено невозможное – встречаться со Скорцени, белой эмиграцией, искать янтарную комнату, колесить по хемингуэйевским местам Франции, Испании и Австрии. Когда Эрнест покончил с собой, Юлиан Семёнов получил много телеграмм с выражением соболезнования, и с большим пониманием воспринял их...

Но ближе к теме...

Из любопытства посетил я и *«мрачное кафе с дурной репутацией, где собирались пьяницы со всего квартала»* – с него начинается «Праздник...» Хемингуэя. На площади Контрэскарп, на полпути между квартирой, которую Хем снимал, и отелем, где он писал статьи для торонтской газеты, находилось кафе «Для любителей» (“Cafe des Amateurs”). Мимо него Хем проходил ежедневно, его он весьма живописно описал в первом рассказе. Там, где сейчас фонтан на площади, в годы, о которых речь в книге, находилась конечная остановка автобуса, а Хем жил неподалёку, на улице кардинала Лемуана, 74. Отель тоже находился недалеко, на соседней улице Декарта. Эти улицы как бы втекают на площадь Контрэскарп, а рю Муфтар – вытекает и идёт вниз, к небольшой площади возле церкви Сен-Медар.

Сегодня трудно себе представить, что в Париже, в районе площади Контрэскарп по утрам запросто гоняли стадо коз и люди выходили из домов, чтобы купить козьего молока. Но Хемингуэй наблюдал это из своего окна, и *«козы глазели по сторонам и вертели головами, как туристы»*. Я тоже глазел по сторонам и вертел головой. Вот и сегодня на площади Контрэскарп можно увидеть вывеску кафе «Веселый Негр» (“Au Negre Joyeux”), которое упоминается в романе Хемингуэя «И восходит солнце»: *«Мы перешли мост и поднялись по улице Кардинала Лемуана. Подъем был крутой, и мы шли пешком до самой площади Контрескарп. Свет дугового фонаря падал сквозь листья деревьев, а под деревьями стоял готовый к отправлению автобус. Из открытых дверей кафе «Веселый Негр» доносилась музыка. В окно кафе «Для любителей» я увидел длинную, обитую цинком стойку»*.

По-видимому, слово «негр» у французов и сегодня не ругательное. А кафе «Для любителей» пережило реинкарнацию: одно время оно называлось “La Chope”, а сегодня это “Cafe Delmas”. Оно уже не похоже на «клоаку узкой торговой улицы Муфтар» – стало вполне нормальным парижское кафе. И Mesdames, Messieurs совсем не похожи на *«дурно пахнущих завсегдатаев»* кафе «Для любителей» 1920-х годов.

Хемингуэй не любил не только обитателей кафе «Для любителей», но и «Ротонды»: *«...настоящие артисты Парижа, создающие подлинные произведения искусства, не ходят сюда и презирают завсегдатаев «Ротонды»... «Почти все они бездельники». Хем ходил в “Dome”, где сидели «люди, которые хорошо поработали»*.

А вот «славное кафе на площади Сен-Мишель», в котором Хемингуэй писал рассказ «У нас в Мичигане», я не нашёл. (Странно, что Эрнест не указал его название – обычно он был очень конкретен с названиями мест, где работал). На площади Сен-Мишель, на набережной Сены Quai St-Michel, находится кафе “Le Depart Saint Michel”. Раньше оно называлось “Le Soleil d’Or”, и в этом кафе, начиная с 1903 года, проводились поэтические вечера журнала “La Plume” («Перо»), в них участвовали Аполлинер, Альфред Жарри, Андре Сальмон, Поль Фор... Но вскоре вечера зачали – по предположению Аполлинера, из-за нового названия кафе: “Le Soleil d’Or” было переименовано в “Au Depart” (это можно перевести как «В час расставания», «При отъезде»). По мнению Аполлинера, новое грустное название кафе и ускорило провал поэтических вечеров. Мне и подумалось: может, это бывшее поэтическое кафе и было тем «славным кафе на площади Сен-Мишель»? Может, именно сюда сначала приходил Аполлинер, а потом – Хемингуэй?

...В *brasserie* «У Липпа» я неосмотрительно заказал к пиву тартар из говядины, хотя собирался заказать хемингуэйевский картофель с уксусом, красным перцем и оливковым маслом *Pommes a l’huile*, упоминаемый в рассказе «На выучке у голода». Вообще-то, тартар – это сырое мясо, напоминающее фарш, его готовят из разного мяса и даже рыбы. Некстати возник вопрос: а

ведь французы едят лягушек, и вероятно, они готовят тартар и из лягушачьих окорочков; следовательно, выходило, они едят сырых лягушек?.. Бр-р-р... «Хватит тебе пива», – сказал внутренний голос...

Сидя у «Липпа», Хемингуэй размышлял о своей новой теории: из рассказа *«можно опускать что угодно при условии, если ты знаешь, что опускаешь»*, – тогда это лишь укрепляет сюжет и читатель чувствует, что за написанным есть что-то, еще не раскрытое...

...теперь я научился писать рассказы так, что их не понимают. Это совершенно ясно. И уж совершенно несомненно то, что на них нет спроса. Но их поймут – точно так, как это бывает с картинами. Нужно лишь время... Я напишу длинный рассказ о том, что знаю лучше всего.

К этому времени я уже расплатился, вышел и, повернув направо, пересек улицу Ренн, чтобы избежать искушения выпить кофе в «Дё Маго», и пошел по улице Бонапарта кратчайшим путём домой».

Вот это мне непонятно – какое искушение выпить кофе может появиться после полутора литров пива с картошкой (я подсчитал)?! Что-то в этом непарижское – после пива пить кофе. А может, в этом есть что-то стимулирующее? Ведь Хемингуэй, выйдя от «Липпа», целенаправленно пошёл не домой, а «к рабочему столу» – в кафе «Клозери де Лиля», где заказал *café-creme* и сел писать *«рассказ о возвращении с войны, но война в нем не упоминалась»*.

С 12:00 до 14:00, когда вся Франция обедает, у «Липпа» собирается парижский политический бомонд и за обедом перекидывается мнениями (ресторан – на полпути между Сенатом Франции и Национальным Собранием). Так как здесь обедают телезвёзды, министры, банкиры, актёры и даже президенты и короли, говорят, «если кто-то вскочит из-за стола и окликнет вас по имени, когда вы проходите мимо Brasserie Lipp, то ваше карьерное будущее гарантировано навсегда».

Я сидел за своим тартаром и пытался угадать, кто здесь из бомонда, но, наверное, нужно пожить во Франции дольше, чтобы узнавать их в лицо. Я даже известных киноактёров не заметил. Да и меня никто из-за своего стола не окликнул, хотя официант

посадил меня лицом к залу и я видел своё отражение в зеркальной стене, у которой сидел Хемингуэй в своём рассказе...

Во времена бедствовавшего Хема «Липп», очевидно, не принадлежал к числу VIP-ресторанов: голодный Хем ел, *«собирая хлебом все масло и весь соус»*. Правда, то, за что нас в детстве ругала мама, во Франции – нормально, сам видел, как французы корочкой хлеба вытирали на тарелке остатки блюда и отправляли корочку в рот. Слышал, что если «шеф» увидит такое, может прослезиться – значит, оценили его гастрономический талант! В «Липпе» есть обычай: шеф-повар выходит в зал ресторана и спрашивает мнение гурманов о его сегодняшних блюдах – обратная связь и демократичное общение «кухарки» с сильными мира сего. При этом «кухарка» хоть и не управляет государством, но менторски интересуется, раскусили ли его гастрономическую идею. И, наверное, ставит двойки министрам и президентам, если те не усекли.

Во второй день, когда уже смеркалось, набрёл я и на знаменитое кафе “Closerie des Lilas” и с бульвара стал разглядывать его, так сказать, нутро (люди внутри были одеты уже в вечернее платье). Видимо, наблюдал я довольно долго, так как вдруг вышел метрдотель в смокинге и бабочке и пригласил меня войти. Я объясняю: не могу, мол, одет по-туристски, в джинсах и кроссовках. Он улыбается, машет рукой, мол, мура всё это, решительно берёт меня под локоть и вводит в кафе. Но “Closerie des Lilas” – это всё же не заведение общепита, а элитарный (и дорогой сегодня) клуб пишущих людей. Чтобы как-то извинить своё присутствие в этом аристократическом клубе, спрашиваю метра: дескать, слышал, что писал здесь Хемингуэй... Метр не выпуская моего локтя, меняет маршрут и ведёт по диагонали через весь зал к стойке бара. (Сидящий народ пристально вглядывается в меня: это что за артист? какая-то знаменитость новая? чем славен? столько внимания ему...). Подошли к стойке бара, метр извиняется и просит сидящих Mesdames, Messieurs чуть раздвинуться. Мне неудобно (зачем я здесь?! мне-то тут что делать?!), но все чрезвычайно учтиво раздвинулись. А метр указывает мне на золочённую табличку, врезанную в дерево стойки бара: “Ernest Hemingway”. Вот это да!

А Mesdames, Messieurs с улыбкой кивают, сами довольные, что доставили удовольствие иностранцу: “Да, Monsieur, он здесь бывал, и любил сидеть на этом месте”. “Силь ву плэ, займите столик, Monsieur” – предлагает метр. И отказаться уже нельзя.

Сел я в сторонке за столик, недалеко от тапера, играющего на рояле какие-то негромкие парижские мелодии, вроде бы даже знакомые по фильмам... Пришлось заказать что-нибудь (решил выбрать нечто, связанное с Хемингуэем: коктейль “А Moveable Feast” – название его романа, который на русский перевели как “Праздник, который всегда с тобой”. 13,5 евро! “Однако!”, – сказал бы Киса Воробьянинов. “Да ладно уж, давай, впечатляйся...”, – сказал внутренний голос).

Смотрю по сторонам. Люди скорее беседуют, чем едят – видно, встретились тут, чтобы пообщаться. За соседним столиком сидит какой-то то ли писатель, то ли журналист – что-то там правит ручкой в своих разложенных бумагах.

Вдруг замечаю и на своём столике привинченную золочённую табличку: “J.P. Sartre, Simone de Beauvoir”. Ни фиги себе! Сам ЖэПээС с Симоной сидели за моим столиком (вернее, конечно, я сижу за их!!) Родители экзистенциализма! Вспомнились модные разговоры в студенческой общаге про этот самый экзистенциализм («Старик, как existence соотносится с essence?» «Естественно, существование предшествует сущности – какая проблема, старик?»). Вечера за кофе, со слайдами, в сигаретном дыму, с приглашением философов и писателей – мало чего было понятно, но любопытно... Пришло даже какое-то ощущение вины: не мне бы тут сидеть, а тем ребятам-интеллектуалам, кто и стихи писал, и в философии ориентировался, и в физике замечательно рубил...

Тут моего соседа с бумагами зовут к выходу (кто-то приехал за ним), он уходит, быстро собирая бумаги. Мне – любопытно: а кто же сидел за его-то столиком? Встал, посмотрел на табличку: “Paul Eluard, Andre Gide, Jean Giraudoux, Romain Rolland”. Во дела!! Что называется, приобщился к парижской богеме...

Вышел я из кафе, постоял около бронзовой фигуры маршала Нея, «принца Московского», и повернул на рю Нотр-Дам-де-Шан. Там должен был находиться дом 113 с лесопилкой, где жил Хемингуэй. Но дома не было. Теперь там располагается какое-то

современное здание с «Эльзасской школой». Перешёл улицу и пошёл обратно. И вдруг остановился возле открытой двери в доме 110, Rue Notre-Dame-des-Champs, откуда вкусно пахло съестным. Это явно была та самая дверь булочной, через которую Хемингуэй, сокращая путь, проходил на бульвар Монпарнас! В рассказе «В кафе «Купол» с Пасхиным» читаем: *«Вечер был чудесный, я весь день напряженно работал и теперь вышел из нашей комнаты над лесопилкой, прошел через двор, мимо штабелей досок и бревен, захлопнул за собой калитку, перешел улицу, вошел в заднюю дверь булочной, где так вкусно пахло пекущимся хлебом, и вышел на бульвар Монпарнас. В булочной горел свет, смеркалось, и я пошел по темнеющей улице и задержался на открытой террасе ресторана «Тулузский негр»...»*

Действительно, это была задняя дверь той самой булочной! Войти или не стоит? Ну, сунешься туда, и что ответишь на вопрос какого-нибудь пекаря, кто ты такой и что тут делаешь? «Иду по хемингуэйевским местам?». Может, пекарь и знать не знает никакого Хемингуэя, тем более, почему его путь лежал через его булочную! Неприятностей не оберёшься – всё же частная собственность... Постоял я возле этой двери и вернулся на бульвар Монпарнас, снова пройдя мимо маршала Нея. Да, адрес этой булочной: 151 bis, Blvd. Montparnasse. А любимый ресторанчик Хемингуэя «Тулузский негр» (“Negre de Toulouse”) располагался рядом, в домах 157-159, Blvd. Montparnasse. Но ресторанчика дядюшки Лавиня больше нет – там теперь ресторан итальянской кухни “Padova”. Спросил метрдотеля о «Тулузском негре», но он ничего не знал. Пошёл дальше по бульвару Монпарнас. До поздней ночи ходил я по Латинскому кварталу, на пятке даже шпора проявилась.

Хоть и больно было ступать, но и в оставшиеся два дня я продолжал ходить пешком по улицам и бульварам. С утра до вечера. «Монпарнас, Монпарнас, ты моё призвание... Никогда до конца не пройти тебя», – мурлыкал я на возвышенный мотив другой песенки моего студенчества. Воспоминаниям студенческих лет способствовали и названия парижских улиц: Лапласа, Лежандра, Ампера, Паскаля, Коши, Гей-Люссака... Они напоминали об уравнениях, полиномах, формулах, критериях их имени.

Было жаль, что праздники заканчиваются, и нужно выходить на работу...

В Париж я приезжал семь раз – хотелось поближе познакомиться с городом, попытаться обнаружить следы той его атмосферы, которая тянула в начале прошлого века в Город Света молодых художников и писателей со всего мира. Следствием прогулок стал постпарижский синдром (говорят, не лечится) – захотелось больше узнать о персонажах, населявших Латинский квартал, ещё раз перечитать Хемингуэя – то, что он штрихами обозначил о Париже и жизни его артистов в «Фиесте» и «Празднике...». Почему-то чтение получилось занудно внимательным и чересчур конкретным – наткнулся на некоторые огрехи перевода, ошибки писателя, мифы, купюры и недоговорённости...

* * *

В «Празднике...», в рассказе «Обманная весна», Хемингуэй вспоминает, как они с женой Хэдли весенним вечером возвращались домой из бара, где отметили удачу на скачках:

«Обратно мы шли в темноте через Тюильри и остановились посмотреть сквозь арку Карусель на сады, за чопорной темнотой которых светилась площадь Согласия и к Триумфальной арке поднималась длинная цепочка огней. Потом мы оглянулись на темное пятно Лувра, и я сказал:

– Ты и в самом деле думаешь, что все три арки расположены на одной прямой? Эти две и Сермионская арка в Милане?

– Не знаю, Тэти. Говорят, что так, и, наверно, не зря.»

И далее Хэдли говорит:

– Я помню Сермионскую арку. Она похожа на эту...»

Здесь Эрнест и Хэдли ошиблись: в Милане нет Сермионской арки, но есть Семпионская арка (она же Арка Мира в миланском парке Семпионе). Эту арку начали возводить в 1807 году по желанию Наполеона Бонапарта, призвавшего городской совет Милана возвести именно триумфальную арку, чтобы он, Наполеон Бонапарт, мог, возвращаясь из Парижа, торжественно входить в

Милан. Арку, проём которой якобы ориентирован по оси Париж – Милан, закончили строить в 1838 году, уже после смерти Наполеона. Очевидно, каприз Наполеона состоял в том, чтобы на одну ось «насадить» Версаль, Лувр и Милан. Ведь на оси, проходившей через парижские арки, лежал так называемый «королевский путь» из Лувра в Версаль.

Вероятно, Хемингуэй спутал Сермионе и Семпионе по созвучию: Сермионе – курортный городок в Италии, и, возможно, он был на слуху у Хемингуэя, когда он лечился в госпитале Милана после ранения в Первую мировую войну. Эта ошибка фигурирует не только в русском переводе книги, но и в английском оригинале.

В сегодняшнем Париже на одной оси с Триумфальной аркой и аркой Карусель находится гигантская арка в квартале Дефанс – Grande Arche или “Tabouret” («Табуретка») на парижском арго. Но это в сторону, противоположную Милану.

Я со своим другом Болотом Садыбакасовым (спасибо ему за помощь!) решил проверить гипотезу Хемингуэя – действительно ли миланская Семпионская арка находится на одной оси с двумя старинными парижскими арками, Триумфальной и Карусель. Проверка осуществлялась с помощью компьютерной программы “Google–Earth”. Сначала в Париже нашли Триумфальную арку, затем восточнее её – арку Карусель. Сориентировали две парижских арки так, чтобы их центры лежали точно на горизонтальной оси монитора. Далее «двинулись» по горизонтальной оси вправо от Елисейских Полей, Тюильри и Лувра – на юго-восток, в сторону Италии. Чтобы не сместиться с оси, «двигались», удерживая нажатой клавишу со стрелкой – мышку не трогали. После перехода на «грубый» масштаб обнаружили, что ось проходит севернее Милана. Гипотеза Хемингуэя не подтверждалась.

Этот вывод проверили расчётом с помощью уравнений аналитической геометрии. Сначала, используя программу “Google–Earth”, определили точные координаты центров трёх арок: Триумфальной (48°52'25,72" северной широты, 2°17'42,06" восточной долготы) и Карусель (48°51'42,15" сев. ш., 2°19'58,48" вост. д.) в Париже и Семпионской в Милане (45°28'32,49" сев. ш., 9°10'20,75" вост. д.).

Затем по координатам парижских арок и долготе Семпионской арки рассчитали, на какой широте должен был бы находиться центр Семпионской арки, чтобы он лежал на общей с парижскими арками оси (вернее, на общей дуге – в сферической системе координат). Расчёт показал: он должен был бы находиться на 3,4143 градуса севернее, или приблизительно на 380 километров севернее её реального положения. Вывод подтвердился: гипотеза Хемингуэя неверна. Опыт применения космической картографии к любительскому хемингуэйеведению оказался разрушительным...

* * *

Ещё одна находка – она связана с тем, что французское слово “le dome” имеет в русском языке значение не только «собор», но и «купол».

В том же «Празднике...», в рассказе «В кафе “Купол” с Пасхиным», читаем: «...*Исполненный в тот вечер сознания своей праведности, я прошел мимо всего набора завсегдаев «Ротонды» и, презрев порок и стадный инстинкт, перешел на другую сторону бульвара, где было кафе «Купол». В «Куполе» тоже было полно, но там сидели люди, которые хорошо поработали...*

Я прошел через зал и подсел к Пасхину, с которым были две сестры – натурщицы. Пасхин помахал мне, когда я ещё стоял на тротуаре улицы Делаμβра, размышляя, зайти выпить или нет».

ВОПРОС: мог ли художник Пасхин из кафе «Купол» увидеть Хемингуэя на тротуаре улицы Делаμβра?

ОТВЕТ: а) Не мог, если ошибочно считать, что художник Пасхин сидел в кафе “La Coupole”: ведь от кафе “La Coupole” до улицы Делаμβра – довольно приличное расстояние. И вряд ли тротуар улицы Делаμβра мог просматриваться с того места на бульваре Монпарнас, где находится кафе “La Coupole”;

б) Мог, если правильно считать, что художник Пасхин сидел в кафе “Le Dome”, которое находится именно на пересечении улицы Делаμβра и бульвара Монпарнас, и в этом случае он, конечно, мог заметить Хемингуэя на тротуаре.

Оба слова – “la coupole” и “le dome” – с французского языка на русский могут быть переведены как «купол», это и ввело путаницу. Рассказ, названный в оригинале “With Pascin at the Dome”, переведён как «В кафе “Купол” с Пасхиным», а следовало бы просто перевести его как «В кафе “Дом” с Пасхиным». Налицо неряшливость переводчиков, путающая русскоязычных туристов, бродящих по хемингуэевским местам Парижа.

Оба кафе, “La Coupole” и “Le Dome”, находятся на бульваре Монпарнас (102, Boulevard du Montparnasse и 108, Boulevard du Montparnasse, соответственно; расстояние между ними – где-то в сотню метров) – на стороне, противоположной той, где расположено кафе «Ротонда». Не зная карты этой части Парижа и не имея оригинала на английском языке, читателю трудно разобраться, о каком из этих двух парижских богемных кафе идёт речь в рассказе «В кафе “Купол” с Пасхиным».

Упоминаемые здесь три монпарнасских кафе – исторические: в них в 10-20-ые годы ушедшего века зарождалось новое искусство, avant-gardisme. В них любили собираться художники, поэты и писатели: Пикассо и Модильяни, Шагал и Фужита, Сутин и Пасхин, Хемингуэй и Эренбург. Здесь сживали и такие персонажи советской истории, как Ленин и Троцкий, Борис Савинков, Махно и Петлюра. Эти кафе и их обитатели упоминаются и у Ильи Эренбурга в его мемуарах.

Трудно понять, почему три (!) переводчика (М. Брук, Л. Петров и Ф. Розенталь) в общем-то небольшой книги Хемингуэя допустили такую ошибку. Может, потому, что они много сил и внимания отдали, чтобы исказить смысл и содержание другого рассказа, “A Matter of Measurements”? Сравнение оригинала и перевода показывает, что переводчики и/или редактор (И. Грачев) опустили некоторые абзацы и даже изменили название рассказа. Его следовало бы перевести не как «Проблема телосложения», а, например, как «Вопрос, как мерить». Телосложение Фицджеральда тут не причём!

Если в этот рассказ после фразы «*Мы пошли в Лувр, и он посмотрел на статуи, но всё ещё сомневался*» вставить недостающий в русском переводе абзац (всего-то четыре строки), то станет ясно, что Хемингуэй был у Фицджеральда как бы сексопатологом.

Вот этот опущенный абзац: *“It is not basically a question of the size in repose,” I said. “It is the size that it becomes. It is also a question of angle.” I explained to him about using a pillow and a few other things that might be useful for him to know”.*

Перевести его можно так: *«Вопрос не в том, какого он размера в невозбуждённом состоянии», – сказал я. «Главное – это размер, каким он становится. Также важен угол». Я объяснил ему, что нужно пользоваться подушечкой, и некоторые другие вещи, которые ему было бы полезно знать».*

Далее – по опубликованному тексту:

– Одна девушка, – сказал он, – была очень мила со мной. Но после того, что сказала Зельда... и т.д.

В тексте этого рассказа и до приведённого абзаца есть недомолвки и неточности – видимо, переводчики хотели замазать щекотливую тему. Им пришлось попотеть, чтобы всё свести к проблеме конституции Фицджеральда, тогда как он был озабочен размером только пениса...

* * *

Между прочим, один из переводчиков, Михаил Брук, был человеком не простым: сегодня выясняется, что он был не только специальным корреспондентом Агентства Печати «Новости» (АПН), но и посредником между известным американским бизнесменом, хозяином концерна “Оксидентал”, Армандом Хаммером (который ещё с Лениным заключал коммерческие сделки), и Советским правительством. Поэтому ему приходилось общаться и с Косыгиным, Брежневым, Горбачёвым, Киссинджером... Был он знаком и с последней женой Хемингуэя Мэри. Помогал Михаил Брук и Джорджу Соросу, когда тот организовывал свой Фонд в России.

В 1996 году в США вышла книга: E.J. Epstein. “Dossier: The Secret History of Armand Hammer”. New York, Random House. Как пишет в ней Эпстайн, *«Хаммер с самого начала их знакомства понимал, что Брук – офицер советской разведки»... «Когда один из высших руководителей “Оксидентала” поинтересовался деловым опытом Брука, Хаммер беспечно бросил: “Майк из КГБ, – и объяснил: – Без КГБ мы не можем заниматься бизнесом в*

России, и поэтому лучше иметь сотрудника КГБ»... В Штатах считали, что АПН является «крышей» советской разведки, а все её корреспонденты – секретные агенты КГБ.

Михаил Ильич Брук умер 11 августа 2002 года на 73-ем году жизни, похоронен в Юрмале (Латвия). Был ли он связан с советскими спецслужбами, сказать мне трудно, но не являются ли путаница с названиями кафе и географические опечатки в книге следами той цензурной традиции, когда в СССР намеренно искажались даже масштабы географических карт? В «Празднике...», в рассказе «Обманная весна», газета “La Gazette de Lausanne” «переведена» как «Газет де Люцерн». Если знать, что Лозанна – франкоговорящий город Швейцарии, а Люцерн – немецкоговорящий, то этот нонсенс бросается в глаза (французская газета в немецкоговорящем городе?... Маловероятно...). И действительно: «Газетт де Лозанн» – старая ежедневная газета на французском языке, основанная ещё в 1798 году, а «Газет де Люцерн» не существовало вовсе. Есть и другие, более мелкие географические искажения...

Сам Хемингуэй, оказывается, тоже допускал ошибки. Не только в географии, но и в биологии: в повести «Старик и море» Хем говорит о костях акул, но у акул и череп, и позвоночник, и ребра – всё из хрящей. Правда, акулу он видел глазами простого рыбака Сантьяго, а не ихтиолога, так что простительно.

Хемингуэй мог допустить и историческую ошибку. Американский журналист и биограф Хемингуэя Арон Хотчнер (Aron Edward Hotchner) вспоминал, что Хем под винными парами мог бахвалиться, что спал с самой танцовщицей-шпионкой Матой Хари. Вот враль! Мата Хари была расстреляна за шпионаж 17 октября 1917 года, а Хемингуэй впервые появился в Европе в июле 1918 года. Что взять с Нобелевского лауреата, который «университетов не кончал»!

* * *

Анализ показывает, что некоторые «недомолвки» в книгу мог внести и сам Хемингуэй, а может, его последняя жена Мэри – после гибели Эрнеста.

Из рассказа «На выучке у голода» узнаём, что у Хэдли на

Лионском вокзале Парижа украли чемодан со всеми рукописями Хемингуэя: «... всё написанное мною было украдено у Хэдли на Лионском вокзале вместе с чемоданом, в котором она везла все мои рукописи ... Она уложила в папки оригиналы и машинописные экземпляры со всеми копиями». Шок от потери был сильным: «Это было скверное время, я был убежден, что никогда больше не смогу писать...»... «Я не мог поверить, что она захватила и вторые экземпляры...».

Читатель вместе с Хемингуэем сожалеет о пропаже на Лионском вокзале, переживает, печалится... А история эта, оказывается, закончилась вполне благополучно – все те рукописи вернулись к Хему! Более того, сама книга «Праздник, который всегда с тобой» родилась из возвращённых рукописей! Но Хемингуэй утаил от читателя счастливый конец, не сказал об этом в книге. Почему?

О том, что в парижском отеле «Ритц» в ноябре 1956 года нашлись какие-то чемоданы Хемингуэя, набитые его бумагами, писал Борис Грибанов (Б.Т. Грибанов. «Эрнест Хемингуэй». М., «Молодая гвардия», 1971). И о том, что эта находка сподвигла Хема сестра за воспоминания о своей парижской молодости, можно прочитать у него же. Хемингуэй трудился над воспоминаниями осень 1957 и весну 1958 года. Получился «Праздник, который всегда с тобой», в котором не упоминается находка в «Ритце». И в книге Бориса Грибанова ничего нет о том, что найденные в «Ритце» чемоданы и есть те, что украли у Хэдли на Лионском вокзале. Даже прочитав обе книги, сегодняшний читатель не заметит подвоха. Он откроется, если прочитать третью книгу – Юрия Папорова (Ю.Н. Папоров. «Хемингуэй на Кубе», М., «Советский писатель», 1982). Это дотошное журналистское расследование на 576 страницах. Автор провёл на Кубе пять лет, где расспрашивал тех, кто жил рядом с Хемингуэем в его доме и обслуживал его – секретаря-фотографа, врача, повара, шофёра, садовника, прачку, тех, кто охранял виллу, кормил многочисленных кошек Хемингуэя, был капитаном на катере «Пилар», рыбаков и барменов.

Юрий Папоров описывает беседу с врачом Хемингуэя, Хосе Луисом Эррерой, и секретарём-фотографом писателя, Роберто

Эррерой. По словам врача, Хемингуэй очень радовался находке в отеле «Ритц». Он признал в найденных бумагах те свои рукописи, которые Хэдли везла ему и не довезла. Секретарь же рассказывает, что помогал дону Эрнесто разбирать рукописи. Хемингуэй брал старые листы, редактировал, а затем перепечатывал. Получилась книга «A Moveable Feast».

Почему же писатель в рассказе «На выучке у голода» говорит о пропаже на Лионском вокзале, но ничего не говорит о находке украденных рукописей? Секретарь ответил: «Так было надо! Чтoб ни у кого не появилось сомнения, что книга новая, что она недавно написана. В противном случае издатели и читатели отнеслись бы к ней с меньшим интересом. Это психологический момент». «Похоже ли это на Хемингуэя, Роберто?» – спросил Папоров. Роберто развел руками: «В те годы он уже очень прислушивался к мнению мисс Мэри...».

В книге Папорова есть выдержки из воспоминаний Мэри Хемингуэй, опубликованных в 1964 году, где Мэри говорит о находке в отеле «Ритц»: «Эрнест не видел эти вещи с 1927 года, когда он упаковал их в баулы и оставил в отеле перед отъездом в Ки-Уэст».

То есть, по словам Мэри, это не те вещи, которые украли у Хэдли в 1922-ом, а те, что были забыты в 1927 году, и которые ехали не в Лозанну, а в Ки-Уэст, во Флориду. Вот где собака зарыта! Нужна была версия: «Хэдли потеряла рукописи, но те документы так и не нашлись; найденные же в «Ритце» рукописи относятся к более позднему времени» – вот основная мысль заявления Мэри. Для чего?

Дело в том, что в «Празднике...» большая часть книги – рассказы о том, что предшествовало апрелю 1922 года. Последующие же события – Скотт Фицджеральд и упоминание первого варианта «И восходит солнце» дописаны потом. Но нужно было создать впечатление, что все рассказы написаны вновь, что истории вспомнены, а не использованы старые рассказы, то есть, что «Праздник...» – книга новая. Тогда её можно выгоднее продать! Поэтому в старые записки – в новую книгу – и вставлен эпизод с кражей всех рукописей, причём, с оговоркой, что украдены были и копии (если б копии остались, ими же можно было бы воспользоваться!). Чтобы ни у кого, кто узнал о находке

в «Ритце», не возникло мысли, что книга написана по старым материалам. Поэтому-то в книге и не описан эпизод с находкой в «Ритце». И что важнее – не сказано, что рукописи вернулись!

Кто знает, может быть, Мэри в своём интервью указала, что Хем не видел эти вещи с 1927 года и потому, что 1927 – это год, когда Хемингуэй развёлся с Хэдли, и легче создать впечатление, что Хем собрал шмотки, переехал в отель, а потом и забыл их там.

В своих воспоминаниях Серго Микоян упоминает фразу, услышанную от Мэри в Нью-Йорке в 1964 году, что она в «Праздник...» «внесла небольшие редакционные поправки, которые, я знаю, Эрнест хотел бы, чтобы были сделаны». Любопытно было бы узнать, какие же это были поправки... Может, те, что здесь обсуждаются?

Кстати, недавно в США вышло новое издание книги “A Moveable Feast”, которая называется «восстановленным изданием» (“the restored edition”), и на этот раз она отредактирована Сином Хемингуэем (Sean Hemingway), внуком Эрнеста Хемингуэя и Полин Пфейффер, второй жены писателя. Внук не согласен с редакцией, сделанной в 1964 году Мэри Хемингуэй, и внёс поправки, изображающие его бабушку в более сочувственном свете. Внук говорит, что, поступая так, он чувствует, что восстанавливает мемуары ближе к варианту, который хотел иметь дед. Его поддержал и дядя, Патрик Хемингуэй, сын Эрнеста и Полин.

Эрнест Хемингуэй писал о потерянных в 1922 году парижских рукописях в четырёх своих произведениях: “A Moveable Feast”, “Islands in the Stream”, “The Garden of Eden” и “True at First Light”, хотя редакторы не всегда включали этот эпизод в опубликованные версии книг. Специалисты-медики по теории психологических травм видят в этих повторениях материал для своих исследований (Marc Seals. Trauma Theory and Hemingway’s Lost Paris Manuscripts. The Hemingway Review, Vol. 24, No. 2, pp. 62-72, 2005). Очевидно, травма была чрезвычайно серьёзная.

* * *

Согласно Юрию Папорову, знаток творчества Хемингуэя А. Старцев утверждал, что «по изяществу и прозрачности письма

многие страницы «Праздника...» принадлежат к лучшим образцам прозы Хемингуэя... и отличаются по стилю от всего, что было создано писателем за последние двадцать лет его жизни». Это, очевидно, свидетельство в пользу того, что «Праздник...» – это старые парижские записки Хемингуэя, а не «новая книга».

В связи с этим наблюдением, можно предположить, что уже упомянутый рассказ «Обманная весна» – один из обнаруженных в «Ритце» и один из первых примеров использования Хемингуэем изобретённого им литературного приёма – «принципа айсберга» – когда писатель опускал «всё, что хорошо знаешь».

В рассказе Эрнест и Хэдли, пройдя вечером по саду Тюильри и под Аркой Карусель, наблюдают с моста Карусель панораму Парижа и нежно вспоминают Чинка, их прогулки втроем по высокогорным лугам и через перевал Сен-Бернар в Италию, глицинию и цветущие каштаны, вечерние литературные споры в шале, ловлю форели... Хэдли вспоминает то, что ей особенно дорого: «Мы все трое спорили обо всем на свете... Когда вы с Чинком говорили, я не оставалась в стороне. Не то что у мисс Стайн, где я всего лишь жена».

То ли воспоминания об аппетитной голубой форели, которую умеют готовить лишь хозяйки некоторых горных шале, то ли длительная прогулка вызвали у Эрнеста острое ощущение голода, и они с Хэдли пошли ужинать в ресторан «У Мишо».

Пожинав у Мишо, Хемингуэй обнаружил, что «то, что мы чувствовали там, на мосту», «чувство, которое на мосту мы приняли за голод, не исчезло и жило в нас»... И не давало уснуть Эрнесту. Отчего он мучался? Что за думу думал? И что это было за чувство? Объяснения писатель опустил, следуя своему принципу «айсберга», и читатель должен догадываться сам.

Когда, как Хем, подолгу работаешь в кафе «на одном safe-сегменте», гастрит легко зарабатывается. В стрессовых ситуациях он о себе напомнит, и боль принимаешь за голод. Возможно, стресс, «чувство», возникшее на мосту и позже не дававшее уснуть Хемингуэю, было вызвано тяжёлыми раздумьями о будущем. (Хэдли на мосту сказала, что они «везучие», Эрнест же отвечает ей на это уже у ресторана, сознавая, что говорит и думает невпопад – его голова занята не только мыслями о Чинке, но ещё чем-то).

Можно предположить, что описанное в рассказе относится к весне 1923 года. Тогда легко декодировать название рассказа – «Обманная весна» (“False Spring”). Эта весна обманула надежды Хемингуэя на успешное развитие его литературного дебюта. В январе 1923 года журнал «Поэтри» опубликовал шесть стихотворений, в марте журнал «Литл ревью» печатает шесть его прозаических миниатюр, в июле в Париже, в издательстве Р. Мак-Элмона должна выйти первая книга – «Три рассказа и десять стихотворений». Эрнест радовался, что можно хоть какое-то время не писать для газеты, а заниматься собственным творчеством... И в этот успешный дебют вмешались заботы семейные. Нужно было покинуть Париж, увозить Хэдли рожать в Торонто, чтобы ребёнок получил канадское или американское гражданство.

Известно, что сюжеты рассказов Хемингуэя переплелись с фактами его биографии. Следы тяжёлых раздумий Хемингуэя той обманной весной 1923 года, угадываются в рассказе «Кросс по снегу». В нём, очевидно, Ник – это Эрнест, Джордж – Чинк, а Эллен – Хэдли.

«– Что, Эллен ждёт ребенка? – спросил Джордж...

– Да.

– Скоро?

– В конце лета.

– Ты рад?

– Да. Теперь рад.

– Вы вернетесь в Штаты?

– Очевидно.

– Тебе хочется?

– Нет.

– А Эллен?

– Тоже нет.

– А что, Ник, если нам с тобой никогда больше не придется вместе ходить на лыжах? – сказал Джордж.

– Этого быть не может, – сказал Ник. – Тогда не стоит жить на свете.

Они открыли дверь и вышли... Обратный путь еще можно проделать вместе.»

Очевидно, Эрнест видел в трёх арках, якобы соединённых одной осью, символ их тройственного дружеского союза: Эрнеста, Хэдли и Чинка.

* * *

Сегодня Интернет и знание языков позволяют прояснить многое из того, что было непонятным в годы, когда вышла книга Хемингуэя в СССР. Из Сети можно больше узнать о лицах, фигурирующих в «Празднике...», восстановить пейзаж Монпарнаса, прочитать о друзьях Хема, о которых он не очень-то распространяется в книге. Вот, например, кто такой Чинк? Впервые появившись в рассказе Хемингуэя «Много форели в Ронском канале» (1922 г.), он всплывает потом и в «Празднике...» (в рассказе «Обманная весна»), и в «Зелёных холмах Африки», и в «Лев мисс Мэри».

«Чинк» – это британский офицер, ирландец по национальности, Эрик Эдвард Дорман-Смит (Eric Edward Dorman-Smith, 1895-1969). Хемингуэй познакомился с ним 3 ноября 1918 г., в день перемирия между Италией и Австрией. Они подружились, и Эрнест впитывал фронтовые рассказы Дорман-Смита, стараясь сохранить в памяти характерный жаргон британского офицера. Долгое время Чинк был другом Эрнеста и Хэдли Хемингуэй. Он проводил вместе с ними отпуска, а когда удавалось, и рождественские каникулы – в Альпах.

Военная биография Чинка любопытна и заслуживает того, чтобы её изложить последовательно. Эрик Эдвард Дорман-Смит родился в Ирландии в 1895 году. Вступил в армию, став курсантом Королевского военного колледжа в Сандхерсте. Окончил его в начале 1914 года в чине лейтенанта стрелкового батальона. Прослужил всю Первую мировую войну, был трижды ранен, награждён Военным крестом, к концу войны достиг чина майора.

После Первой мировой войны Дорман-Смит служил в Ирландии, в тот период, когда Британская армия участвовала в политических волнениях, связанных с проблемой независимости Ирландии. Выражал точку зрения, что профессиональный военный должен быть отстранённым от политики, даже если она касается его собственной страны. Дорман-Смит был неортодоксальным

командиром, обладал полемичным, острым умом, в Британской армии он считался одним из первых интеллектуалов.

Когда началась Вторая мировая война, Дорман-Смит был бригадным генералом и заместителем начальника Генштаба в Индии, а в 1940 году назначен комендантом Ближне-Восточного Штабного колледжа в Хайфе. В декабре 1940 года стал бесценным советником по тактике у генерал-лейтенанта Ричарда О'Коннора в Западных Силах в африканской пустыне и обеспечил сенсационный разгром итальянцев при Беда Фомм.

Командующий на Среднем Востоке генерал Клод Окинлек оценил аналитические способности Дорман-Смита в подготовке операций Восьмой армии, и в апреле 1941 года назначил его ответственным за оперативное командование. В мае 1942 года Дорман-Смит стал заместителем начальника Генштаба, а в июне, уже в чине генерал-майора, и начальником Генштаба.

Во время первой битвы при Эль-Аламейне в 1942 году, которая остановила продвижение войск Оси, немцев и итальянцев, Дорман-Смит отвечал за планирование стратегии мобильной обороны. Тогда он написал исследование, в котором дал обзор тактической ситуации и рекомендуемого периода подготовки к бою в условиях пустыни. Потом оно было принято преемником Окинлека, генерал-лейтенантом Бернардом Монтгомери, в качестве основы его операций при Алам-Хальфе и во время второй битвы при Эль-Аламейне.

В августе 1942 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль снял Окинлека и Дорман-Смита с их постов – он считал, что они действуют нерешительно против Африканского корпуса Роммеля. (Великая спорность этого решения всплыла после войны. Тогда Дорман-Смит заставил издателя мемуаров Монтгомери внести в них строки, признающие заслуги Окинлека. Дорман-Смит также возбудил дело против Черчилля за клевету, вынудив его опубликовать в своих мемуарах признание невиновности Дорман-Смита за поражение британцев при Газале и Тобруке и снять с него ответственность за них).

Дорман-Смит всегда был задиристым, и это создавало ему врагов. Пониженный до чина полковника, он принял командование

пехотной бригадой и закончил войну в Италии, где участвовал во взятии Рима. Хотя Дорман-Смит командовал без ошибок, он вскоре был снят со своего поста без объяснения причин, и в ноябре 1944 года был вынужден выйти в отставку, разочарованный и глубоко огорчённый.

Дорман-Смит удалился в фамильное поместье в Белламонт Форест, где в 1949 году взял себе имя О'Гован, ирландскую версию английской фамилии Smith. Начал новую карьеру адвоката, стал помещиком, а также военным советником Ирландской республиканской армии (ИРА) (!). Умер в Ирландии в мае 1969 года. Никто из представителей правительства Великобритании на его похороны не пришёл.

Британские генералы признают сегодня, что во время недавних операций НАТО в Ираке они использовали опыт Дорман-Смита 1940-ых годов в планировании операций бронетанковых войск в пустыне.

Чинк был крёстным отцом первого сына Хемингуэя, Джона, 16 марта 1924 года (крестными матерями были Гертруда Стайн и Алиса Токлас). Когда Джон вырос и отправлялся в Европу на войну, уже Вторую мировую, между Джоном и отцом состоялся разговор. Он касался страха смерти на войне. Хемингуэй: *«Я рассказал ему о том, что, когда меня впервые ранили в 1918 году, я очень боялся внезапно умереть – боялся до такой степени, что не мог спать без ночника, – но я рассказал ему также о своем храброем друге по имени Чинк Смит, который однажды прочел цитату из Шекспира, она очень понравилась мне, и я попросил его записать её для меня. Это строки из второй части «Генриха Четвертого», я выучил их наизусть, и с тех пор они всегда со мной. «Ей-богу, мне всё нипочем; смерти не миновать. Ни в жизнь не стану труса праздновать. Суждено умереть – ладно, не суждено – ещё лучше. Всякий должен служить своему государю, и что бы там ни было, а уж тот, кто помрёт в этом году, застрахован от смерти на будущий»...»*

В «Празднике...», в рассказе «Обманная весна», есть строки: «Люди всегда ограничивали счастье – за исключением немногих, которые несли ту же радость, что и сама весна». Чинк нёс такую радость и Эрнесту, и Хэдли. Когда Хэдли потеряла чемодан со всеми рукописями Хемингуэя, это был настоящий

удар для него, но «...Чинк научил меня никогда не говорить о потерях».

М-да... Настолько «никогда», что Хем о потерянных рукописях писал в четырёх своих произведениях, а вот об их счастливом возвращении – ни разу...

* * *

Наверное, многие задавали себе вопрос: а почему эту небольшую книжку рассказов о Париже 1920-ых годов называют романом? В этом опять заслуга переводчиков.

Во Введении к первому изданию книги Хемингуэя написано: «Если читатель пожелает, он может считать эту книгу романом. Но ведь и вымысел может пролить какой-то свет на то, о чем пишут как о реальных фактах».

«Если читатель пожелает...».

В Интернетовской версии книги эти строки переведены уже по-другому: «Если читатель пожелает, он может считать эту книгу беллетристической. Но ведь и беллетристическое произведение может пролить какой-то свет на то, о чем пишут, как о реальных фактах».

В оригинале же книги на английском языке во Введении читаем: “If the reader prefers, this book may be regarded as fiction. But there is always the chance that such a book of fiction may throw some light on what has been written as fact”.

В оригинале: “fiction”! Это ведь не обязательно «роман», «беллетристика», но и «вымысел»!

Во второй фразе Введения в издании 1966 г. это слово и перевели как «вымысел». Но в первой-то фразе – как «роман», и это сбивало с толка!

Хемингуэй как бы подстраховывался – можете считать вымыслом, если найдёте какие-то неточности. А может, как бы извинялся, если кого-то изобразил в невыгодном свете? По Юрию Тынянову, «литература начинается там, где заканчивается факт». Этот подход, очевидно, близок и Хемингуэю, что и нашло отражение в его фразе про «вымысел» – разумеется, художественный.

В том же Введении писатель пишет: «По причинам, вполне убедительным для автора, многие места, люди, наблюдения и

впечатления не вошли в эту книгу». У Хемингуэя была своя теория: «Можно опускать что угодно – при условии, если знаешь, что опускаешь». Возможно, он и в «Празднике...» опустил много интересного о художественной жизни Парижа тех лет?..

А может, это Мэри «беллетризовала», подкорректировала книгу? «Праздник...» ведь вышел уже после смерти Хема... Сегодня выясняется, что так могло быть. Выше мы уже упоминали, что потомки Эрнеста Хемингуэя, недовольные редакцией Мэри, выпустили к юбилею отца и деда новую версию книги “A Moveable Feast”. Они называют её «восстановленным изданием».

* * *

Вот ещё вопрос: где это видано, чтобы автор в качестве эпитафии к книге брал свои же собственные слова? Можно предположить, что поскольку книга посмертная, эпитафия подобрала Мэри Хемингуэй – из какого-то письма мужа другу.

В эпитафии – ключевая фраза: «...где бы ты ни был потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж – это праздник, который всегда с тобой» (“... wherever you go for the rest of your life, it stays with you, for Paris is a moveable feast”).

А вернее: «... где бы ты ни оказался в оставшейся жизни, он остаётся с тобой, так как Париж – это перемещающийся праздник». Тут, очевидно, Хемингуэй имел в виду христианские «перемещающиеся» праздники.

Как известно, в христианском календаре праздники бывают как с фиксированными датами (например, Рождество), так и с меняющимися каждый год датами – это перемещающиеся праздники (Пасха и ряд других, отстоящих от неё на определённые дни – до Пасхи и после неё). Вот эти-то события с перемещающимися датами и называются по-английски “the movable feasts”. Среди них есть как постные праздники, так и праздники-пиршества. И эта общность названия перемещающегося поста и праздника-пира придаёт метафорический смысл названию книги. Ведь во всей книге Хемингуэя “A Moveable Feast” – две главных темы: голод («пост») и страстное желание творить («пиршество» духа!). Творчество в условиях голода и холода – вот о чём в каждом рассказе

Хемингуэя. Эта книга – не только о праздничной жизни в Городе Света, но и о прозе парижских буден.

Но, оказывается, в названии книги “A Moveable Feast” ещё больше смысла! Биографы Хемингуэя отмечали, что орфография у Папы была ужасной. Немногие люди заметили, что название книги “A Moveable Feast” должно было быть написано как “A Movable Feast” – чтобы имелся в виду именно перемещающийся праздник. Оказалось, это биограф Хемингуэя Арон Хотчнер предложил Мэри сохранить орфографию Эрнеста в названии книги. Он убедил её, что “moveable” более уместно, чем “movable”! Одна дополнительная буква “е” вносила дополнительный смысл. Дело в том, что по-английски “moveable” – «способный глубоко взволновать, тронуть» (тогда, как “movable” – просто «перемещаемый», «перемещающийся»). Следовательно, Париж – это не только «перемещающийся праздник», который всегда с тобой, но и глубоко волнующий!

19 июля 2009 года, известный журналист Генрих Боровик, встречавшийся с Хемингуэем и даже ловивший с ним рыбу, рассказал на радиостанции «Эхо Москвы», что это с его «подачи» появилось название книги «Праздник, который всегда с тобой». «Правда, – сказал Г. Боровик, – я предложил своему другу, переводчику Мише Бруку, несколько иное название – «Праздник, который носишь с собой», но Миша и его коллеги-переводчики потом изменили его на то, под которым книга известна сегодня».

«Праздник...» – это книга и об ответственности художника за свой талант и о бережном отношении к нему, хотя таких слов и нет в книге Хемингуэя (он предпочитает это называть дисциплиной). ...«...Нужно...сохранить ясность мысли до утра, когда я снова возьмусь за работу»... «Я старался придерживаться этого всегда... и это очень дисциплинировало».

Но ещё «Праздник, который всегда с тобой» – это книга о непрошедшей любви к Хэдли. Её Хемингуэй вспоминал всю жизнь и казнил, что предал. И воспоминания эти были всегда с Эрнестом...

Юрий Папоров записал воспоминания врача Хосе Луиса Эрреры. Однажды Хемингуэй усадил врача «и с возбуждением и мольбой в глазах попросил послушать». Хосе Луис указал Ю.Папорову эти места в книге, которые взволнованный дон

Эрнесто зачитал врачу (Папоров цитирует их по русскому изданию «Праздника...»).

«Эрнесто прочёл: “Но мы выиграли большие деньги, большие деньги для нас, и теперь у нас была весна и ещё деньги. И я подумал, что ничего другого нам не нужно”... “Мы с Хэдли увлекались лыжами... у неё были очень красивые, удивительно сильные ноги, и она прекрасно владела лыжами...”... “Когда поезд замедлил ход у штабеля бревен на станции и я снова увидел свою жену у самых путей, я подумал, что лучше умру, чем буду любить кого-то другого, кроме неё”... “Я любил только её и никого больше...”».

«Эрнесто показал мне, – вспоминал врач Эррера, – ещё куски, связанные с Хэдли, но в изданной книге я их не нашёл.» (Опять приходит в голову: «Наверное, это Мэри так подкорректировала книгу?»).

Врач отмечает далее: «Тогда мне показалось, что всё это – он дописал о привезённому из Парижа материалу». То есть дописал осознанно то, что пронёс через годы, – к старой парижской рукописи.

Ю.Папоров спросил Эрреру: «А не кажется ли тебе, Хосе Луис, что любовь Хемингуэя к Хэдли... – эта его любовь была самой глубокой, единственной любовью, к которой всё остальное он уже примерял, ничего подобного не находил и никому в этом не признавался?». Тот ответил: «Похоже. Помню, когда он закончил читать, я высморкался. Эрнесто был до слёз мне благодарен! ... Он принял это за мою чувствительность. Прочёл ещё раз: «... Я подумал, что лучше умру, чем буду любить кого-то другого, кроме неё» – и сказал: «Да, так оно быть должно! Но в нашем мире – уже невозможно!»».

Коротко об авторах

Юрий Федорович Барвинок

Родился в 1960 году в г. Фрунзе. Кандидат сельскохозяйственных наук. Окончил Кыргызский сельскохозяйственный институт им. Скрябина, аспирантуру в Ленинградском НИИ растениеводства, затем – юридический факультет Кыргызского Государственного Национального Университета им. Баласагына. Ныне – Генеральный директор ОАО «Тепличный». Автор многих научных публикаций, общественно-политических статей и рассказов.

Талип Ибраимов

Родился в 1940 году в с. Сары-Булак. Окончил Киргосуниверситет, а затем Московские Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Работал редактором на киностудии «Киргизфильм», а в настоящее время преподает в Кыргызско-турецком университете «Манас». Автор трех сборников повестей и рассказов. Лауреат «Русской премии» за 2007 год.

Александр Михайлович Камышев

Родился в 1953 года в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время работает экспертом в антикварно-нумизматическом салоне и преподает в Славянском университете. В «Литературном Кыргызстане» в разное время опубликованы его рассказы «Ваха», «Встречи» и «Маятник».

Бахтияр Койчуев

Койчуев Бахтияр родился в 1963 году в Бишкеке. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета, опубликовал более 60 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе – о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана.

Камиль Молдосанов

Родился в 1947 году в г. Бугуруслане Оренбургской области, Россия. Окончил физический факультет МГУ в 1973 г. Работал в Курчатовском институте в Москве, ОКБ ИКИ АН СССР во Фрунзе (Бишкеке) и компании Lohr Industrie в Страсбурге (Франция).

Александр Никитенко

Родился в 1948 году в Душанбе. С 1951 года живет в Бишкеке. Окончил Киргосуниверситет. Работал редактором в Госкомиздате, ответсекретарем в «Литературном Кыргызстане», газетах «Вечерний Бишкек», «Моя столица», ныне – редактор отдела газеты «МСН». Александр Никитенко публикуется в нашем журнале с 1967 года. В этом году он выпустил в свет свою четырнадцатую поэтическую книгу .

Темиркул Уметалиев (1908 – 1991)

Народный поэт Кыргызстана, участник Великой Отечественной войны. Участвовал в освобождении от фашистов Закавказья, Украины, Румынии и Австрии. Награждался многими боевыми орденами и медалями. Автор десятков поэтических сборников. Переводчик А. Пушкина и В. Маяковского.

Суюнбай Эралиев

Родился в 1921 году. С 1944 года сражался на фронтах Великой Отечественной войны. В мирное время работал в газетах и журналах. Награждался боевыми орденами и медалями. Автор многочисленных поэтических сборников. В его переводах вышли книги стихов и поэм А.Твардовского, Э.Межелайтиса, У.Уитмена, Ф.Шиллера. Народный поэт Кыргызстана, Герой Кыргызской Республики.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 23.06.2010 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 12. Заказ 54.